

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

1871.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стран.

I. Извлеченіе изъ протоколовъ Московскаго Юридическаго Общества ... 3
II. Вердикты присяжныхъ. I. Публичная исповѣдь столичнаго присяжнаго засѣдателя. II. Провиціальные присяжные засѣдатели. *П. Обнинскаго* ... 11
III. Итоги дѣятельности судебныхъ приставовъ по округу московской судебной палаты. *П. С. Веритовскаго* ... 21
IV. О предѣлахъ власти владѣльца, по русскому праву, распоряжаться благопріобрѣтеннымъ имуществомъ на случай смерти. *А. М. Фальковскаго* ... 32
V. Юридическая хроника.—Нечаевское дѣло. — Управляющій банкомъ во Владимірѣ, заботящійся о благонравіи своихъ чиновниковъ.—Гласность процесса.—Слухи, порожденные имъ.—Сдерживанія защиты.—Полемика между Московскими Вѣдомостями и Судебнымъ Вѣстникомъ.—Равнодушіе общества.—Консультація присяжныхъ повѣренныхъ.—Дѣло владимірскаго предводителя дворянства Огарева.—Процессы московскихъ скопцовъ.—„Современныя Извѣстія" по поводу ихъ, а также о гг. Шайкевичѣ и Куперникѣ.—М. Ф. Громницкій.—Роль прокурора при возбужденіи слѣдствій.—Разница между прокуроромъ и обвинителемъ, адвокатомъ и защитникомъ.—Журнальный тактъ „Современныхъ Извѣстій." *В. И. Кохнова* ... 36
VI. Судебная практика. I. Окружнаго суда. II. Судебной палаты ... 45
VII. Юридическія замѣтки:
a) Такъ-ли это? I—II. *Члена Палаты Д. П. Тихомирова* ... 80
b) Отвѣтъ на замѣтку „О замѣнѣ неустойкой взысканія убытковъ." *М. Л.* ... 83
VIII. Корреспонденція Вѣстника:
По поводу двухъ вопросовъ Юридическаго Общества о передачѣ векселей по бланковымъ надписямъ. *М. Града.* 85
IX. Разныя извѣстія ... 89
X. Новѣйшая адвокатура. Жюля ле-Беркье. Пер. съ франц. *В. И. Кохнова.* (Въ приложеніи) ... 17—32

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 1869 и 1870 г.

1869 г. 11 декабря. По вопросу: „Запрещеніе, наложенное на недвижимое имущество, по совершеніи на оное купчей у нотаріуса, можетъ ли служить препятствіемъ къ обращенію оной въ актъ крѣпостной чрезъ утвержденіе старшимъ нотаріусомъ?“

При обсужденіи этого вопроса принято было въ соображеніе: 1) до изданія нотаріальнаго положенія законъ возлагалъ на писцовъ крѣпостныхъ дѣлъ и въ особенности на надсмотрщика обязанность разсмотрѣть, не имѣется ли какихъ законныхъ препятствій къ совершенію предположеннаго акта; 2) совершеніе купчей на имѣніе, состоящее подъ запрещеніемъ, допускалось только подъ условіемъ представленія продавцемъ другого собственнаго имѣнія, по цѣнѣ соразмѣрно обезпечивающаго наложенное запрещеніе, или же внесенія всей суммы иска или взысканія; 3) продавать можно имущество токмо свободное, т.-е. не состоящее подъ запрещеніемъ въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей; 4) продажа и купля, учиненныя вопреки законныхъ запрещеній, не дѣйствительны; 5) со введеніемъ въ дѣйствіе положенія о нотаріальной части на старшаго нотаріуса, между прочимъ, возложена обязанность удостовѣряться въ томъ, что гражданскіе законы (т. X. ч. I) не воспрещаютъ совершенія и утвержденія акта; 6) акты на недвижимыя имущества, подъ опасеніемъ недѣйствительности, должны быть совершаемы всегда у нотаріусовъ и обращаемы въ *крѣпостные* и 7) что пока актъ на недвижимое имущество не обращенъ въ крѣпостной, его нельзя считать окончательно совершоннымъ, а потому и наложенное на недвижимое иму-

щество запрещеніе должно имѣть силу до послѣдняго момента, т.-е. до утвержденія акта старшимъ нотаріусомъ.

Вслѣдствіе чего и на основаніи том. X. зак. гражд. ч. I ст. 768, 775, 1388 и 1406 и полож. о нотар. ч. ст. 66, 157 и 167, бывшіе въ засѣданіи члены Юридическаго Общества полагали, *что предложенный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно.*

По вопросу: „Можетъ ли продавецъ или покупщикъ односторонне отказаться отъ обращенія купчей, совершонной у нотаріуса, въ актъ крѣпостной чрезъ утвержденіе оной старшимъ нотаріусомъ?"

Принявъ въ соображеніе: 1) что для дѣйствительности купчей, по закону, требуется обращеніе нотаріальнаго акта въ крѣпостной чрезъ утвержденіе его старшимъ нотаріусомъ; 2) что всѣ способы пріобрѣтенія правъ, закономъ опредѣленные, тогда только признаются дѣйствительными, когда они утверждаются на *непринужденномъ произволѣ и согласіи* и 3) что пока главные моменты обряда совершенія крѣпостнаго акта не осуществлены, нѣтъ основанія считать актъ окончательно состоявшимся, члены Юридическаго Общества участвовавшіе въ обсужденіи вопроса, полагали, *что и въ данномъ случаѣ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно.*

1870 г. 18 мая. По вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ А. М. Богдановскимъ: „Конкурсное управленіе, по отношенію къ третьимъ лицамъ — не кредиторамъ, дѣйствуетъ ли въ качествѣ присутственнаго мѣста, или какъ частное лицо?"

По закону (ст. 1910 уст. о тор. несост.) конкурсное управленіе *есть присутственное мѣсто*, составляющее по дѣламъ, *ему ввѣреннымъ*, до окончанія ихъ, *нижнюю степень коммерческаго суда.* Въ этомъ качествѣ оно, наравнѣ съ надворнымъ судомъ и магистратомъ, сносится со всѣми судебными и другими мѣстами, имѣетъ свою печать и необходимое число письмоводителей, подъ надзоромъ предсѣдателя. Дѣятельность его, по разуму закона приравненная суду, очевидно вызывается государственною потребностью охраненія кредита, а не представляется единственнымъ результатомъ воли кредиторовъ. Право конкурскаго управленія представить свое заключеніе о свойствѣ несостоятельности, имѣющемъ своимъ послѣдствіемъ даже уголовную отвѣтственность, слу

жить достаточнымъ доказательствомъ, что оно не есть только представитель кредиторовъ, а имѣетъ характеръ самостоятельнаго учрежденія. По симъ соображеніямъ большинство членовъ Юридическаго Общества, обсуждавшихъ вопросъ, находило, *что конкурсное управленіе и по отношенію къ лицамъ, несостоящимъ кредиторами несостоятельнаго, сохраняетъ значеніе присутственнаго мѣста.*

Противъ этого принятаго большинствомъ мнѣнія было однако сдѣлано слѣдующее возраженіе: задача конкурса заключается въ раздѣлѣ обремененнаго долгами имущества между кредиторами неоплатнаго должника; заключеніе, которое онъ въ правѣ постановить о свойствѣ несостоятельности, не имѣетъ характера рѣшенія, а только мнѣнія; считать конкурсъ самостоятельнымъ учрежденіемъ нѣтъ законнаго основанія, такъ какъ отъ воли кредиторовъ зависитъ прекращеніе конкурса во всякій моментъ его существованія. Конкурсное управленіе вѣдаетъ лишь дѣла несостоятельнаго и распоряжается его имуществомъ, а потому можетъ имѣть значеніе присутственнаго мѣста только для кредиторовъ несостоятельнаго должника. Для охраненія кредита, въ видахъ общественнаго и государственнаго интереса, законъ подчиняетъ конкурсное производство надзору суда. Самое производство имѣетъ характеръ *исполнительный,* а не административный или судебный. Къ чему же послѣ того учрежденію, имѣющему болѣе значеніе хозяйственное, придавать характеръ не свойственный прямымъ его цѣлямъ?

Большинство тѣмъ не менѣе осталось при высказанномъ мнѣніи.

По вопросу, предложенному А. М. Богдановскимъ: „Сохраняютъ ли дѣйствія и распоряженія конкурснаго управленія свою силу и въ томъ случаѣ, когда впослѣдствіи составъ онаго признанъ будетъ незаконнымъ со стороны высшаго суда?“

Прежде всего членами Юридическаго Общества обращено было вниманіе на то, при какихъ условіяхъ, по закону, составъ конкурснаго управленія можетъ быть признанъ незаконнымъ. На этотъ предметъ, ни въ уставѣ о торг. несост. въ главѣ о выборѣ кураторовъ и составленіи конкурснаго управленія (ст. 1903—1916 т. XI.), ни въ ст. о судопр. по дѣл. несост. лицъ неторговаго званія (т. X ч. 2 ст. 1005—

1010), наконецъ ни въ Высочайше утвержд. 1 іюля 1868 г. Мнѣніи государственнаго совѣта нѣтъ никакихъ указаній и правилъ. Кураторы и предсѣдатель конкурснаго управленія избираются наличными заимодавцами по большинству голосовъ (ст. 1904 уст. о торг. несостоят.). Изъ этого узаконенія очевидно также, что составъ конкурснаго управленія долженъ состоять изъ предсѣдателя и не менѣе двухъ кураторовъ. Должностямъ кураторовъ и предсѣдателя не присвоено никакихъ правъ государственной или общественной службы. Слѣдовательно относительно того, кто не могутъ быть кураторами и предсѣдателемъ конкурснаго управленія, въ виду отсутствія постановленій закона на этотъ предметъ, возможно, кажется, руководствоваться только общими постановленіями о правоспособности и тѣми ограниченіями, которыя изложены въ улож. о наказ. Далѣе, при значеніи, которое дается конкурсному управленію 1910 ст. т. XI, очевидно, что порядокъ производства въономъ дѣла долженъ быть подчиненъ общему порядку, изложенному во II т. зак. общ. учр. о губ., почему и составъ его не можетъ быть менѣе чѣмъ изъ трехъ лицъ. Затѣмъ, обращаясь къ предложенному вопросу, нѣкоторые изъ членовъ находили: 1) что только въ такомъ случаѣ возможно признаніе дѣйствій и распоряженій конкурснаго управленія, въ незаконномъ его составѣ, не имѣющими никакой силы, когда въ рѣшеніи высшаго суда прямо это выражено, или же когда составъ такого конкурса будетъ признанъ недѣйствительнымъ со всѣми его послѣдствіями; 2) что, по закону, конкурсное управленіе, какъ присутственное мѣсто, подчинено суду, отъ котораго и зависитъ разрѣшеніе жалобъ на неправильныя его дѣйствія и распоряженія, почему эти послѣднія не могутъ быть отмѣнены иначе какъ судомъ, въ вѣдомствѣ котораго учреждено конкурсное управленіе. Противъ этого сдѣлано было возраженіе, что съ признаніемъ незаконности состава конкурснаго управленія всѣ его дѣйствія и распоряженія теряютъ свою законную силу, какъ исшедшія отъ собранія, неимѣвшаго права постановлять ихъ. Если допустить противное, то всякая идея о законности власти должна пасть и постановленія собранія, организованнаго даже путемъ насилія, пришлось бы считать имѣющими законную силу. Вопросъ

рѣшенъ былъ большинствомъ *согласно съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ.*

19 октября. По вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ И. М. Остроглазовымъ: „Преступленія по должности, влекущія за собою исключеніе изъ службы, должны ли вѣдаться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей? (Ст. 201 и 1071 уст. угол. суд.).“

И. М. Остроглазовъ. Преступленія должности преслѣдуются и наказанія за оныя, опредѣленныя закономъ, налагаются въ особомъ порядкѣ судопроизводста (ст. 1066 — 1116 уст. уголов. судопр.). Подсудность дѣлъ этого рода опредѣлена въ 1071 ст., а порядокъ суда изложенъ въ 1103—1112 стат. того же устава. Но какія именно преступленія должности подлежатъ сужденію окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената *съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей,*—въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, не выражено, а находится лишь указаніе, что по дѣламъ о преступленіяхъ должности, относительно порядка назначенія присяжныхъ засѣдателей и призыва ихъ въ судебную палату, или въ кассаціонный департаментъ правительствующаго сената и составленія изъ нихъ присутствія, слѣдуетъ поступать по правиламъ, вообще о присяжныхъ засѣдателяхъ постановленнымъ (ст. 550—553 и 646—677 уст. угол. судопр.). Затѣмъ, обращаясь къ порядку производства уголовныхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, мы находимъ, что дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ *или ограниченіемъ права состоянія,* вѣдаются окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями (стат. 201 уст. угол. судопр.) Изъ этого общаго правила подсудности окружнымъ судамъ слѣдуетъ обратить вниманіе вопервыхъ на дѣла, указанныя въ 1073 ст. того же устава и на дѣла по государственнымъ преступленіямъ, отнесенныя къ вѣдомству судебныхъ палатъ, въ особомъ составѣ присутствія, и верховнаго уголовнаго суда, въ коихъ законъ не допускаетъ участія присяжныхъ засѣдателей (ст. 1032 и 1062 того же устава).

Переходя наконецъ къ сущности занимающаго насъ вопроса, мы находимъ: 1) по улож. о наказ. (ст. 66) „исключенный изъ службы лишается права вступать снова въ ка-

кую-либо государственную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности по назначенію дворянства, городовъ и селеній"; 2) сопоставляя это узаконеніе съ 50 и 87 ст. того же уложенія, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія, что исключеніе изъ службы составляетъ не только наказаніе, *сопряженное съ потерею нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ*, но даже, въ опредѣленномъ 87 ст. случаѣ, „замѣняемое лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніемъ въ смирительномъ домѣ" и 3) что за симъ, преступленія должности, за которыя полагается наказаніе—*исключеніе изъ службы* подлежатъ сужденію общихъ судебныхъ мѣстъ *съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей* на точномъ основаніи приведенной нами 201 ст. устав. угол. судопр.

А. М. Фальковскій. Предложенный почтеннымъ нашимъ сочленомъ вопросъ возбужденъ также и судебною практикою и именно однимъ изъ моихъ клiентовъ, принесшимъ апелляціонный отзывъ на рѣшеніе судебной палаты уголовному кассаціонному департаменту правительствующаго сената, но сомнительно, чтобы онъ получилъ въ высшемъ судебномъ учрежденіи утвердительное разрѣшеніе. *Исключеніе изъ службы* не принадлежитъ, по закону, (ст. 65 улож. о нак.) къ общимъ мѣрамъ наказаній и взысканій. Въ особой части улож. о наказ. о преступл. и проступ. по служ. государст. и обществ., гдѣ только законъ допускаетъ лишеніе нѣкоторыхъ, на основаніи ст. 50 особенныхъ правъ и преимуществъ на это сдѣлано прямое указаніе. Изъ этого должно заключить о самостоятельности *исключенія изъ службы*, какъ мѣры наказанія. Кромѣ того и послѣдствія исключенія изъ службы, какъ это видно изъ 66 ст., ограничиваются единственно воспрещеніемъ вступать снова въ государственную службу и участвовать по выборамъ въ оную, тогда какъ по 50 ст. кромѣ того для дворянъ запрещено поступать и въ опекуны по назначенію дворянской опеки; затѣмъ и приведенная здѣсь 87 ст. того же уложенія не служитъ въ пользу утвердительнаго разрѣшенія вопроса, а напротивъ ясно выражаетъ, что для лицъ, неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, *исключеніе изъ службы* можетъ быть замѣнено лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, и стало быть скорѣе,

по разуму закона, имѣетъ значеніе самостоятельнаго наказанія.

В. Н. Лешковъ. Воспрещеніе исключеннымъ изъ службы вновь поступать въ оную и участвовать по выборамъ во всякомъ случаѣ составляетъ ограниченіе личныхъ правъ гражданина. Законъ же дѣла по преступленіямъ, влекущимъ за собою наказанія, соединенныя съ ограниченіемъ правъ состоянія, относитъ къ вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Со введеніемъ у насъ суда присяжныхъ, болѣе желательно увеличеніе, а не ограниченіе предѣловъ его вѣдомства. Преступленія должности хотя для правильнаго ихъ обсужденія и требуютъ нѣкотораго знанія служебныхъ порядковъ и законовъ, но и въ составѣ суда присяжныхъ, иногда не имѣющемъ этихъ качествъ, обвиняемый найдетъ болѣе гарантій, а общество увѣренности, что здоровый народный смыслъ и безпристрастіе присяжныхъ всегда оградятъ интересы его, требованія закона и справедливости.

Б. У. Бениславскій. Я присоединяюсь къ мнѣнію сочлена, предложившаго вопросъ. По убѣжденію моему тонкое различіе, здѣсь проведенное нашимъ оппонентомъ, между 50 и 66 ст. улож. о наказ., не измѣняетъ существа наказанія—*исключенія изъ службы;* разъ оно сопряжено съ ограниченіемъ личныхъ правъ, то и преступленія должности, влекущія за собою *исключеніе изъ службы,* въ отношеніи ихъ подсудности, должны быть подчинены дѣйствію 201 ст. устав. угол. суд.

Большинство членовъ, обсуждавшихъ вопросъ, *присоединилось къ мнѣнію И. М. Острогдазова.* *)

По вопросу: „Убійство незаконнорожденнымъ своей матери подходитъ ли подъ дѣйствіе 1449 ст. улож. о наказ.?“

В. И. Кохновъ. Ст. 1449 улож. предусмотрѣно умышленное убійство отца или матери, составляющее самое тяжкое изъ преступленій противъ жизни. Нѣтъ, кажется, надобности излагать здѣсь мотивы законодателя. Но разумѣлъ ли послѣдній, въ данномъ случаѣ, родителей вообще, или только лицъ, въ законномъ бракѣ прижившихъ дѣтей, какъ объ

*) Уголовный кассаціонный департаментъ правительствующаго сената по дѣлу Тимирязева этотъ вопросъ разрѣшилъ отрицательно. Ред.

этомъ спрашиваютъ насъ, это вопросъ, по мнѣнію моему, до чрезвычайности ясный. Правда, наше гражданское право проводитъ строгое различіе между дѣтьми законными и незаконными, такъ что эти послѣднія не только не имѣютъ права на имя фамиліи отца, но и не наслѣдуютъ послѣ своихъ родителей (т. X ч. I ст. 136). Но установляя нормы отношеній родителей къ дѣтямъ, взаимныя обязанности тѣхъ и другихъ, гражданскіе законы (т. X ч. I ст. 164—177) не устанавливаютъ однако, въ сферѣ личныхъ отношеній, никакого различія между законными и незаконными дѣтьми и ихъ родителями. Да и возможно ли установленіе такого различія въ личныхъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ глубины человѣческой природы. Уголовный законъ, покровительствуя обезпеченію матеріальнаго положенія незаконнаго дитяти (ст. 994 улож. о наказ.), могъ ли отнестись иначе къ личнымъ отношеніямъ такихъ дѣтей къ ихъ родителямъ? Если внѣ законнаго брака не видно отца, тѣмъ не менѣе самый фактъ рожденія достаточно опредѣляетъ лицо матери. А потому коль скоро эта послѣдняя, завѣдомо, со стороны сына или дочери подвергается лишенію жизни, то какимъ же образомъ не отнести такое дѣяніе къ преступленію, предусмотрѣнному 1449 ст. улож. о наказ.? Союзъ дѣтей съ родителями не есть только установленіе гражданскаго права. Это—союзъ естественный, котораго ни государство, ни общество не въ правѣ игнорировать, а потому и уголовная его санкція должна быть тою же, какъ и въ отношеніи дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ.

Съ этимъ мнѣніемъ всѣ члены, обсуждавшіе вопросъ, вполнѣ согласились.

ВЕРДИКТЫ ПРИСЯЖНЫХЪ.

I.

Публичная исповѣдь столичнаго присяжнаго засѣдателя.

Недавно въ 4 № Юридическаго Вѣстника мы говорили о тенденціозности въ договорахъ московскихъ присяжныхъ засѣдателей. Оказывается, что тоже самое существуетъ и въ Петербургѣ, гдѣ *одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей* открыто въ іюньской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ *) заявляетъ о томъ же, да кромѣ того признаетъ еще за такимъ ненормальнымъ явленіемъ не только законность, но и нѣкоторое спасеніе отъ подмѣченныхъ авторомъ симптомовъ въ дѣлѣ новаго суда, грозящихъ „новое вино перелить въ старые мѣха“, въ „справедливыхъ и милостивыхъ судьяхъ“ воскресить „забытый-было черствый бюрократизмъ“. Несмотря на нѣсколько яркихъ уклоненій, на свой уже черезчуръ практическій характеръ, статья эта дышетъ такою любовью къ дѣлу, такимъ разумнымъ анализомъ и притомъ, какъ взглядъ на судебную процедуру присяжнаго засѣдателя, представляетъ до того любопытный и рѣдкій матеріалъ, что статью эту, говоримъ, нельзя оставить безъ возраженій, тѣмъ болѣе что она является на страницахъ серьезнаго журнала. Возражая, мы укажемъ именно на тѣ уклоненія, на ту узаконяемую авторомъ тенденціозность, которыя, по нашему крайнему убѣжденію, положительно вредны и прежде всего потому, что какъ разъ ведутъ къ той страшной для автора

---

*) Петербургскій судъ присяжныхъ (наблюденія и впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя). От. Зап. 1871 г. № 6.

эпохѣ, когда „новое вино окажется въ старыхъ мѣхахъ“ и когда попрежнему станетъ царствовать у насъ позабытый „черствый бюрократизмъ“.

Петербургскій засѣдатель, возмутившись массою маловажныхъ дѣлъ, предложенныхъ ему на разрѣшеніе, идетъ дальше своихъ московскихъ собратій. Онъ домогается рѣшать вмѣстѣ съ тѣмъ не только вопросы о примѣненіи наказанія, требуя чтобы присяжные на сей предметъ снабжались уложеніемъ въ совѣщательной комнатѣ, но и вопросы законодательные. Онъ прямо объявляетъ, что присяжные, сообразивъ кару, грозящую подсудимому, съ его виной, оправдывали виноватаго, и такимъ образомъ стремится подчинить присяжнымъ засѣдателямъ (*нашимъ* въ *данную* минуту!) цѣликомъ весь сложный механизмъ суда, такъ разумно и благодѣтельно распредѣленный теперь реформою между нѣсколькими независимыми факторами, сѣтуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что обвинительная власть плохо пользуется своимъ широкимъ и безконтрольнымъ правомъ прекращенія дѣлъ (стр. 374—375).

Такимъ образомъ авторъ безсознательно призываетъ на помощь двѣ темныя силы, свирѣпствовавшія въ старомъ судѣ: сосредоточеніе всѣхъ функцій его въ одномъ безотвѣтномъ организмѣ и произволъ въ направленіи дѣлъ, зависѣвшемъ во время-оно отъ канцеляріи, а теперь отъ прокурорскаго надзора.

Единственное спасеніе отъ „старыхъ мѣховъ“, „черстваго бюрократизма“, понятно, не въ этихъ предлагаемыхъ авторомъ реформахъ, а въ почвѣ законности, стоя на которой обвинительная власть не въ правѣ прекращать дѣло потому только, что оно ей такъ, или иначе не нравится. При существованіи опредѣленнаго закономъ и разъясненнаго кассаціонными рѣшеніями понятія о взломѣ, или о грабежѣ, власть эта неминуемо должна подносить присяжнымъ тѣ маловажныя дѣла, которыя такъ возмутили почтеннаго засѣдателя. Что же касается до „сомнительныхъ взломовъ“, то въ утѣшеніе автору можемъ сказать, что набранные имъ примѣры составляютъ мѣстное исключеніе. Мы знаемъ массу подобныхъ дѣлъ, направляемыхъ въ другомъ округѣ, при малѣйшей къ тому возможности и не покидая почвы законности, къ мировымъ судьямъ, при чемъ обвиняемые не „томятся въ острогахъ“, а немедленно же освобож-

даются, и дальнѣйшая ихъ судьба зависитъ уже отъ надлежащаго мироваго судьи.

Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что наше Уложеніе вообще и дѣленіе кражъ въ особенности давно требуютъ измѣненій, для того чтобы стать въ уровень съ новыми законами судопроизводства; но возможно ли вмѣсто разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ предлагать поправить бѣду присяжными засѣдателями, судьями факта, но не юристами, представителями общественной совѣсти, но не науки! Возможно ли желать, чтобы отъ того или другого личнаго взгляда обвинителя зависѣла участь обвиняемаго, дѣло о которомъ у него въ рукахъ!

Авторъ, настойчиво требуя, чтобы приговоры свои засѣдатели постановляли, посовѣтовавшись съ Уложеніемъ, полагаетъ, что это дѣло очень немудреное: надлежащая статья, грозящая подсудимому, всегда указана въ обвинительномъ актѣ и стоитъ ее только отыскать въ Уложеніи, забывая при этомъ, что рядомъ кассаціонныхъ рѣшеній за судомъ признано право въ большинствѣ случаевъ не стѣсняться этой указанной статьей, что дѣло примѣненія къ дѣянію извѣстнаго закона—дѣло далеко не такъ легкое. Достаточно вспомнить цифру кассированныхъ по этому именно поводу приговоровъ суда о наказаніи. Кромѣ того, чтобы подвести признанное вердиктомъ данное дѣяніе подъ извѣстный законъ, надо много юридическаго такта, опытности, логическихъ соображеній, а можно ли искать ихъ въ нашихъ присяжныхъ засѣдателяхъ. Мы указали только практическія неудобства предлагаемой мѣры, но и ихъ, думаемъ, совершенно достаточно для того, чтобы не распространяться о преимуществахъ, признанныхъ теоріею и давно усвоенныхъ иностранною судебною практикою, того судебнаго порядка, въ которомъ подлежащіе разрѣшенію суда вопросы факта и права рѣзко и независимо отдѣлены одинъ отъ другого. Аргументъ автора, что такъ или иначе присяжные узнаютъ грозящее подсудимому наказаніе, также несостоятеленъ, потому во 1-хъ, что знаетъ о томъ обыкновенно меньшинство, да и то въ столицахъ, и во 2-хъ, что это меньшинство, дѣлясь своими юридическими познаніями съ остальными присяжными, оказываетъ плохую услугу дѣлу правосудія, такъ какъ и само оно, это меньшинство, обязано закономъ, совѣстью и здра-

вымъ практическимъ смысломъ, разрѣшая участь подсудимаго, судить лишь о силѣ уликъ, обнаруженныхъ противъ него, объ его нравственномъ характерѣ, объ условіяхъ, при которыхъ совершено преступленіе и т. п. практическихъ данныхъ и совершенно отрѣшиться отъ всякихъ соображеній относительно дальнѣйшей, предоставленной одному суду, юридической квалификаціи дѣянія.

Насколько несостоятельна несчастная мысль почтеннаго засѣдателя о судѣ присяжныхъ на основаніи Уложенія, видно даже изъ того самаго вердикта, который онъ торжественно выставляетъ образцемъ побѣды своего приговора надъ аномаліями Уложенія. Именно обвинялась нѣкая „дочь генерала" въ кражѣ предмета, стоющаго много 3 рубля, „тѣмъ не менѣе, говоритъ авторъ, чиновницу ожидало за это *лишеніе всѣхъ правъ состоянія*" (курсивъ въ подлинникѣ); „какъ, спрашивается, оставалось поступить присяжнымъ съ этимъ субъектомъ? Обвинить! (улики были достаточныя)... ошельмовать *женщину*, а въ ея лицѣ нанести позоръ ея семьѣ, расторгнуть даже ея бракъ!... Да это, полагаемъ, и дикіе алеуты, самоѣды не сдѣлали бы, не только люди цивилизованные! Присяжные засѣдатели и ее, понятно, оправдали". При этомъ авторомъ сдѣланы ссылки на 1656 ст. улож., 169—172 ст. уст. о наказ. и 2 п. 45 ст. I ч. X т. (стр. 373). Но всякій, кто пожелаетъ освѣдомиться относительно, напр., расторженія брака, къ удивленію увидитъ, что 1656 ст. лишаетъ дворянъ *всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ*, брака, слѣдовательно, не расторгаетъ и составляетъ не уголовное, а исправительное наказаніе, т.-е. особый совершенно родъ. И вотъ, благодаря не „суровости наказанія", а неумѣнію обращаться съ Уложеніемъ, „генеральская дочь" вышла изъ суда оправданною. И если такое колоссальное неумѣніе обнаружилъ засѣдатель, ознакомившійся, какъ самъ говоритъ, передъ сессіею со всѣми юридическими источниками, знающій, повидимому, уставы въ полномъ ихъ уголовномъ объемѣ, цитирующій даже кассаціонныя рѣшенія и ко всему этому строго-критически относящійся не только къ собственной своей обязанности, но и ко всѣмъ другимъ органамъ наблюдаемаго имъ судебнаго процесса, если, повторяемъ, такъ колоссально ошибся такой засѣдатель, то что, спрашивается, будутъ творить остальные присяжные, снаб-

женные по желанію автора Уложеніемъ?.. Тогда, дѣйствительно, тѣмъ „алеутамъ и самоѣдамъ“ придется прекращать дѣла о генеральскихъ дочеряхъ, чтобы не вводить въ соблазнъ ихъ, „людей цивилизованныхъ“.

Отправленіе правосудія, какъ и всякое другое человѣческое дѣло, требуетъ отъ своихъ дѣятелей два главныхъ условія: спеціальную подготовку и навыкъ. Очевидно, что ни того, ни другого нельзя требовать отъ присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ по очереди изъ среды общества, отъ того-то имъ и предоставлено въ дѣлѣ суда только рѣшеніе фактическаго вопроса о винѣ, для котораго условій этихъ, понятно, не требуется. Авторъ же разбираемой статьи, вдаваясь въ разсмотрѣнныя нами уклоненія и узаконяя тенденціозность, отправляется, очевидно, отъ слѣдующаго, высказаннаго имъ въ концѣ положенія: „*коль скоро законъ смѣло отдаетъ участь подсудимаго и часто цѣлаго его семейства въ безконтрольное распоряженіе присяжныхъ, то всякое недовѣріе къ нимъ въ мелочахъ является чистѣйшею аномаліею, аномаліею, недостойною нашего времени*“ (стр. 401). Затаенное существованіе въ умахъ присяжныхъ такого всеразрѣшающаго положенія мы предполагали въ „Оправдательныхъ приговорахъ при наличности вины“, разсмотрѣнныхъ въ 4 книжкѣ Юридическаго Вѣстника. Теперь оно заявлено уже *гласно*, какъ *убѣжденіе* одного изъ присяжныхъ засѣдателей, и, стало быть, явленіе это не мѣстное и не случайное, а существующая и готовая окрѣпнуть, если не будетъ побиваема въ дальнѣйшемъ своемъ походѣ, доктрина, грозящая обходить съ тылу, или взрывать на воздухъ всѣ усилія обвинительной власти, судебнаго слѣдствія, заключительныхъ преній и предсѣдательской рѣчи.

Приведенныя нами слова представляютъ собою типичное выраженіе такой доктрины, толкующей права засѣдателей съ одной стороны слишкомъ широко—относительно поползновеній вторгаться во внѣсудебныя сферы, а съ другой ужъ черезъ-чуръ узко—сосредоточивая все вниманіе присяжныхъ лишь въ одномъ подсудимомъ да на его семействѣ и игнорируя интересы общества, охрана которыхъ и составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ уголовнаго закона, ввѣрившаго часть этихъ интересовъ *представителямъ общества*—присяжнымъ засѣдателямъ.

Такое глубокое непониманіе своей роли, своихъ прямыхъ и чрезвычайно ясно обозначенныхъ въ законѣ обязанностей представляется со стороны присяжнаго засѣдателя, подобнаго автору разсматриваемой статьи, страннымъ заблужденіемъ. Еслибы, дѣйствительно, законъ смѣло отдавалъ участь подсудимаго въ „безконтрольное распоряженіе присяжныхъ," то все сложное судопроизводство, введенное уставами 20 ноября, было бы праздною тратою времени и силъ: обиженному, или обвинителю предстояло лишь пожаловаться присяжнымъ, а они „безконтрольно бы распорядились участью подсудимаго", помиловавъ его, или подвергувъ надлежащей карѣ и дѣлу конецъ. Но не такъ выходитъ въ дѣйствительности. Участь подсудимаго прежде всего зависитъ отъ того, а) чтобы обиженный принесъ куда слѣдуетъ жалобу, или преступленіе сдѣлалось гласнымъ, б) чтобы дознаніе выяснило достаточно фактовъ для возбужденія предварительнаго слѣдствія, в) чтобы это слѣдствіе раскрыло столько уликъ, сколько понадобится составителю обвинительнаго акта, г) чтобы этотъ актъ утвердила палата, д) чтобы судебное слѣдствіе подтвердило, а не опрокинуло этотъ актъ, е) чтобы въ преніяхъ обвиненіе одержало верхъ, ж) чтобы въ вопросахъ суда виновность была точно формулирована и з) чтобы заключительная рѣчь представила вѣрную характеристику всего дѣла Уже послѣ всѣхъ этихъ прецедентовъ, *главнѣйшимъ образомъ вліяющихъ на участь подсудимаго*, присяжные признаются закономъ достаточно приготовленными къ исполненію, важной но не всеобъемлющей задачи—рѣшенію, опять таки конечно, не участи, а фактическаго вопроса *), заданнаго судомъ все таки о винѣ, или невинности подсудимаго; затѣмъ судъ выслушиваетъ мнѣнія сторонъ и обсуждаетъ вопросъ о наказаніи и наконецъ объявляетъ приговоръ, но съ правомъ обжалованія **).

Гдѣ же тутъ „безконтрольное распоряженіе присяжныхъ участью подсудимаго" ***?

---

*) Вопросъ о виновности или невиновности нельзя же считать вопросомъ факта. Ред.

**) Приговоры, постановленные судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, почитаются окончательными (854 ст. уст. угол. суд.). Ред.

***) Юридически—вполнѣ безконтрольное. Ред.

Невольно вспоминается намъ первое, только-что открытое въ уѣздѣ земское собраніе, въ которомъ пришлось намъ оспаривать гласныхъ, собиравшихся пересматривать законъ о наймѣ рабочихъ и облагать подушною на земство податью крестьянъ въ то время, когда по дорогамъ не было проѣзда, хлѣбные магазины были пусты, а учителя сельскихъ школъ чуть не умирали съ голоду...

И вотъ, черезъ шесть лѣтъ, въ другой средѣ нашего общественнаго представительства, та же черта, тѣ же давно знакомыя поползновенія.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ оговориться: намъ могутъ возразить, что законодательство должно прислушиваться къ приговорамъ присяжныхъ засѣдателей, какъ представителей взгляда общества на извѣстное преступленіе, на извѣстный законъ. Приговоры эти, безспорно, составляютъ для законодательной дѣятельности существенный матеріалъ, какъ выраженіе народныхъ воззрѣній на ту, или другую сторону нашего юридическаго быта; но матеріалъ этотъ годенъ лишь настолько, насколько отражаетъ онъ въ себѣ направленіе, развившееся изъ среды народа *органически*, а не навѣянное извнѣ тѣми, или другими давно порѣшенными общественными задачами, т.-е. не такое, какое замѣтили мы въ приговорахъ московскихъ и петербургскихъ присяжныхъ засѣдателей, переносившихъ эти давно порѣшенныя задачи въ ту сферу, гдѣ онѣ кромѣ вреда и путаницы ничего доставить не могутъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, найдетъ въ нихъ поучительнаго законодатель? Весь итогъ сводится тутъ къ тому, что Уложеніе наше устарѣло и требуетъ пересмотра, что тюрьмы не исправляютъ, а развращаютъ, порождая рецидивизмъ и что состоящіе подъ слѣдствіемъ за малую вину долго сидятъ въ острогахъ.

Но эти вопросы давно всѣмъ извѣстны, разобраны до мельчайшихъ подробностей, порѣшены теоріей, отчасти и практикою и если въ этомъ отношеніи многаго остается желать, то ужь конечно нельзя успокоиться на приговорахъ, подобныхъ разобраннымъ нами, представляющихъ въ этомъ случаѣ до крайности наивную палліативу.

II.

Провинціальные присяжные засѣдатели.

Изложивъ въ двухъ предшествовавшихъ очеркахъ рѣзко выдавшіяся направленія въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей обѣихъ столицъ, переходимъ теперь къ провинціальнымъ ихъ собратіямъ. То блаженное ощущеніе, какое испытываетъ горожанинъ, покидая душный и пыльный городъ для свѣжихъ и зеленыхъ полей и рощъ деревенскаго затишья, чувствуемъ и мы, обращаясь къ дѣятельности присяжныхъ въ провинціи.

Вспоминая длинный рядъ сессій окружнаго суда, прошедшихъ предъ нашими глазами по разнымъ уѣзднымъ городамъ, нельзя не удивиться той глубокой разницѣ, которая замѣчается между приговорами столичныхъ и уѣздныхъ присяжныхъ. Здѣсь нѣтъ ни тенденціозности, ни господства интеллигентнаго меньшинства надъ равнодушнымъ большинствомъ, ни чрезмѣрной ревности, ни холодной, скучающей апатіи; здѣсь огромное большинство состава принадлежитъ къ крестьянамъ, которые вносятъ тотъ свѣжій, ничѣмъ не подкупленный элементъ въ дѣло суда, который такъ напоминаетъ чистый, обновляющій силы воздухъ деревни; оттуда они сходятся въ городъ, безропотно покидая свои работы и всецѣло посвящая себя призвавшему ихъ новому, трудному дѣлу; съ напряженнымъ вниманіемъ, но безъ празднаго любопытства, слѣдятъ они за развитіемъ процесса, честно обсуждаютъ его послѣдствія въ совѣщательной комнатѣ и выходятъ оттуда почти всегда съ вѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ приговоромъ. Часто, любуясь такою дѣятельностью, мы спрашивали себя, неужели это тѣ же люди, которые такъ безобразничаютъ въ волостныхъ судахъ, которые разживаются и свирѣпствуютъ въ должностяхъ старшинъ и старостъ. На крестьянина, какъ на ребенка, необыкновенно сильно вліяетъ та обстановка и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ ему приходится дѣйствовать: тотъ же крестьянинъ становится неузнаваемъ при перемѣнѣ этихъ условій. Если они благопріятны—являются и здравый смыслъ, и находчивость, и легко пріобрѣтаемая снаровка и вообще все, что

сохранилось хорошаго въ крестьянинѣ; и наоборотъ, если условія эти нехороши—все исчезло. Этимъ, доказаннымъ многосторонними наблюденіями свойствомъ и объясняется та польза, которую несомнѣнно оказали и оказываютъ правосудію крестьянскіе засѣдатели.

Крестьянскіе засѣдатели въ своихъ приговорахъ отличаются, чего всего меньше можно было бы ожидать отъ нихъ, необыкновенною самостоятельностью и стойкостью противъ всякихъ умственныхъ чужихъ вліяній; мы помнимъ дѣло, длившееся двое сутокъ, съ смутными косвенными уликами, съ образованнымъ старшиною, сильно старавшимся передать присяжнымъ вынесенное имъ убѣжденіе, съ талантливымъ защитникомъ и съ совершенно неожиданнымъ приговоромъ, разрушившимъ въ прахъ всѣ надежды интеллигенціи и несмотря на то поразительно вѣрнымъ истинѣ.

Иногда, дѣйствительно, и въ ихъ приговорахъ проглядываетъ вліаніе невытекающихъ изъ дѣла соображеній; но эти соображенія не имѣютъ ничего общаго съ тою сплошной тенденціозностью, которая бросается въ глаза въ приговорахъ столичныхъ засѣдателей. Обвиняются, напр., въ кражѣ два брата, улики совершенно равносильныя противъ каждаго изъ братьевъ, воровавшихъ при томъ вмѣстѣ и одновременно, такъ что, обвинивъ одного, немыслимо было оправдать другаго; присяжные, однако, это именно и сдѣлали, для того, какъ потомъ оказалось, чтобы не отнять у семьи сразу двухъ единственныхъ работниковъ. Обвиняются, затѣмъ, двое въ убійствѣ съ цѣлью грабежа; судебное слѣдствіе крайне не богато уликами, но присяжные ихъ обвиняютъ, чего никто не ожидалъ, и подсудимые остаются довольными приговоромъ. Оказалось, что мѣстные присяжные знали хорошо прежній образъ жизни подсудимыхъ, ихъ нераскрытые грѣшки и тотъ страхъ, въ какомъ держали они весь околодокъ. Обвиняется, наконецъ, сельскій староста въ растратѣ мірскихъ суммъ; улики несомнѣнныя, но староста объявленъ невиновнымъ; отчего, спрашиваютъ? „Это міру на зло, въ науку; зачѣмъ мошенниковъ въ старосты сажаютъ, да за ними не глядятъ, не учитываютъ; такъ вотъ пусть-ка теперь за свою глупость и расчитываются своими карманами."

Вотъ три наиболѣе типичныхъ примѣра, гдѣ дѣйствовали

постороннія соображенія. Одинъ изъ братьевъ и староста оправданы ради бытовыхъ условій крестьянскаго міра; что же касается обвиненія убійцъ, то нельзя отрицать, что біографическія свѣдѣнія о подсудимомъ представляютъ важный матеріалъ при оцѣнкѣ собранныхъ противъ него уликъ, матеріалъ, которымъ широко пользуется иностранная судебная практика. И если у насъ, благодаря многимъ условіямъ, о которыхъ долго распространяться, сообщенія такого матеріала и его провѣрки еще долго останутся мечтою, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы крестьянскіе присяжные засѣдатели, знакомые давно съ поведеніемъ подсудимаго, сознательно игнорировали это обстоятельство, произнося свой приговоръ и требовать этого у нихъ—будетъ по меньшей мѣрѣ безразсудно.

Восхваляя мудрость деревенскихъ присяжныхъ, мы ждемъ упрека въ увлеченіи; быть можетъ это и такъ. Но при сравнительномъ наблюденіи увлеченіе почти неизбѣжно. Наслушавшись столичныхъ приговоровъ, мы вспомнили о провинціальныхъ, вспомнили съ удовольствіемъ, въ чемъ и сознаемся. Цѣль настоящихъ замѣтокъ — не указать насколько тотъ или другой составъ присяжныхъ засѣдателей приблизился къ идеалу, а чѣмъ каждый изъ нихъ заявилъ себя на дѣлѣ и чѣмъ разнится отъ другаго, т. е. цѣль исключительно практическая.

Сопоставляя дѣятельность присяжныхъ въ столицахъ и въ провинціи, невольно приходится думать, что задача суда присяжныхъ, какъ и всякаго дѣла, требующаго самостоятельной умственной работы, достижима при наличности одного изъ двухъ условій: или неиспорченнаго полуобразованіемъ здраваго смысла, или полнаго умственнаго развитія, потому что только при этихъ условіяхъ можетъ существовать способность понять свое положеніе, просто и трезво отнестись къ своему дѣлу и не бродить вокругъ него хотя бы съ благонамѣренными абсолютно тенденціями.

П. Обнинскій.

ИТОГИ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

судебныхъ приставовъ по округу Московской Судебной Палаты.

Въ ноябрской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника" за 1867 годъ, въ статьѣ „*Очеркъ дѣятельности и значенія судебно-исполнительной власти, организованной по уставамъ 20 ноября 1864 г.*" мы имѣли случай ознакомиться съ дѣятельностью судебныхъ приставовъ московскаго окружнаго суда за первые полтора года введенія въ дѣйствіе судебной реформы, но послѣ того ни въ оффиціальныхъ отчетахъ, издающихся министерствомъ юстиціи о ходѣ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, ни въ другихъ періодическихъ журналахъ и газетахъ, мы не встрѣчали указаній ни на количество исполненныхъ рѣшеній, ни на самые способы исполненія ихъ.

Поэтому, въ виду того важнаго значенія, что для блага народнаго какъ необходимъ правый и скорый судъ, такъ не менѣе того и дѣйствительное исполненіе рѣшеній, съ добросовѣстными дѣятелями во главѣ, мы рѣшаемся представить на судъ общественнаго мнѣнія тѣ числовыя данныя, которыя имѣли возможность собрать изъ живыхъ источниковъ за 1868, 1869 и 1870 года, вполнѣ ручаясь за ихъ достовѣрность, поскольку они были доступны намъ за указанный періодъ времени, повозможности приведенный въ несомнѣнную достовѣрность.

Для большей же наглядности прилагаемъ у сего перечневую вѣдомость, въ формѣ оффиціальнаго отчета, по всему округу.

НАИМЕНОВАНІЕ СУДОВЪ И ЗА КАКІЕ ГОДА.	Число судебныхъ приставовъ при судахъ.	Количество повѣстокъ, доставленныхъ судебными приставами отъ судебныхъ мѣстъ и своихъ собственныхъ.	Количество исполнительныхъ листовъ, предъявленныхъ къ судебнымъ приставамъ частными лицами.	Цѣнность исковъ по предъявленнымъ къ приставамъ листамъ простиралась на сумму до	Количество произведенныхъ приставами торговъ на имѣнія.	Количество суммы, собранной и раздѣленной между приставами, сверхъ штатнаго содержанія.
За 1868 годъ.						
по Московскому	44	13,541	2,320	3,753,629 р.	206	18,000 р.
„ Рязанскому	13	3,427	1,213	520,737 „	56	3,768 „
„ Тульскому	16	3,835	1,139	758,544 „	70	3,348 „
„ Калужскому	14	2,477	493	1,002,105 „	48	1,980 „
„ Владимірскому	16	1,862	425	355,403 „	30	1,500 „
„ Ярославскому	8	2,931	477	581,104 „	76	1,601 „
*) Тверскому	7	956	139	89,325 „	11	1,300 „
„ Ржевскому	4	1,747	424	420,876 „	38	1,340 „
„ Кашинскому	4	456	115	135,692 „	29	750 „
„ Рыбинскому	5	558	117	763,044 „	14	614 „
„ **) Судебной палаты	3	—	—	—	—	1,030 „
За 1869 годъ.						
по Московскому	44	14,004	3,016	6,396,328 р.	151	18,375 р.
„ Рязанскому	13	2,466	1,122	311,892 „	30	4,870 „
„ Тульскому	16	3,246	1,162	594,986 „	73	4,540 „
„ Калужскому	14	2,829	863	1,042,061 „	60	2,797 „
„ Владимірскому	16	2,024	505	527,366 „	43	1,500 „
„ Ярославскому	8	2,692	525	246,342 „	57	2,019 „
„ Тверскому	7	2,140	603	612,194 „	30	1,525 „
„ Ржевскому	4	1,621	527	318,213 „	30	1,676 „
„ Кашинскому	4	670	262	779,766 „	21	765 „
„ Рыбинскому	5	818	204	247,950 „	12	705 „
„ Нижегородскому	13	1,011	212	502,457 „	9	616 „
„ **) Судебной палаты	3	—	—	—	—	1,042 „
За 1870 годъ.						
по Московскому	44	16,591	3,824	9,066,993 р.	137	20,095 р.
„ Рязанскому	13	3,288	2,041	847,061 „	44	5,635 „
„ Тульскому	16	3,248	2,004	1,825,857 „	74	5,620 „
„ Калужскому	14	2,236	1,238	2,779,366 „	30	2,425 „
„ Владимірскому	16	1,728	725	1,395,154 „	37	1,540 „
„ Ярославскому	8	3,263	690	574,947 „	46	2,600 „
„ Тверскому	7	2,407	765	769,972 „	37	1,900 „
„ Ржевскому	4	1,889	761	1,084,394 „	24	1,420 „
„ Кашинскому	4	481	364	447,240 „	28	728 „
„ Рыбинскому	5	927	307	73,983 „	12	957 „
„ Нижегородскому	14	3,080	1,362	1,917,285 „	48	3,400 „
„ **) Судебной палаты	3	—	—	—	—	1,313 „

*) За сентябрскую треть свѣдѣній не доставлено изъ Тверскаго суда, а только за двѣ трети.

**) Свѣдѣній о количествѣ доставленныхъ повѣстокъ судебными приставами при судебной палатѣ въ отчетѣ нѣтъ; исполненіемъ рѣшеній они не занимаются, а потому и въ графахъ допущены пробѣлы.

Изъ приведенныхъ числовыхъ данныхъ оказывается, что самая значительная дѣятельность какъ по количесту, такъ и по цѣнности дѣлъ, сосредоточивалось у судебныхъ приставовъ столичнаго округа, которыми въ общей сложности, въ течении 3 лѣтъ, доставлено разнымъ лицамъ однѣхъ повѣстокъ 44136 экземпляровъ; приведено въ исполненіе судебныхъ рѣшеній 9160, простиравшихся цѣнностью до 19,216,950 р.; произведено торговъ на недвижимыя имѣнія 494; вознагражденія же за свои труды получено, по таксѣ, всего 56470 р., а при раздѣлѣ на каждое лицо, за исключеніемъ уѣздныхъ, получающихъ сверхъ того прогоны и суточныя деньги, приходилось не болѣе какъ отъ 400 до 600 р. въ годъ, изъ числа коихъ издерживалось на разъѣзды каждымъ отъ 200 до 300 рублей. Въ виду такихъ незначительныхъ сборовъ по таксѣ, при дороговизнѣ жизни, столичные пристава, сознавая необезпеченность своего матеріальнаго положенія и не желая отступать отъ указанныхъ имъ, при самомъ началѣ, принциповъ о водвореніи уваженія къ суду и закону, заявляли о своихъ нуждахъ и расходахъ по службѣ непосредственному своему начальству, ходатайствуя въ тоже время о раздѣленіи столицы на участки и о сосредоточеніи ихъ дѣятельности въ опредѣленныхъ районахъ.

Вслѣдствіе чего, въ 1867 году, по собраніи свѣдѣній о количествѣ производившихся дѣлъ и о потребныхъ издержкахъ на разъѣзды по огромнымъ пространствамъ столицы, Москва была раздѣлена на участки и въ каждый назначены отдѣльные пристава; а затѣмъ, въ виду несостоятельности системы взиманія сборовъ по таксѣ, въ виду недостаточности штатнаго содержанія, окружные суды и судебныя палаты Петергургская и Московская входили въ Министерство Юстиціи съ представленіемъ объ измѣненіи таксы и объ увеличеніи содержанія судебнымъ приставамъ до 1500 руб., но со стороны министерства никакихъ мѣропріятій до сего времени не послѣдовало. При всемъ однако равнодушіи къ необезпеченному матеріальному положенію дѣятелей, вызванныхъ на служебное поприще великою реформою, мы не можемъ указать ниодного случая изъ практической сферы этого института, гдѣ бы недобросовѣстность имѣла мѣсто, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ ошибокъ и недоразумѣній и только одного грустнаго явленія за послѣднее вре-

мя. Это—растрата однимъ изъ приставовъ до 12 т. р. частныхъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи имѣнія, поступокъ котораго возбудилъ общее порицаніе со стороны своихъ сослуживцевъ и противъ котораго начато уже преслѣдованіе установленнымъ порядкомъ. Подтвержденіемъ такого взгляда на дѣятельность столичныхъ приставовъ послужило намъ какъ личное наблюденіе въ сферѣ ихъ оффиціальныхъ обязанностей, такъ равно отзывы частныхъ лицъ и правдивыя слова бывшаго предсѣдателя окружнаго суда Е. Е. Люминарскаго, высказанныя имъ при прощаньи съ приставами въ 1870 году. Такъ, когда судебные пристава узнали о назначеніи бывшаго своего начальника на высшую должность и руководимые глубокимъ къ нему уваженіемъ, внушеннымъ не страхомъ и авторитетомъ, а просвѣщеннымъ вниманіемъ и гуманнымъ обращеніемъ, представились къ нему проститься по русскому обычаю, то г. предсѣдатель, выразивъ имъ свою благодарность за ихъ вниманіе, высказалъ, приблизительно, слѣдующее: „Въ самомъ началѣ введенія въ дѣйствіе судебной реформы мнѣ предстояла трудная задача организовать институтъ судебныхъ приставовъ изъ людей добросовѣстныхъ и опытныхъ, которые могли бы оправдать надежды правительства и внушить уваженіе къ суду и закону въ средѣ общества. Поэтому, разставаясь съ вами, я считаю себя обязаннымъ выразить своимъ избранникамъ искреннее спасибо за ихъ добросовѣстное служеніе дѣлу во все время.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ г. предсѣдатель поставилъ на видъ и нѣкоторые недостатки, объяснивъ, что до него доходили слухи и даже жалобы отъ нѣкоторыхъ лицъ какъ на отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ при исполненіи судебныхъ рѣшеній, такъ и на несоблюденіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, формальнаго порядка и дисциплины, но при распросахъ его объ указаніи на факты и на отдѣльныя дѣйствія кого-либо не было представляемо осязательныхъ доказательствъ, почему онъ и не признаетъ возможнымъ обвинять всѣхъ вообще. Въ силу ли этого замѣчанія, или по инымъ соображеніямъ, вскорѣ по вступленіи въ должность новаго предсѣдателя судебные пристава получили особый циркуляръ въ августѣ мѣсяцѣ 1870 г., припечатанный въ томъ же году въ „Судебномъ Вѣстникѣ,“ изъ котораго, между прочимъ, было видно, что по наказу окружнаго суда засѣданія

по дѣламъ гражданскимъ должны начинатьск въ 12 часовъ, а по уголовнымъ въ 11 часовъ утра; пристава же, обязанные являться ранѣе часомъ, для исполненія своихъ обязанностей, прибываютъ лишь передъ самымъ началомъ открытія таковыхъ, чрезъ что несвоевременно приводятъ въ извѣстность всѣ тѣ лица, которыя должны быть въ засѣданіяхъ и тѣмъ поставляютъ предсѣдательствующихъ въ невозможность своевременно открывать судебныя засѣданія. Поэтому, въ видахъ соблюденія своевременной явки въ засѣданія, сдѣлано было предупрежденіе съ напоминаніемъ объ отвѣтственности и возложено на одного изъ приставовъ, завѣдывающаго экзекуторскими дѣлами, неослабное наблюденіе за точнымъ исполненіемъ упомянутаго распоряженія, съ тѣмъ чтобы онъ докладывалъ о нарушителяхъ онаго *).

Принявъ этотъ циркуляръ къ свѣдѣнію и руководству, какъ основанный на Высочайше утвержденныхъ правилахъ 15 марта 1866 года ст. 2, судебные пристава, въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1870 года, были призваны другимъ циркуляромъ къ новой дѣятельности, а именно: на нихъ возложена обязанность, при явкѣ на дежурство въ судебныя засѣданія осматривать комнаты судебныхъ засѣданій и помѣщенія, занимаемыя присяжными засѣдателями и свидѣтелями и въ случаѣ замѣченнаго въ тѣхъ помѣщеніяхъ *угара*, увѣдомлять смотрителя зданій для принятія съ его стороны мѣръ къ своевременному устраненію сего неудобства, послужившаго однажды къ отсрочкѣ засѣданія, вслѣдствіе заявленія о томъ присяжныхъ засѣдателей. Сочувствуя благимъ начинаніямъ въ искорененіи всякаго рода практическихъ неудобствъ на пути осуществленія великой реформы, судебные пристава, какъ намъ извѣстно, не затруднились принять участіе и въ наблюденіи за атмосферическими явленіями.

Многіе изъ судебныхъ приставовъ, сознавая вполнѣ, что таксаціонные сборы составляютъ ихъ задѣльную плату, а не награду по службѣ, рѣшились представить на благоусмотрѣніе своего начальства ходатайство о распредѣленіи

---

*) Намъ извѣстно, что и послѣ сдѣланнаго распоряженія о явкѣ ранѣе часомъ судебныя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ не начинались ранѣе 12 часовъ; изъ чего можно заключить, что не позднее прибытіе приставовъ было причиною открытія засѣданій не въ опредѣленные наказомъ часы.

этихъ суммъ между всѣми въ равномъ количествѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, мотивируя тѣми доводами, что расходы по службѣ для всѣхъ одинаковы и дѣятельность столичныхъ приставовъ равномѣрна для нихъ всѣхъ. На это имъ было объявлено, чтобы они довольствовались распредѣленіемъ по усмотрѣнію начальства, сообразно личнымъ трудамъ и заслугамъ каждаго въ отдѣльности. Вслѣдъ за симъ возникло сомнѣніе въ отчетности о количествѣ взыскиваемыхъ судебными приставами сборовъ, по таксѣ, за вручаемыя ими повѣстки, почему, для наблюденія и контроля, избранъ особый чиновникъ со вмѣненіемъ ему въ обязанность представлять ежемѣсячно вѣдомости какъ о количествѣ вручаемыхъ приставами повѣстокъ, такъ и о суммахъ, представляемыхъ ими въ общую кассу. Назначенное на эту операцію лицо не затруднилось представить такія числовыя данныя, по коимъ оказывалось, что многіе судебные пристава собранныя деньги за повѣстки, вмѣсто обращенія въ общую кассу, оставляли каждый въ исключительную свою собственность, не занося на приходъ въ установленныя книги, вслѣдствіе чего затребовано было отъ мнимыхъ виновныхъ объясненіе о причинахъ такой недобросовѣстности; но къ счастію, по справкамъ, оказалось, что доставленныя тѣмъ чиновникомъ свѣдѣнія не были основаны на вѣрныхъ фактическихъ справкахъ по книгамъ. Въ виду подобныхъ явленій, сопряженныхъ съ недовѣріемъ и въ нѣкоторой степени умаленіемъ самостоятельности всего института, судебные пристава пришли наконецъ къ убѣжденію о полезности и своевременности образовать изъ среды себя совѣтъ, узаконенный ст. 333—343 учр. суд. уст., но не введенный по сіе время въ дѣйствіе по московскому округу. Думали-гадали, какую бы придумать комбинацію для осуществленія предоставленныхъ законодателемъ правъ, въ виду того неудобоисполнимаго условія, что на открытіе совѣта неизбѣжно общее согласіе приставовъ, проживающихъ въ разныхъ городахъ и уѣздахъ 11 губерній,—наконецъ порѣшили изложить о своемъ соглаcіи въ докладной запискѣ мѣстному предсѣдателю, съ тѣмъ чтобы онъ не оставилъ отобрать отзывы отъ остальныхъ чрезъ сношеніе съ мѣстными предсѣдателями окружныхъ судовъ. Г. предсѣдатель, принявъ благосклонно подобное заявленіе и признавая съ своей стороны полезнымъ

учрежденіе контроля, уважилъ ходатайство и сообщилъ оффиціально всѣмъ предсѣдателямъ иногородныхъ судовъ, которые въ свою очередь потребовали свѣдѣній отъ мѣстныхъ приставовъ. Но изъ полученныхъ отзывовъ отъ иногородныхъ оказалось, что ими не сознается ни пользы, ни удобствъ въ образованіи совѣта изъ среды себя, какъ по незнакомству другъ съ другомъ, такъ и изъ опасенія начальственныхъ принциповъ отъ своихъ же сослуживцевъ, могущихъ развиться въ коллегіальномъ учрежденіи. Такимъ образомъ сознательное желаніе столичныхъ приставовъ о пользѣ совѣта, какъ коллективнаго и разумнаго контрольнаго учрежденія, можетъ осуществиться не прежде, какъ по разрѣшеніи имъ правительствомъ учредить отдѣльный отъ прочихъ совѣтъ, по примѣру петербургскаго, но хватитъ ли у нихъ мужества при достиженіи цѣли—покажетъ время. А пока мы дополнимъ характеристику ихъ служебной дѣятельности поставленіемъ на видъ тѣхъ недоразумѣній и различныхъ мѣропріятій, которыя встрѣчались въ ихъ практикѣ, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Такъ извѣстно намъ: 1) что находясь въ судебныхъ засѣданіяхъ, въ силу 143 ст. учр. суд. уст., нѣкоторые изъ нихъ не знали, какія именно порученія предсѣдательствующихъ они обязаны исполнять, т.-е. тѣ ли только, кои предусмотрѣны положительнымъ закономъ, или и всякія другія, какъ напримѣръ сопряженныя съ оказаніемъ личныхъ услугъ членамъ, сторонамъ и вообще лицамъ, выше ихъ стоящимъ въ общемъ строѣ государственной службы, позволявшимъ иногда обращаться за оказаніемъ таковыхъ? 2) Какими способами и чрезъ какихъ служителей—полицейскихъ ли, или мѣстной администраціи, они должны возстановлять въ судебныхъ засѣданіяхъ нарушаемый иногда порядокъ, въ случаяхъ привода и вывода арестантовъ изъ мѣстъ заключенія, виновныхъ въ нарушеніи тишины и приличія, а также при переноскѣ вещественныхъ доказательствъ, громоздкихъ по объему и по тяжести изъ мѣстъ ихъ храненія и обратно? 3) Какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда при исполненіи порученій предсѣдательствующихъ о возстановленіи порядка въ залахъ засѣданія будетъ оказано сопротивленіе со стороны ли публики, или

служителей, назначаемыхъ въ содѣйствіе изъ курьеровъ по особому наказу, находящихся въ подчиненности администраціи при судебныхъ учрежденіяхъ, т.-е. примѣнять ли въ этихъ случаяхъ порядокъ, установленный статьями 317, 318 и 319 суд. учреж., или же, въ силу 159 ст. тѣхъ же учреж., ограничиваться донесеніемъ въ то же время предсѣдательствующимъ? 4) Обязательно ли, при врученіи повѣстокъ взыскателямъ не лично, а чрезъ посредство другихъ, соблюдать порядокъ, установленный для отвѣтчиковъ статьями 283—285 Уст. Граж. Суд., въ виду практическихъ неудобствъ и неудовольствій получателей за выставленіе копій съ повѣстокъ на видныхъ мѣстахъ? 5) Какими способами вручать должникамъ повѣстки въ то время, когда въ моментъ подачи въ судъ просьбъ они находились на жительствѣ въ указанныхъ истцами мѣстахъ, а чрезъ нѣсколько дней, по предъявленіи иска, отмѣчаются въ полиціи выбывшими, отказываясь при встрѣчѣ съ судебными приставами, не знающими ихъ лично, отъ своего званія? 6) Какимъ порядкомъ сообщать правительственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ исполнительные листы о наложеніи ареста на капиталы и объ отобраніи движимости въ случаяхъ, указанныхъ ст. 631, 633, 1079 и 1081 Уст. Граж. Суд., т.-е. чрезъ врученіе ли сообщеній дежурнымъ чиновникамъ въ порядкѣ, установленномъ 186 ст. Суд. Учреж., или же должны являться непосредственно въ присутственныя камеры къ самимъ членамъ, съ открытыми листами, требуя по нимъ немедленныхъ выдачъ? Если же посредствомъ сообщеній, то обязаны ли судебные пристава являться въ тѣ мѣста и къ лицамъ за полученіемъ слѣдующихъ отъ нихъ выдачъ, когда взыскатели не желаютъ сами принимать отъ нихъ, безъ посредства приставовъ? 7) Могутъ ли судебные пристава, по предъявленіи къ нимъ исполнительныхъ листовъ, оставлять свои повѣстки въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ о избранныхъ взыскателями способахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда должники, послѣ выдачи изъ судебнаго мѣста листа, съ означеніемъ ихъ жительства, измѣняютъ таковое, безъ заявленія о перемѣнѣ, съ цѣлію избѣжать понудительныхъ мѣръ, примѣняясь въ данномъ случаѣ къ ст. 945 Уст. Граж. суд. 8) Должны ли судебные пристава, въ виду 952 и 953 ст. Уст. Граж. Суд., прекращать свои

дѣйствія по исполнительнымъ листамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ примѣненія понудительныхъ мѣръ предъявляется должниками депеша объ отмѣнѣ приводимаго рѣшенія высшею инстанціею, или дѣлается ссылка на назначеніе опеки по Высочайшему повелѣнію? 9) Гдѣ должны судебные пристава хранить денежныя суммы, принимаемыя отъ частныхъ лицъ на удовлетвореніе претензій въ то время, когда таковыя не могутъ быть переданы въ тотъ же день, или не подлежатъ представленію въ судъ, а должны быть распредѣлены между кредиторами въ извѣстный періодъ времени, но не прежде напримѣръ утвержденія судомъ аукціонной продажи? 10) Какого порядка должны судебные пристава придерживаться при взысканіи вознагражденія за исполнительныя дѣйствія въ виду 15 § таксы, обязывающей взыскателей уплачивать это вознагражденіе впередъ, и статьи 958 Суд. Уст., возлагающей всѣ расходы по исполненію, на отвѣтчиковъ? 11) Какимъ способомъ и чрезъ кого судебные пристава могутъ вскрывать и отмыкать запертыя помѣщенія и входы въ самыя жилища, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 978 Суд. Уст., т.-е. чрезъ служителей ли полиціи, или наемныхъ людей; а при отсутствіи и при уклоненіи первыхъ при комъ составлять акты въ подтвержденіе событія, если не отыщется стороннихъ лицъ? 12) Могутъ ли судебные пристава налагать арестъ, по требованію взыскателей, на имущество такихъ должниковъ, которые живутъ въ домахъ своихъ родственниковъ, или наемныхъ квартирахъ, а при требованіи денегъ завляютъ, что указываемая движимость, въ ихъ фактическомъ владѣніи, есть собственность или ихъ родственниковъ, или домовладѣльцевъ? 13) Кого разумѣетъ законодатель въ ст. 1004 Суд. Уст. подъ начальствомъ свѣдущихъ людей, о командированіи коихъ должны судебные пристава сноситься, т.-е. полицейскія ли учрежденія, или другія общественныя, выборныя и сословныя? 14) Обязаны ли судебные пристава, въ виду объясненія г. московскаго оберъ-полицiймейстера правъ чиновъ полиціи по оказанію ими содѣйствія приставамъ, развозить по указаннымъ въ ст. 1031, 1032 и 1033 Суд. Уст. мѣстамъ объявленія о торгахъ лично, или должны пересылать таковыя при сообщеніяхъ къ чинамъ полиціи и въ другія мѣста, примѣняясь къ

ст. 1146 и 1149 Уст. Граж. Суд. и 4119 и 4122 т. II общ. губ. учреж. и 139 и 140 т. XIV уст. о пред. и прес. прест., въ силу коихъ должно ли быть и наблюденіе за цѣлостію тѣхъ объявленій? 15) Обязаны ли судебные пристава при распредѣленіи денегъ, выручаемыхъ отъ продажи имѣній, по ст. 954 и 955, между кредиторами по однимъ исполнительнымъ листамъ, останавливаться выдачею денегъ въ тѣхъ случаяхъ, когда поступаютъ заявленія отъ другихъ кредиторовъ, не успѣвшихъ получить исполнительныхъ листовъ, но по претензіямъ которыхъ значатся запрещенія въ сенатскихъ вѣдомостяхъ? Равнымъ образомъ, въ случаяхъ полученія сообщеній отъ мѣстъ полицейскихъ о производящихся въ нихъ искахъ, безъ предъявленія исполнительныхъ листовъ, должны ли деньги выдаваться кредиторамъ, или же, въ виду такихъ сообщеній, должны быть представляемы въ судъ для распредѣленія, какъ по предъявленнымъ къ приставамъ листамъ, такъ и по сообщеніямъ полицейскихъ мѣстъ? (ст. 1214 Суд. Устав.).

Вотъ тѣ немногіе случаи практическихъ затрудненій, заставляющихъ до сихъ поръ исполнителей судебныхъ рѣшеній примѣнять и толковать различно свои права и обязанности, въ дѣйствительной жизни, по случаю несоставленія общаго для нихъ наказа, который обязаны бы проэктировать судебныя учрежденія, по ст. 166—173 Суд. Учр. и который бы могъ служить руководствомъ, а главное единствомъ, въ дѣйствіяхъ по всѣмъ мѣстностямъ, пользующимся плодами великихъ реформъ, могущихъ впрочемъ остановиться въ своемъ развитіи, при недостаткѣ сочувствія и энергіи и при разрозненности дѣятелей на избранномъ поприщѣ, въ особенности въ виду многочисленныхъ всякаго рода компрачикосовъ въ нашей жизни.

Поэтому, не дѣлая никакихъ заключеній о собранныхъ нами фактическихъ данныхъ, позволимъ лишь, въ заключеніе, вновь вызванному къ бытію институту судебныхъ приставовъ пожелать осуществленія своихъ начинаній въ развитіи и примѣненіи началъ самоуправленія, чрезъ введеніе въ дѣйствіе совѣта, а затѣмъ поддержанія и укрѣпленія въ народной жизни тѣхъ принциповъ, кои были указаны въ рѣчи ихъ бывшаго предсѣдателя г. Люминарскаго, при самомъ

началѣ вступленія на это трудное и неблагодарное поприще, чтобы такимъ образомъ общество могло сознать и во всеуслышаніе говорить, что прошла дѣйствительно пора устрашенія и угнетенія сильными и богатыми—незнатныхъ и бѣдныхъ собратій своихъ и что правда и милость изъ судовъ вошли не на словахъ только въ народную жизнь....

П. С. Веритовскій.

ЗАМѢТКА

О ПРЕДѢЛАХЪ ВЛАСТИ ВЛАДѢЛЬЦА,

по русскому праву, распоряжаться его благопріобрѣтеннымъ имуществомъ на случай его смерти.

(Читано въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 1870 г.).

По опредѣленію закона, духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца *о его имуществѣ*, на случай его смерти (т. X ч. I ст. 1010). Изъ этого опредѣленія очевидно, что предметомъ завѣщанія, главнымъ образомъ, можетъ быть только *имущество*. Но законъ не придерживается послѣдовательно этого начала, потому что допускаетъ распоряженія, касающіяся *личности* наслѣдниковъ. Такъ по 227 ст. того же т. и ч. родителямъ предоставляется право назначать въ духовномъ завѣщаніи къ остающимся послѣ нихъ малолѣтнимъ дѣтямъ и имуществу опекуновъ, по собственному своему избранію.—Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ словомъ имущество законъ не разумѣетъ только наличное имущество завѣщателя, но вообще и всѣ права на имущество (т. X ч. I ст. 396, 398, 416, 417, 418 и 419). Законъ не требуетъ, чтобы воля завѣщателя обнимала всю совокупность имущественныхъ его отношеній и не считаетъ обязательнымъ назначеніе преемника юридической личности наслѣдодателя. Почему завѣщательныя распоряженія могутъ быть общія или частныя, а самое имущество можетъ быть завѣщано одному или нѣсколькимъ лицамъ. При этомъ необходимо замѣтить, что общія завѣщательныя распоряженія могутъ обнимать или *всю совокупность имущественныхъ правъ*,

которыя завѣщатель оставитъ въ моментъ своей жизни, или же *извѣстную долю или часть имуществъ*. Частнымъ же завѣщательнымъ распоряженіемъ должно признавать отказъ *опредѣленной вещи*. Законъ не проводитъ строго этихъ различій завѣщательныхъ распоряженій, но они непосредственно вытекаютъ изъ опредѣленія сущности завѣщанія (т. X ч. I ст. 1010, 1011, 1026 и 1086).

Законъ не налагаетъ на завѣщателя обязанности надѣлить извѣстною долею наслѣдства жену и близкихъ родственниковъ его, или положительно устранить ихъ отъ наслѣдства. Напротивъ того лишаетъ мужа послѣ жены и жену послѣ мужа указныхъ частей изъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, когда о немъ сдѣлано распоряженіе въ завѣщаніи. (т. X ч. I ст. 1148). Предоставляя право неограниченно завѣщать имущество благопріобрѣтенное, по собственному произволу завѣщателя, или въ полную собственность, или же во временное владѣніе или пользованіе (того же т. и ч. ст. 1011 и 1067), законъ признаетъ не дѣйствительными завѣщательныя распоряженія о порядкѣ наслѣдованія въ завѣщаемомъ имуществѣ послѣ смерти лица, избраннаго наслѣдникомъ по духовному завѣщанію (примѣч. къ ст. 1011 т. X ч. I). Высшая судебная практика признала, что на подобныя распоряженія не распространяется даже дѣйствіе земской давности (см. рѣшен. по дѣлу Олонкиныхъ). Но если завѣщателю не дано права назначать преемника тому лицу, которому онъ отказалъ свое имущество, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы распоряженіе на случай, еслибы назначенный въ завѣщаніи наслѣдникъ не пожелалъ или почему либо былъ лишенъ возможности принять наслѣдство, о предназначеніи на его мѣсто другого, почитать не дѣйствительнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ субституціи. Наше законодательство въ завѣщательномъ правѣ не допускаетъ договорнаго начала, такъ какъ всякое завѣщаніе по усмотрѣнію завѣщателя при жизни его можетъ подлежать отмѣнѣ или измѣненію. На этомъ же основаніи два лица совокупно въ одномъ и томъ же завѣщаніи не могутъ изъявлять свою волю, какъ въ пользу третьяго лица, такъ и въ видѣ распоряженія обоюднаго и взаимнаго. Но требованія жизни, становясь нерѣдко выше закона, обходятъ его. Такъ весьма часто супруги,

близкіе родственники и друзья, по взаимному соглашенію, составляютъ одновременно завѣщанія каждый въ пользу другого, включая въ оныя распоряженія, соотвѣтственныя ихъ желаніямъ и часто въ пользу третьихъ лицъ. Стремленія законодательствъ ограничить своими постановленіями „согласіе и свободу“ мало вообще приносятъ пользы въ сферѣ имущественныхъ правъ. Законъ, выразивъ право завѣщать благопріобрѣтенное имущество *неограниченно*, въ тоже время установилъ нѣкоторыя изъятія изъ этого общаго правила. Эти изъятія сводятся главнымъ образомъ или къ свойству нѣкоторыхъ имуществъ, или къ неправоспособности наслѣдниковъ, или наконецъ къ порядку утвержденія завѣщаемыхъ имуществъ за нѣкоторыми учрежденіями и вѣдомствами. Считаемъ достаточнымъ по этому предмету указаніе ст. свод. зак. (т. X ч. I ст. 981 по прод. 1868 г. и примѣч. къ ней, 984, 986, 1067, п. 5 той же ст. по прод. 1868 г., врем. прав. о земск. повин., народ. прод. и общ. призр. ст. 80—84, т. XI ч. I ст. 115, 825 и 854).

Законъ умалчиваетъ о томъ дѣйствительны ли завѣщательныя распоряженія подъ извѣстными условіями, какъ отсрочивающими, такъ и отмѣняющими. Но изъ соображенія 1029 и 1067 ст. т. X ч. I можно заключить, что условныя распоряженія не могутъ быть отвергнуты, коль скоро не заключаютъ въ себѣ ничего противозаконнаго или физически невозможнаго. На этомъ основаніи, напримѣръ, не могутъ быть включаемы въ завѣщаніе условія, которыми ограничиваются личныя и по состоянію права того, въ чью пользу оно сдѣлано, условія, установляющія разводъ или безбрачіе, перемѣну мѣста жительства или избраніе себѣ опредѣленнаго мѣста водворенія, обязательство наслѣдника съ своей стороны сдѣлать завѣщательное распоряженіе въ пользу завѣщателя или другого лица и т. п. Установляя право завѣщателя назначить въ завѣщаніи лицъ, долженствующихъ исполнить оное—душеприкащиковъ, къ сожалѣнію, законъ не опредѣлилъ ни условій избранія ихъ, ни правъ и обязанностей, ни отношеній ихъ къ избраннымъ наслѣдникамъ и къ наслѣдственному имуществу, что порождаетъ въ практикѣ важныя сомнѣнія. Цѣль нашей замѣтки будетъ достигнута, если изъ нея возможенъ выводъ, что въ насто-

ящемъ положеніи нашего законодательства о предѣлахъ власти завѣщателя распоряжаться благопріобрѣтеннымъ его имѣніемъ, это право слѣдуетъ понимать въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ свободѣ завѣщательныхъ распоряженій и что поэтому въ практикѣ правильнѣе стремиться, чтобы воля завѣщателя исполнялась свято, какъ это было въ старину.

А. М. Фальковскій.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Нечаевское дѣло. Управляющій банкомъ во Владимірѣ, заботящійся о благонравіи своихъ чиновниковъ. Гласность процесса. Слухи, порожденные имъ. Сдерживанія защиты. Полемика между Московскими Вѣдомостями и Судебнымъ Вѣстникомъ. Равнодушіе общества. Консультація присяжныхъ повѣренныхъ. Дѣло владимірскаго предводителя дворянства Огарева. Процессы московскихъ скопцовъ. „Современныя Извѣстія" по поводу ихъ, а также о гг. Шайкевичѣ и Куперникѣ. М. Ф. Громницкій. Роль прокурора при возбужденіи слѣдствій. Разница между прокуроромъ и обвинителемъ, адвокатомъ и защитникомъ. Журнальный тактъ „Современныхъ Извѣстій."

Все вниманіе читающей публики вообще, а юристовъ конечно въ особенности, исключительно было поглощено за истекшій мѣсяцъ такъ называемымъ нечаевскимъ процессомъ. Журналистика, въ лицѣ почти всѣхъ своихъ органовъ, такъ или иначе успѣла уже высказаться по этому поводу. Что касается до насъ, то, не входя въ обсужденіе сущности процесса, мы остановимся на другой его сторонѣ, чисто внѣшней, на *гласности* самаго дѣла. Намъ не разъ случалось слышать сожалѣнія о томъ, что правительство поступило будто бы опрометчиво, допустивъ публичное веденіе такого процесса. Въ самомъ дѣлѣ первый въ Россіи процессъ съ политическимъ содержаніемъ, ведущійся среди бѣла-дня, при многочисленномъ стеченіи публики, съ чтеніемъ прокламацій, одна другой ужаснѣе, въ которыхъ клянутся не оставить камня на камнѣ,—тутъ есть отчего испугаться благонамѣреннымъ умамъ. Извѣстенъ напримѣръ фактъ, перепечатанный въ 162 № *Московскихъ Вѣдостей* „будто бы Управляющій Отдѣленіемъ Государственнаго Банка во Владимірѣ на Клязьмѣ велѣлъ отобрать и спрятать всѣ нумера *Биржевыхъ Вѣдомостей*, получаемыхъ Отдѣлені-

емъ, въ которыхъ печатается судебное дѣло о тайномъ обществѣ, объясняя это распоряженіе тѣмъ, что онъ долженъ заботиться, чтобы чиновники, читая это дѣло, не заразились вредными идеями.“ Оказывается слѣдовательно, что боязнь гласности такихъ ужасныхъ процессовъ, какъ нечаевское дѣло, не есть плодъ грубаго непониманія потребностей времени со стороны разныхъ критиковъ, толкующихъ вкривь и вкось о каждомъ явленіи общественной жизни, но что боязнь эта не на шутку обезпокоила даже такихъ „высокопоставленныхъ лицъ,“ которые по своему общественному положенію нѣкоторымъ образомъ стоятъ во главѣ интеллигенціи нашихъ провинцій. Если подобныя мысли, навѣянныя процессомъ, намъ приходилось выслушивать отъ людей, мало знакомыхъ съ духомъ Уставовъ 20 ноября, то это еще понятно. Обстановка „заговора,“ впервые разоблаченнаго предъ непривычною публикой во всей наготѣ, при крайней незрѣлости общественной мысли, объясняетъ достаточно эту боязнь передъ тѣмъ, что, казалось бы, должно пробуждать иныя чувства въ гражданинѣ. Но чѣмъ объяснить этотъ ребяческій страхъ „предъ заразою вредными идеями“ въ томъ, кто поставленъ быть во главѣ одной изъ самыхъ замѣтныхъ отраслей мѣстнаго управленія? Не тѣмъ ли, говоря вообще, какъ недавно высказались *Московскія Вѣдомости* въ одной изъ передовыхъ своихъ статей, во многихъ отношеніяхъ заслуживающей самаго полнаго вниманія, „что наши власти слишкомъ привыкли къ бюрократическимъ порядкамъ и предпочитаютъ людей, подходящихъ къ канцелярскому типу, людей безличныхъ и на все, къ чему прикажете, готовыхъ.“ „Великіе интересы въ наше трудное время должны, разъясняютъ они далѣе, связывать въ одномъ дѣлѣ и правительство и судъ, и всѣхъ честныхъ людей въ обществѣ.“ Смѣло и твердо поставивъ дѣло о „заговорѣ“ на почву Уставовъ 20 ноября, обставивъ его всѣми гарантіями суда, достойными свободной страны, правительство могло затѣмъ спокойно ожидать благотворнаго вліянія дѣйствій своихъ на умы здравомыслящей части русскаго общества. И оно не ошиблось въ ожиданіяхъ своихъ. Симпатіи, которыя оно вызвало, по крайней мѣрѣ въ первыхъ стадіяхъ веденія дѣла, были всѣ на его сторонѣ. Онѣ вполнѣ отвѣчали достоинству, съ какимъ оно вело себя, отъ начала до конца, въ первой

группѣ процесса. Своею готовностью выслушать все, ничего не скрыть отъ суда общественнаго мнѣнія, оно если вызвало въ однихъ, какъ мы видѣли выше, малодушный страхъ, за то другимъ придало мужества смотрѣть смѣло въ глаза опасности, которою грозятъ намъ, и во имя науки, человѣколюбія, справедливости, во имя непреложныхъ основъ человѣческаго общежитія, стараться исподоволь ослабить зло, дикіе стихійные элементы претворить мало по малу въ разумныя общественныя силы.—Эта боязнь, этотъ малодушный страхъ предъ призраками опасности породили въ обществѣ цѣлую вереницу росказней, одна другой курьезнѣе, въ родѣ напримѣръ той, что правительство, недовольное защитою, намѣревается стѣснить свободу слова на судѣ, что оно даже предприняло мѣры противъ нѣкоторыхъ защитниковъ въ отдѣльности. Думать такъ, а тѣмъ болѣе говорить, могутъ только люди, у которыхъ ничего нѣтъ общаго съ духомъ нашего правительства. Разъ оно призвало свободу слова на помощь себѣ въ судъ, оно не можетъ, оно не станетъ не уважать ее. Оно не станетъ не уважать ее дотолѣ, пока эта свобода не злоупотребитъ собою, пока, оставаясь въ предѣлахъ, указанныхъ ей закономъ, она не совратится на ложный путь химерическихъ доктринъ. Тѣ частныя проявленія сдерживаній защиты, которыя еще такъ не рѣдки въ нашихъ судахъ, слишкомъ маловажны, чтобы по нимъ заключать о серьезной опасности для дѣла защиты. Они также ничтожны для послѣдней, какъ были бы безвредны для интересовъ правительства, еслибы на нихъ и вовсе не обращалось вниманія предсѣдательствующими на судѣ. Пусть судья, говоритъ все та же передовая статья *), „обладаетъ не только знаніемъ положительнаго закона, но и совершенно твердымъ, яснымъ и возвышеннымъ образомъ мыслей относительно всѣхъ предметовъ человѣческой нравственности,“ и тогда онъ „не будетъ бояться ума и науки, не станетъ обѣгать людей съ твердыми убѣжденіями.“ А гдѣ вырабатывается умъ, когда формируется нравственность, какъ не въ непринужденномъ ходѣ мыслей человѣка, въ глубинѣ своей совѣсти чтущаго законъ, предъ лицомъ котораго онъ призванъ говорить. И въ чемъ лучшее средство „утверждать

*) Моск. Вѣдом. 174 № 1871 г.

общественную безопасность, возвышать образъ мыслей судьи," какъ не въ великомъ служеніи обвиненія и защиты своего согражданина.

Вслѣдствіе процесса Нечаева въ журналистикѣ нашей возникла полемика по поводу тѣхъ пріемовъ, чисто внѣшнихъ, съ какими предсѣдатель палаты велъ это дѣло. *Московскія Вѣдомости* усмотрѣли неумѣстность мягкаго обращенія предсѣдателя съ подсудимыми во время процесса, о чемъ и поставили на видъ въ одной изъ передовыхъ своихъ статей. Что касается до насъ, мы не раздѣляемъ высказаннаго взгляда уважаемой газеты на отношенія предсѣдателя къ подсудимымъ, хотя съ другой стороны не стали бы ополчаться на *Московскія Вѣдомости* подобно напримѣръ *Судебному Вѣстнику*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, почему именно правы или неправы *Московскія Вѣдомости*, рекомендуя тотъ, а не иной способъ обращенія съ подсудимыми, мы вполнѣ понимаемъ то чувство, которое заставило газету высказаться извѣстнымъ образомъ. Видя своего рода смѣлость, съ какою нѣкоторые изъ подсудимыхъ установились въ своемъ образѣ мыслей, смѣлость, которая, повидимому, не дрогнула подъ обаяніемъ всей торжественности суда, газетѣ живыхъ кровныхъ интересовъ дня, зорко стоящей на стражѣ новыхъ вѣяній жизни, не всегда благодѣтельныхъ, газетѣ, глубоко воспитавшей въ себѣ здравую стойкость въ сужденіяхъ, при ея горячей преданности къ благу своей родины, такой газетѣ, какъ *Московскія Вѣдомости*, весьма естественно было проникнуться крайнимъ чувствомъ непріязни при видѣ отважной руки, дерзновенно заносящейся на все, чѣмъ велико, чѣмъ славно наше царствованіе. Кто понимаетъ неизсякаемый духъ жизни этой газеты, кто улавливаетъ тайну ея вліянія на умы общества въ торжественныя минуты нашей исторіи, тотъ не будетъ, говоримъ, озлобляться противъ нея, хотя, быть можетъ, и не всегда станетъ раздѣлять ея взгляды. Пусть сатира художественно воспроизводитъ ея недостатки, пусть другіе органы журналистики съ своей точки зрѣнія указываютъ на заблужденія газеты, но пусть каждый будетъ вѣренъ своему призванію, и мы желали бы, чтобы и предсѣдатель палаты остался неизмѣненъ разъ принятому имъ тону обращенія. Какъ безспорно была бы растлѣвающа несвойственная достоинству суда иска-

тельность фавора отъ подсудимыхъ, такъ съ другой стороны недостойно великой націи рѣзко проявлять суду авторитетъ свой на жертвахъ правосудія. Пусть каждый, по своему, служитъ великому дѣлу жизни, и въ этомъ тайна неисповѣдимыхъ для насъ судебъ могучаго хода исторіи. Но пусть только служитъ, а не равнодушествуетъ.

Въ настоящее время нечаевское дѣло близится къ концу, и интересъ общества къ нему значительно охладѣлъ. Тѣ, что въ началѣ пугались при одномъ словѣ „прокламація,“ снова почіютъ себѣ сномъ праведниковъ, ни мало не подозрѣвая, что время приступить къ леченію этихъ болѣзненныхъ судорогъ общественнаго организма, этого „великаго, честнаго отношенія къ дѣлу,“ какъ выразился Успенскій, характеризуя съ своей точки зрѣнія убійство Иванова. Равнодушія общества, въ самомъ дѣлѣ, ко всему, что не касается прямыхъ матеріальныхъ его выгодъ, поразительны. Возьмемъ напримѣръ нашу консультацію присяжныхъ повѣренныхъ, изъ-за которой мы бьемся вотъ уже цѣлый годъ и сами не можемъ двинуть дѣла ни на шагъ впередъ. Отчего все это? Просто-на-просто отъ недостатка чувства солидарности въ насъ, оттого, что консультація напр. не есть изолированная единица, а аггрегатъ единицъ.

Почему-то думаютъ, что лица, заинтересованныя въ консультаціи, бьются изъ-за насущнаго куска хлѣба. Но еслибы и такъ, тѣмъ скорѣе слѣдуетъ удовлетворить ихъ. Но повѣрьте, въ числѣ ихъ есть люди, которые стали бы биться изъ-за нея и тогда, когда, по капризу судьбы, они были бы осыпаны всѣми щедротами ея. Не матеріальная выгода руководитъ ими, хотя и ея не упускаютъ они изъ виду, но ихъ подвигаетъ другая, высшая цѣль, которая всегда будетъ заслонена для серьезнаго сознанія людей, исключительно преданныхъ заботамъ о самихъ себѣ.

Послѣ нечаевскаго дѣла, стяжавшаго себѣ всероссійскую, если не европейскую извѣстность, интересъ процессовъ снова распадается на мѣстные центры. Въ то время, когда владимірцы напримѣръ напряженно слѣдятъ за участью своего бывшаго предводителя дворянства Огарева, единственнаго изъ 15 подсудимыхъ понесшаго пораженіе со стороны присяжныхъ засѣдателей сената, москвичи въ свою очередь начинаютъ интересоваться предстоящими у насъ

процессами о скопцахъ. Солодовниковъ, Кудрины на языкѣ теперь у всѣхъ. Интересъ къ скопцамъ прокрался даже въ газеты въ формѣ инсинуацій противъ почтеннаго имени М. Ф. Громницкаго. „Ходитъ въ Москвѣ упорный слухъ, говоритъ неизвѣстный корреспондентъ *Современныхъ Извѣстій* въ 239 №, что скопцы Солодовниковъ и др. пригласили себѣ въ защитники М. Ф. Громницкаго. Если это правда, то приходится *опечалиться* (sic). Дѣло въ томъ, разъясняетъ корреспондентъ, что М. Ф. Громницкій былъ прокуроромъ, возбудившимъ кудринское и другія скопческія дѣла. Эта быстрая противоположность роли, которую онъ избралъ, даетъ основаніе стоустой молвѣ *докапываться до сути вещей* Молва указываетъ, что *переходъ въ защитники* и *оставленіе* почетной функціи *прокурора* и члена палаты *было* прямо *въ зависимости отъ скопческаго дѣла.* Молву затѣмъ уже не остановишь: она говоритъ о плохомъ слѣдствіи и т. д., и т. д. Хотѣлось бы вѣрныхъ свѣдѣній, чтобы они сняли охулу съ человѣка, хотѣлось бы дѣйствительно не видать М. Ф. въ двусмысленной роли, которая ему также не идетъ, какъ гг. Спасовичу или Арсеньеву являться прокурорами по 5-й или 6-й группѣ нечаевскаго дѣла. Также ходятъ слухи что талантливые адвокаты Шайкевичъ и Куперникъ, исповѣдующіе еврейскую религію, будутъ участвовать въ дѣлѣ. Это будетъ неловко: скопчество — ересь противу православія, но ересь, придерживающаяся священныхъ книгъ Новаго Завѣта. Защитникъ не христіанинъ, по совѣсти не убѣжденный въ истинахъ христіанства, легко можетъ отнестись какъ къ двумъ различнымъ суевѣріямъ— къ христіанству и скопчеству. Конечно, это прежде всего дурно отзовется на подсудимыхъ, но какъ православному суду рисковать подобными вещами?“

Вотъ образецъ уже не равнодушія общества, какъ мы выше говорили, а неудержимаго рвенія къ поддержкѣ доброй репутаціи человѣка. „Любовь (къ кому? надо полагать къ М. Ф. Громницкому), такъ заканчиваетъ корреспондентъ, руководила этими строками.“ Хороша любовь! Человѣкъ скорбитъ оттого, что по мнѣнію его, „М. Ф. сталъ въ двусмысленную роль,“ и, ради спасенія репутаціи г. Громницкаго, инсинуируетъ его до-нельзя: *„говорятъ о плохомъ слѣдствіи и т. д., и т. д.“*. Разберемъ однако эту замѣчательную

„замѣтку", поскольку она заслуживаетъ того. Съ перваго слова корреспондентъ „печалится", что М. Ф. Громницкій, по слухамъ, принялъ на себя защиту Солодовникова и др. Принялъ или не принялъ, мы этого не знаемъ, но если дѣйствительно принялъ, что же тутъ дурнаго? Отвѣчать на этотъ вопросъ берутся сами *Современныя Извѣстія*. „Перебѣжку защитника изъ одного лагеря въ другой въ тяжебныхъ процессахъ, поучаетъ газета насъ, законъ воспрещаетъ. Но перемѣнить роль обвинителя на роль защитника едвали не болѣе предосудительно". Да такъ ли это? Въ самомъ ли дѣлѣ, М. Ф. Громницкій изъ обвинителя, къ изумленію всей Москвы, превратился въ защитника? Гдѣ и когда онъ обвинялъ Солодовникова? „Дѣло въ томъ, говоритъ въ письмѣ своемъ корреспондентъ, что М. Ф. Громницкій былъ прокуроромъ, возбудившимъ кудринское и другія скопческія дѣла". Да, М. Ф. Громницкій дѣйствительно былъ прокуроромъ, и если „Россія, какъ говорятъ нѣсколько строкъ ниже *Современныя Извѣстія*, съ уваженіемъ привѣтствовала этого дѣятеля," то отсюда вполнѣ вѣрное заключеніе, что Россія должна теперь глубоко сожалѣть, не слыша его болѣе въ роли обвинителя. Итакъ онъ возбудилъ скопческія дѣла. Но возбудить дѣло не значитъ быть обвинителемъ дѣла. Онъ возбудилъ, потому что былъ *обязанъ* возбудить, но никто менѣе его не сталъ бы обвинять *по обязанности*. Возбуждая его, онъ столько же зналъ о немъ, по крайней мѣрѣ столько же обязанъ былъ знать его, сколько мы съ вами, г. корреспондентъ. Принималъ ли онъ участіе въ составленіи обвинительнаго акта? Нимало. Обвинительный актъ о Кудриныхъ составлемъ теперешнимъ прокуроромъ г. Жуковымъ. Дѣло же Солодовникова возникло и велось гораздо позднѣе Кудринскаго. Возбудить дѣло, т. е. направить его къ слѣдствію, разслѣдовать его, лѣтъ 10 тому назадъ дѣйствительно означало уличить подозрѣвамаго, привлечь его къ суду во что бы то ни стало. Теперь не то. Теперь возбудить дѣло значитъ привести въ извѣстность какъ то, что обвиняетъ подозрѣваемаго, такъ и то, что оправдываетъ его. Спрашивается теперь, какую тутъ роль играетъ прокуроръ, даже тотъ прокуроръ, скажемъ прямо, который направляетъ слѣдствіе. Роль въ высшей степени безпристрастную. Дѣло въ томъ, что между понятіемъ „прокурора" и понятіемъ „обвинителя" есть существенная разница, которая

очевидно недоступна г. корреспонденту, а вслѣдъ за нимъ ускользнула и отъ *Современныхъ Извѣстій.* Прокуроръ, *какъ прокуроръ*, не есть всецѣло обвинитель. Онъ прежде всего и главнѣе всего органъ государственной власти, такой же органъ, какъ членъ окружнаго суда, какъ предсѣдатель палаты, какъ всякое другое лицо, облеченное властью, санкціонированною ему государствомъ. Въ этомъ, и только въ этомъ качествѣ, онъ возбуждаетъ дѣла. Блюститель закона, стражъ общественной безопасности, онъ въ моментъ возбужденія дѣла стоитъ неизмѣримо выше парціальнаго духа обвиненія. Онъ является обвинителемъ лишь съ того момента, когда дѣло, достаточно обслѣдованное, вызываетъ отъ него первое слово обвинительнаго акта. Великій практическій смыслъ англичанъ самымъ нагляднымъ образомъ воплотилъ такой взглядъ на обвинителя въ лицѣ своего генералъ-атторнея. Избираемый изъ числа отличнѣйшихъ адвокатовъ, онъ не только не отдѣляется отъ этого сословія, но остается съ нимъ въ такой тѣсной связи, что, выступая сегодня коронымъ обвинителемъ, онъ назавтра является на трибунѣ защиты по приглашенію частнаго лица. И что такое обвинитель, что такое защитникъ, въ чистомъ пониманіи слова, какъ не *homme de loi*, какъ не человѣкъ закона. Обвиняя сегодня нарушителя общественной безопасности, прокуроръ назавтра является защитникомъ права собственности малолѣтняго. Только узкій взглядъ можетъ соединять съ понятіемъ прокурора понятіе обличителя, съ понятіемъ адвоката понятіе заступника. Защищая сегодня право личности одного, я назавтра являюсь обвинителемъ притязаній на право собственности другаго. И это оттого, что сфера нашихъ дѣйствій право, что цѣль усилій тамъ и здѣсь—законъ. „Въ законѣ же, писали мы года 3 тому назадъ, состоя еще на службѣ, одному начальствующему лицу, всегда есть элементъ, на которомъ можетъ твердо обосноваться нравственная природа человѣка, чтобы во имя его дѣйствовать съ невозмутимою совѣстью. Чувство долга всегда было и будетъ высшимъ требованіемъ нашей природы. Умѣряемое человѣколюбіемъ, оно представляетъ высшій образецъ нравственнаго развитія человѣка,—скажемъ теперь смѣло,—вполнѣ достижимый на трибунѣ адвоката.“— „Быстрая противоположность роли, которую избралъ М. Ф. Громницкій, даетъ основаніе стоустой молвѣ, говоритъ кор-

респондентъ, докапываться до сути вещей. Молва указываетъ, что переходъ въ защитники и оставленіе почетной функціи прокурора и члена палаты было прямо въ зависимости отъ скопческаго дѣла. Молву затѣмъ уже не остановишь: она говоритъ о плохомъ слѣдствіи и т. д. и т. д.". Стоустая молва на то и существуетъ на свѣтѣ, чтобы она „докапывалась", въ сферѣ своей, до самыхъ отвратительныхъ „сутей", и грустное явленіе! чѣмъ образъ мыслей человѣка самостоятельнѣе, чѣмъ слѣдовательно характеръ его чище, тѣмъ упорнѣе молва разбараздываетъ утробы. Таковъ ли всѣмъ извѣстный характеръ г. Громницкаго, чтобы человѣкъ мало-мальски дорожащій добрымъ именемъ своимъ, затруднился хотя на одну минуту отринуть съ негодованіемъ подобную клевету. Да, „двусмысленная роль" никому такъ менѣе не идетъ, какъ къ имени М. Ф. Громницкаго, справедливо поставленному у корреспондента на ряду съ достойными именами Спасовича и Арсеньева.—Заканчивая нашу хронику, мы не можемъ не обратить вниманія на журнальный тактъ, съ какимъ дѣйствуютъ *Современныя Извѣстія*. Такъ они въ заключеніи говорятъ: „Мы *рѣшительно отвергаемъ подозрѣніе*, высказываемое корреспондентомъ, что будто бы именно для защиты скопческаго дѣла г. Громницкій оставилъ свое прежнее положеніе". А если они такъ *рѣшительно отвергаютъ*, то зачѣмъ же печатали всю эту инсинуацію. Вѣдь не могли же они не видѣть, что вся эта почтённая вниманіемъ ихъ замѣтка построена лишь на одномъ этомъ недостойномъ подозрѣніи.

В. И. Кохновъ.

P. S. Во время печатанія этой статьи въ 249 № *Современныхъ Извѣстій* появилось письмо самого М. Ф. Громницкаго, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что „ни Кудринскаго и никакого другаго скопческаго дѣла онъ не только не возбуждалъ, но даже не имѣлъ наблюденія за предварительнымъ слѣдствіемъ". Тѣмъ более неприличною является выходка корреспондента „стоустой молвы", что онъ не позаботился разузнать даже объ этихъ самыхъ простыхъ вещахъ, собираясь писать свою грязную замѣтку.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Окружнаго суда.

I.

11 августа въ Московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разсматривалось дѣло о мѣщанкѣ *Маргаритѣ Осиповой*, 17 лѣтъ, дочери коллежскаго секретаря *Надеждѣ Амфіоновой Святолуцкой*, 20 лѣтъ, женѣ коллежскаго секретаря *Павлѣ Өедоровой Святолуцкой*, 40 лѣтъ, и дочери ея *Софьи Амфіоновой Святолуцкой*, 14 лѣтъ, обвинявшихся: Осипова и Надежда Святолуцкая въ кражѣ изъ незапертаго помѣщенія на сумму не свыше 300 р. и Надежда Святолуцкая кромѣ того въ ркажѣ изъ запертаго помѣщенія съ подобраннымъ ключемъ; Павла и Софья Святолуцкія—въ укрывательствѣ краденаго.

Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя *Шестаковъ*, въ составѣ членовъ суда *Линдрота* и *Павловскаго*, обвинялъ товарищъ прокурора *Покатилло*, защищали: Святолуцкихъ присяжный повѣренный *А. М. Фальковскій*, Осипову присяжный повѣренный *Н. Я. Березницкій*.

Обстоятельства дала, по обвинительному акту, слѣдующія:

„13 февраля 1870 года, проживающая въ 5 кварталѣ Арбатской части, дворянка Анеля Мартынова Яцевичъ заявила полиціи, что изъ комода ея похищены разныя золотыя вещи на сумму 100 рублей и что въ кражѣ этой она подозрѣваетъ служанку свою Маргариту, которая ушла отъ нея и не возвращалась. При чемъ Яцевичъ добавила, что такъ какъ Маргарита взяла ее по рекомендаціи г-жи Святолуцкой, проживающей въ домѣ Руссель, то она, Яцевичъ, предполагаетъ, что похищенное окажется въ квартирѣ Святолуцкой. Надзиратель 5 кварт. Арбат. ч. Ларіоновъ отправился въ домъ Руссель, *но только что вышелъ изъ квартиры Яцевичъ, какъ подъѣхала г-жа Святолуцкая отыскивать Маргариту*, которая оказалась стоящею у воротъ дома. По прибытіи въ квартиру Святолуцкой, надзиратель, послѣ дол-

гихъ поисковъ нашелъ въ трубѣ русской печки два портъ-моне въ одномъ изъ нихъ находился рублевый кредитный билетъ, въ другомъ два ключа на кольцѣ. Одно изъ этихъ портъ-моне съ рублемъ Яцевичъ признала своимъ и заявила, что кромѣ рубля въ немъ были еще десятирублевая бумажка и рублевая. Другое же портъ-моне Яцевичъ признала за принадлежащее квартировавшей у ней дворянки Надеждѣ Васильевой Силичъ. Маргарита Осипова два ключа признала своими, а про портъ-моне, въ которомъ лежали ключи, отозвалась, что не знаетъ, кому оно принадлежитъ. Кромѣ того надзиратель Ларіоновъ нашелъ въ комодѣ самой Святолуцкой мѣдный кофейникъ, фартукъ и разную мелочь изъ принадлежностей дамскихъ украшеній, оказавшихся собственностью Яцевичъ. Затѣмъ Маргарита Осипова представила спрятанный на дворѣ дома Руссель у колодца портъ-сигаръ со всѣми похищенными у Яцевичъ вещами, кромѣ одинадцати рублей денегъ. Тутъ же у колодца найдены принадлежащія Яцевичъ лампочка, двѣ кострюли и расное домашнее бѣлье. Всего, по заявленію Яцевичъ, похищено у ней на 138 р. Вещи по большей части хранились въ запертомъ комодѣ, ключи отъ котораго лежали въ лоткѣ подъ картами тутъ же на комодѣ."

При производствѣ по сему дѣлу предварительнаго слѣдствія оказалось, что въ январѣ мѣсяцѣ 1870 года у Яцевичъ проживала дворянка Надежда Васильева Силичъ и въ послѣднихъ числахъ того мѣсяца у нея былъ похищенъ портъ-моне съ рублемъ денегъ, то самое, которое найдено въ печной трубѣ въ квартирѣ Святолуцкой и кромѣ того у нея же украдено было изъ запертой шкатулки 40 р. денегъ. Въ комнату ея, кромѣ дочерей Святолуцкой: Надежды и Софьи, никто вхожъ не былъ и для кражи нужно было непремѣнно отпереть дверь комнаты подобраннымъ ключемъ, такъ какъ, уходя, она всегда дверь запирала и ключъ брала съ собою. Шкатулка же могла быть отперта ключемъ, находившимся въ комнатѣ. По словамъ Силичъ, спрошенной въ качествѣ свидѣтельницы по предмету кражи у Яцевичъ, оказывается, что, живя въ продолженіи 4 мѣсяцевъ у Яцевичъ она всегда видѣла комодъ ея отворенньмъ и ей никогда не случалось видѣть, чтобы Яцевичъ его запирала. О кражѣ портъ-моне и денегъ Силичъ не заявила полиціи тогда же потому, что не знала кого заподозрить, но говорила о ней живущему у Яцевичъ коллежскому секретарю И. И. Тоблеръ. Этотъ послѣдній, свидѣтельствуя о кражѣ у Яцевичъ и Силичъ, заявилъ судебному слѣдователю, что у него пропали двѣ сорочки и серебряный кубокъ и что вещи эти похищены вмѣстѣ съ вещами Яцевичъ, у которой онъ останавливается на квартирѣ, когда пріѣзжаетъ въ Москву. Сущность показанія Яцевичъ состоитъ

въ томъ же, что заявлено было полиціи. По ея убѣжденію, въ самой кражѣ участвовала сама Надежда Святолуцкая и даже подучила къ тому Маргариту Остпову.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ судебный слѣдователь привлекъ къ дѣлу въ качествѣ лицъ обвиняемыхъ: мѣщанку Маргариту Осипову и дочь коллежскаго секретаря Надежду Святолуцкую, какъ заподозрѣнныхъ въ самой кражѣ и жену коллежскаго секретаря Павлу Ѳедорову Святолуцкую съ дочерью Софьею Амфіоновою, какъ заподозрѣнныхъ въ укрывательствѣ кражи. Изъ нихъ Маргарита Осипова созналась, что когда жила у Яцевичъ вмѣстѣ съ Надеждою Святолуцкою и послѣ, когда жила одна—Надежда Святолуцкая уговаривала ее нѣсколько разъ обокрасть Яцевичъ, предупреждая, что у ней много денегъ. Соблазнившись уговорами, она рѣшилась похитить вещи и деньги изъ комода, а также и бѣлье съ чердака. Все похищенное она отнесла прямо къ Святолуцкимъ, гдѣ мать и дочь завязали вещи въ узелъ, отдали его ей и велѣли идти въ переулокъ, затѣмъ вышли сами и, нанявши извощика, всѣ вмѣстѣ поѣхали въ баню. Дорогой размѣняли десятирублевую бумажду, купивши бутылку рому, которую и выпили въ банѣ. Отсюда Святолуцкія поѣхали домой, взявши съ собой узелъ. Она же отправилась къ Яцевичъ и тутъ у воротъ увидала надзирателя. Когда онъ пришелъ съ нею на обыскъ въ квартиру Святолуцкихъ, то она, Осипова, бросила бывшее при ней портъ-моне съ рублемъ денегъ подъ печку, но Софья Святолуцкая сказала, что тутъ его найдутъ, взяла и положила его въ трубу; а другія вещи въ узлѣ спрятаны были Святолуцкими на дворѣ дома. Портъ-моне и деньги у Силичъ она не крала и пропали они еще до поступленія ея въ услуженіе къ Яцевичъ.

Справедливость этого послѣдняго обстоятельства подтверждается показаніями какъ самой Силичъ, такъ и свидѣтеля Тоблера. Изъ показаній ихъ видно, что во время пропажи бѣлья Тоблера, денегъ и портъ-моне у Силичъ—служанкою у Яцевичъ была Надежда Святолуцкая.

Обвиняемыя: мать Святолуцкая и дочь ея Софья не сознаются въ укрывательствѣ вещей, похищенныхъ у Яцевичъ. Мать говоритъ, что не знаетъ, какъ они попали къ ней въ квартиру въ комодъ и что когда былъ съ обыскомъ надзиратоль, она была больна. Дочь ея Софья показала, что Маргарита Осипова говоритъ неправду, что будто бы она положила портъ-моне въ трубу, а другая дочь, Надежда Святолуцкая, также не сознается ни въ кражѣ денегъ и портъ-моне у Силичъ, ни въ укрывательствѣ вещей, похищенныхъ Осиповою у Яцевичъ. Но всѣ эти отзывы Святолуцкихъ оказываются голословными въ виду обстоя-

тельствъ дѣла, прямо ихъ уличающихъ и показанія сознавшейся Осиповой, которой нельзя не довѣрять, потому что оно во многомъ подкрѣпляется свидѣтельствомъ надзирателя Ларіонова, производившаго по сему дѣлу первоначальные розыски. Относительно того обстоятельства, что будто вещи Яцевичъ и Тоблера похищены изъ запертыхъ помѣщеній съ подобранными или похищенными ключами, дѣло не представляетъ положительныхъ доказательствъ, а напротивъ изъ показаній свидѣтелей видно, что похищенное хранилось въ незапертомъ комодѣ и незапертомъ чердакѣ. Что же касается до кражи денегъ 41 р. и портъмоне изъ шкатулки дворянки Силичъ, то изъ показаній сей послѣдней видно, что дверь ея комнаты могла быть отперта только подобраннымъ ключемъ, а шкатулка—ключемъ отъ нея же, но похищеннымъ въ той же комнатѣ.

По симъ основаніямъ: мѣщанка Маргарита Осипова и дочь коллежскаго секретаря Надежда Святолуцкая обвиняются въ томъ, что, находясь въ услуженіи у дворянки Яцевичъ: согласились обокрасть ее и похитили изъ незапертаго комода и съ незапертаго чердака разныя вещи, бѣлье и деньги на сумму не свыше 300 р., преступленіи, предусмотрѣнномъ по отношенію къ мѣщанкѣ Осиповой въ ст. 169 и 172 уст. о наказ. нал. мир. суд. и ст. 1656 улож. о наказ. Также Надежда Святолуцкая обвиняется въ томъ, что похитила у дворянки Силичъ изъ запертой шкатулки 41 р. денегъ и портъ-моне, при чемъ для кражи этой она отперла дверь комнаты Силичъ, ключемъ подобраннымъ, а шкатулку ключемъ хотя отъ нея же, но также изъ запертой комнаты похищеннымъ, преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 1648 улож. о наказ. Жена коллежскаго секретаря Павла Ѳедорова Святолуцкая и дочь ея Софья Амфіонова обвиняются въ томъ, что по совершеніи кражи Осиповою и Надеждою Святолуцкою похищенныя вещи приняли къ себѣ, воспользовались частью краденыхъ денегъ и скрывали слѣды преступленія, что предусмотрѣно въ ст. 14, 124, 121, 1656 и 1648 улож. о наказ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, обвиняемыя были спрошены предсѣдательствующимъ по одиначкѣ и показали:

Подсудимая Осипова. Признаю себя виновной—украла я. Была я безъ мѣста и прихожу къ Святолуцкимъ, мнѣ Надежда говорила, чтобы я пришла къ ней. Потомъ она рекомендовала меня къ Яцевичъ и затѣмъ говоритъ: возьми у ней вещи—у нея ихъ много, а мы, говоритъ, скроемъ. Я по глупости рѣшилась на это, взяла ихъ и отправилась со двора. Пошла я прямо къ Святолуцкимъ и отдала вещи, связанныя въ узелъ. Онѣ говорятъ мнѣ, чтобы я шла въ переулокъ, что онѣ сейчасъ придутъ. Затѣмъ пришли и совѣтовались куда ѣхать: думали сперва на телеграфъ

у нихъ тамъ сынъ служилъ; но такъ какъ, по ихъ словамъ, тамъ въ позднее время обыскиваютъ, то рѣшили ѣхать въ баню. Взяли съ собой икры, бѣлый хлѣбъ и полштофа рому, который и выпили тамъ. Надежда дорогой размѣняла 10 рублей, на которые и было все это куплено. Изъ бани они уѣхали домой, а я взяла за гривеникъ извощика и поѣхала къ себѣ. У меня спросили: гдѣ я была? Я сказала. Дворникъ говоритъ мнѣ: пожалуйте въ кварталъ. Потомъ поѣхали къ Святолуцкимъ и я уже не знаю, кто при обыскѣ спряталъ портъ-моне, но его нашли. У Нади я спросила: гдѣ узелъ? Она говоритъ у колодца, я его и представила. Надежда со мной жила очень мало у Яцевичъ и во время кражи уже не жила, но приходила ко мнѣ. Съ Святолуцкими я знакома съ измалолѣтства; въ городѣ своемъ, когда я жила у нихъ, я ходила по міру и бывало, какъ придешь домой, то говорятъ—почему мало хлѣба или денегъ принесла, вѣрно, говорятъ, въ карты проиграла. Изъ нашего города въ Москву я, Надежда, Софья и отецъ ихъ пришли пѣшкомъ.

Надежда Святолуцкая на вопросъ о виновности отвѣчала: не считаю себя виновной. Я у Яцевичъ и не жила и о вещахъ ничего не знаю. На кражу Осипову не подговаривала. Въ кражѣ у Силичъ тоже не считаю себя виновной.

Павла Өедорова Святолуцкая. Не считаю себя виновной; ни вещей, ни денегъ не видала. Маргариту Осипову я принимала потому, что знаю ее съ малолѣтства. Въ баню я ѣздила больная и денегъ по дорогѣ не мѣняла.

Софья Святолуцкая. Не признаю себя виновной.

Вызванные затѣмъ свидѣтели *Яцевичъ* и *Силичъ*, по заявленію защитника г. Фальковскаго, на осн. 2 п. 707 ст. уст. угол. суд., спрошены были безъ присяги; коллежскій же секретарь *Тоблеръ* и надзиратель *Ларіоновъ* подъ присягою.

Свидѣтельница *Яцевичъ* показала: когда я переѣхала на эту квартиру, то перевозила меня Надежда, Софья и горничная Марья и онѣ тогда уже крали у меня, что я замѣтила черезъ нѣсколько дней. Сперва онѣ у Силичъ украли 41 рубль. Маргарита украла у меня бѣлье съ чердака, кострюли и посуду. Въ день кражи она безпрестанно ходила въ спальню, выбирая оттуда золотыя вещи и деньги. Въ этотъ вечеръ я думала ѣхать въ собраніе и пошла въ комодъ за деньгами и вещами, но тамъ ничего не было. Я обратилась къ инженеру, который у меня въ то время былъ въ гостяхъ и просила его проводить меня къ квартальному надзирателю—я боялась такъ поздно ѣхать одна. Разсказавши надзирателю о происшествіи, я упросила его ѣхать къ Святолуцкимъ, потому что Маргарита была рекомендована ими. Прежде поступила ко мнѣ Надежда и предложила мнѣ удалить

другую, бывшую у меня прислугу. Потомъ рекомендовала мнѣ Маргариту. Скрылась она въ одинъ день съ Маргаритой, только гораздо раньше, ушла она утромъ. Когда я пріѣхала къ нимъ съ надзирателемъ, то Маргариты не было — спрашиваемъ: гдѣ она? Надежда отвѣчаетъ, что сейчасъ ее отыщетъ и уѣхала съ надзирателемъ. Потомъ онѣ при мнѣ стали прятать вещи и вынесли узлы изъ комнаты; когда я стала въ дверяхъ, чтобы не пускать ихъ изъ комнаты, то мать и Софья рвали у меня платье и плевали на меня. Затѣмъ все бѣгали около печки, на которой кто-то лежалъ, почему я потомъ и сказала городовымъ, чтобъ они тамъ посмотрѣли и найдено было въ трубѣ портъ-моне. Маргарита отозвала меня въ сторону и тихонько сказала мнѣ, что если я ее прощу, то она укажетъ вещи и указала ихъ у колодца. Другія вещи нашли въ комодѣ, какъ напримѣръ, кофейникъ. Надежда также плакала тогда и просила простить ихъ. Вещей рублей на 200 не нашли, какъ амазонку и другія вещи. Софью я прежде тоже взяла къ себѣ, она прибѣжала совсѣмъ босая ко мнѣ; взяла я ее, какъ и отца, изъ бѣдности.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Потрудитесь объяснить: въ какомъ домѣ жила у васъ на квартирѣ Силичъ?

Яцевичъ. И въ домѣ Рожнова и въ домѣ Страхова.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Гдѣ была покража?

Яцевичъ. Въ домѣ Страховой, зимой это было.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Сколько времени Надежда находилась у васъ и могла ли она видѣть ваши вещи?

Яцевичъ. Въ домѣ Рожнова Надежда жила въ кухнѣ, но я при нихъ при всѣхъ укладывала иногда вещи—видѣли ихъ и Надежда, и Софья, и Маргарита. Покража же была недѣли черезъ двѣ послѣ переѣзда. Маргарита затѣмъ не видала, гдѣ были вещи.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Какія вещи гдѣ у васъ хранились?

Яцевичъ. Въ спальнѣ въ комодѣ лежали золотыя вещи, а посуда въ кухнѣ; были похищены кофейникъ, кострюли и другія вещи, но я ихъ не ищу. Кофейникъ у нихъ въ комодѣ былъ найденъ, я его очень хорошо узнала.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Вы вѣдь о нѣкоторыхъ вещахъ прежде не заявляли?

Яцевичъ. Да, я не знала, что онѣ похищены. Не могу же я знать сколько у меня посуды.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Слѣдовательно, вы не знаете какая у васъ похищена посуда?

Яцевичъ. (рѣзко и улыбаясь). Ахъ, боже мой! Я думаю и вы не знаете, сколько у васъ посуды?

Присяжный повѣренный Фальковскій. Не много знаю. Впрочемъ

мы здѣсь собрались не шутить и я просилъ бы васъ отвѣчать мнѣ болѣе серьезнымъ образомъ.... Вы все время были при обыскѣ?

Яцевичъ. Все время.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Когда вы пріѣхали къ Святолуцкимъ, то не застали ихъ дома?

Яцевичъ. Да, потому что онѣ продавали въ это время мои вещи и пили на нихъ.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Почему вы это думаете, что онѣ продавали въ это время ваши вещи.

Яцевичъ. Это очень ясно. Потому что, когда онѣ возвратились и пріѣхала Маргарита, то онѣ говорили ей: не выдавай насъ, и Маргарита тогда уже сказала объ остальныхъ вещахъ, когда найдено было портъ-моне въ трубѣ.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Почему вы подозрѣваете въ кражѣ Надежду Святолуцкую?

Яцевичъ. Потому что Надежда въ этотъ день отошла отъ меня, но раньше утромъ и потому что онѣ были очень дружны съ Маргаритой.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Маргарита уходила въ этотъ день изъ дому?

Яцевичъ. Она уходила раза четыре: въ первый разъ уходила въ 9 часовъ утра, во второй часовъ въ 12, въ третій часовъ въ 7 вечера, а потомъ я ее хватилась, но ея не было—она въ этотъ разъ ушла безъ спросу.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Если вы давали ей позволеніе три раза отлучаться изъ дому, то стало быть вы весь день были дома?

Яцевичъ. Нѣтъ, я уходила въ тотъ день сама разъ пять-шесть изъ дому. Я занимаюсь рекомендаціею гувернантокъ и если кто спроситъ ихъ, то я сейчасъ же исполняю порученіе.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Вы полагаете, въ одинъ день у васъ похищены вещи?

Яцевичъ. Я не знаю, можетъ быть и не въ одинъ.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Вы говорите, что когда не давали имъ выносить вещи, то онѣ рвали васъ и плевали на васъ—чтожъ вы терпѣливо сносили это?

Яцевичъ. Конечно терпѣливо, потому что порядочная женщина не можетъ быть оскорблена подобными людьми.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Въ день кражи приходила ли Надежда Святолуцкая къ вамъ?

Яцевичъ. Нѣтъ не приходила.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Вы особенно почему то указываете все на виновность Надежды, но вѣдь это не ея же

4*

одной квартира: такъ тутъ была мать ея, Софья и еще кто то на печкѣ былъ?

Яцевичъ. Я съ своей стороны желаю, чтобы всѣхъ оправдали, это мнѣ все равно; но думаю, что Надежда болѣе всѣхъ виновата.

Предсѣдатель. Вы видѣли деньги передъ пропажей у Силичъ?

Яцевичъ. Да, я видѣла у нея 40 р., она показывала и хватилась ихъ въ тотъ же день.

Предсѣдатель. Запиралась ли дверь комнаты Силичъ и какимъ замкомъ?

Яцевичъ. Запиралась и замокъ былъ внутренній.

Товарищъ прокурора. Такъ вы въ концѣ концевъ полагаете, что всѣ онѣ дѣйствовали сообща?

Яцевичъ. Я присягу приму, что всѣ онѣ крали.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Стало быть у васъ въ тотъ день и мать Святолуцкихъ была?

Яцевичъ. Нѣтъ не была, но разъ я видѣла платочекъ на ея ребенкѣ, украденный у меня задолго передъ этимъ.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Такъ какже это вы присягу-то хотите принять, что и она крала, если она не была у васъ въ этотъ день?

Яцевичъ. Очень просто. Потому что она у меня прежде бывала.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Мнѣ, кажется, напротивъ, что очень просто то, что кто не былъ въ день кражи—тотъ не кралъ. Кто вамъ указалъ, гдѣ лежитъ кофейникъ?

Яцевичъ. Маргарита указала.

Противъ этого показанія *Маргарита Осипова* возразила, что когда она поступила къ Яцевичъ, то Силичъ уже не жила у нея и вещи пропали еще до нея, что изъ найденныхъ мѣдныхъ вещей она ничего не крала и кто ихъ унесъ, не знаетъ, что вынула она только изъ комода кольца и деньги и съ чердака бѣлье, о кофейникѣ же ничего не знаетъ и не указывала Яцевичъ гдѣ онъ лежитъ.

Надежда Святолуцкая ничего не возражала и подтвердила только показаніе Яцевичъ, что она не была въ день кражи.

По просьбѣ *присяжнаго повѣреннаго Фальковскаго* объ этомъ обстоятельствѣ была спрошена Маргарита Осипова, но та показала, что Надежда въ тотъ день у Яцевичъ была.

Павла Святолуцкая возразила, что Яцевичъ говоритъ неправду, такъ какъ она ей въ глаза не плевала и узловъ не выносила изъ комнаты, потому что Яцевичъ стала въ дверяхъ и непозволяла никому выйти. Обыска не видала вслѣдствіе того, что была больна.

Софья Святолуцкая возразила, что она никакихъ вещей не прятала и на дворѣ не была.

Свидѣтельница дворянка Силичъ на вопросы сторонъ показала: послѣдняя кража была безъ меня и я о ней ничего не могу сказать, но передъ моимъ отъѣздомъ у меня пропали 40 р. и я вскорѣ съѣхала. Въ этотъ день комната моя была заперта, а отъ шкатулки ключъ былъ въ комнатѣ. На другой день, какъ я смотрѣла свои деньги, мнѣ они понадобились, но я ихъ не нашла— было это въ послѣднихъ числахъ января. Послѣ кражи я пробовала всѣ ключи отъ другихъ комнатъ къ моей комнатѣ, но ни одинъ ключъ не подошелъ. Въ комнатѣ моей преимущественно бывала Надежда, а также и Софья, а Маргарита не бывала безъ меня. Найденный портъ-моне я признаю за свой и помню, что тамъ лежалъ рубль денегъ. Во время кражи у меня, Маргарита уже жила у Яцевичъ и кража могла быть произведена не тогда, какъ я уходила изъ дома, а какъ была въ комнатѣ у Яцевичъ. Положительнаго подозрѣнія ни на кого не могу имѣть. Посторонніе лица хотя очень часто пріѣзжали къ Яцевичъ, но въ мою комнату не входили.

Маргарита Осипова возразила, что она при Силичъ не жила у Яцевичъ, и подучила ее украсть вещи Надежда Святолуцкая но съ нею не носила вещей, а носила она, Осипова, ихъ одна и въ переулокъ къ ней вышла Надежда, а Софьи, кажется, въ то время не было.

Присяжный повѣренный Фальковскій просилъ спросить Осипову: кто укладывалъ вещи въ комодъ Святолуцкихъ?

Осипова. Я не знаю, кто ихъ укладывалъ и этихъ вещей не носила и не знаю о нихъ. Яцевичъ неправду говоритъ, что будто бы я указала на комодъ.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Я желалъ бы знать: когда Маргарита Осипова принесла вещи къ Святолуцкимъ, то говорила ли, какъ она ихъ пріобрѣла?

Осипова. Онѣ ничего не спросили и я имъ ничего не говорила, но онѣ прежде знали откуда эти вещи и знали, что онѣ краденыя, потому что Надежда при всѣхъ говорила: принеси вещи, мы ихъ спрячемъ.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Въ какихъ выраженіяхъ говорила Надежда: украдь вещи, или какъ-нибудь иначе?

Осипова. Я не могу вспомнить, какъ мнѣ говорила Надежда. Она просто говорила: возьми такія-то вещи—кольца и пр. и принеси къ намъ. И сперва я не знала, гдѣ находятся вещи, а мнѣ она сказала, что въ верхнемъ комодѣ въ коробкѣ, тутъ, говоритъ, и деньги.

Яцевичъ подтвердила, что Маргарита дѣйствительно не видала, гдѣ лежали вещи.

Свидѣтель коллежскій секретарь Тоблеръ на вопросы, предложенные ему сторонами, показалъ: во время кражи у г. Яцевичъ меня не было въ Москвѣ и я узналъ уже о ней отъ г. Яцевичъ по своемъ пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что у меня украдены сорочка и серебрянный кубокъ, изъ котораго я пилъ водку. Я квартиру имѣлъ въ г. Подольскѣ и временно, пріѣзжая въ Москву, останавливался у Яцевичъ. Когда мы переѣзжали въ домъ Страхова, то я положилъ всѣ вещи въ ведро и говорилъ еще тогда, чтобы не потеряли мой любимый кубокъ; при переноскѣ вещей была, кажется, и Надежда. По переѣздѣ на квартиру, я изъ кубка выпилъ водки, но потомъ послѣ мнѣ сказали, что онъ пропалъ. Когда я въ то время вернулся въ Москву, то Надежды Святолуцкой уже не было у Яцевичъ. Подозрѣніе въ кражѣ Яцевичъ изъявила на всѣхъ ихъ трехъ, мать же Святолуцкихъ я никогда не видалъ у Яцевичъ и вижу ее здѣсь на судѣ въ первый разъ. Впослѣдствіи Яцевичъ мнѣ говорила, что часть вещей найдена была въ сундукѣ, часть въ колодцѣ и что-то въ отдушникѣ, но болѣе я у нея не видалъ.

Осипова возразила, что при перевозкѣ вещей она не была. Остальныя подсудимыя ничего не возражали.

Свидѣтель квартальный надзиратель Ларіоновъ показалъ: времени теперь я припомнить не могу; кажется, въ февралѣ или мартѣ Яцевичъ заявила мнѣ о кражѣ у нея вещей и просила ѣхать къ Святолуцкимъ. Я поѣхалъ и застали мы дома одну только маленькую (Софью), а объ остальныхъ сказали, что всѣ уѣхали въ баню. Мы стали было ихъ ждать, и потомъ хотѣли уже ѣхать, но на дворѣ встрѣтили Надежду и спросили ее: гдѣ Осипова? Надежда отвѣчала Яцевичъ, что, вѣроятно, у васъ. Яцевичъ осталась у Святолуцкихъ, а я съ Надеждою поѣхали за Осиповой и я привезъ ее. Пригласивъ мѣстнаго надзирателя, я приступилъ къ осмотру. Яцевичъ говорила, что въ мое отсутствіе Святолуцкія переговаривались между собой, плевали на нее и выходили изъ комнаты съ вещами. Мать Святолуцкихъ при обыскѣ была нѣсколько пьяна и я ее не спрашивалъ; Осипову же я уговаривалъ сознаться, она созналась и никого не оговаривала тогда, а принесла вещи со двора; часть же ихъ была найдена въ комодѣ и сундукѣ. Кофейникъ найденъ былъ въ комодѣ и хотя не было о немъ заявлено прежде, но какъ скоро онъ былъ отысканъ, то Яцевичъ заявила, что онъ ея. Яцевичъ въ то время тоже не говорила, что вещи были украдены у нея по наущенію Святолуцкихъ и заявила объ этомъ, когда уже приглашенный судебный слѣдователь началъ составлять актъ. Бы-

ли вещи изъ найденныхъ, которыя Яцевичъ называла не своими. Сношеній во время составленія акта между Осиповой и Надеждою Святолуцкою я не замѣтилъ.

Надежда и Софья Святолуцкія возразили, что онѣ не видали, гдѣ были найдены вещи.

Спрошенный объ этомъ обстоятельствѣ *г. Ларіоновъ* показалъ: онѣ всѣ были при обыскѣ и я имъ предъявлялъ найденныя вещи. Надежда даже сама сундукъ отпирала.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Не дѣлали Святолуцкія какихъ-либо возраженій насчетъ найденной у нихъ мѣдной посуды?

Надзиратель Ларіоновъ. Дѣйствительно, Надежда Святолуцкая о кофейникѣ и мѣдной посудѣ дѣлала возраженія о принадлежности ихъ Яцевичъ. О другихъ же вещахъ заявляли, что не знаютъ, какъ онѣ попали къ нимъ.

Присяжный повѣренный Фальксвскій. Былъ ли у нихъ на квартирѣ въ то время кто-нибудь посторонній?

Надзиратель Ларіоновъ. У нихъ былъ кто то, кажется для ночлега.

По заявленію присяжнаго повѣреннаго Фальковскаго, Осипова показала, что Святолуцкая была при обыскѣ немного выпивши, но когда Надежда учила ее взять вещи, то мать Святолуцкихъ была трезвая и сидѣла отъ нихъ недалеко. Что за согласіе взять вещи онѣ ей, Осиповой, ничего не обѣщали.

Присяжный повѣренный Фальковскій заявилъ суду, что онъ, примѣняясь къ 627 ст. уст. угол. суд., проситъ прочитать то мѣсто изъ показанія Осиповой, даннаго ею судебному слѣдователю, которое относится къ Святолуцкимъ, такъ какъ тогда она не оговаривала ихъ и показаніе ея онъ, защитникъ, считаетъ въ отношеніи Святолуцкихъ свидѣтельскимъ.

Товарищъ прокурора далъ заключеніе, что онъ на основаніи той же статьи считаетъ подобное чтеніе невозможнымъ, такъ какъ это есть оговоръ, а не свидѣтельское показаніе.

Присяжный повѣренный Фальковскій повторилъ свою просьбу и сослался на 612 ст. уст. угол. суд., по которой предоставлены всѣ права для защиты обвиняемаго.

Присяжный повѣренный Березницкій, согласно съ мнѣніемъ товарища прокурора, просилъ не читать показанія Осиповой.

Судъ, на основаніи разъясненія кассаціоннаго департамента сената, что показанія обвиняемыхъ по одному дѣлу не могутъ быть прочитываемы, постановилъ не читать показанія Осиповой.

Затѣмъ, согласно заявленію присяжнаго повѣреннаго Фальковскаго, прочитанъ былъ актъ осмотра, произведенный судебнымъ слѣдователемъ Ланге 15 февраля 1870 г. въ квартирѣ г. Яцевичъ.

Изъ него видно, что комодъ имѣетъ три ящика, запирающихся внутренними замками. Верхній ящикъ можетъ быть отпертъ и безъ взлома, такъ какъ выдвигается свободно, а находящаяся на верху комода ссадина могла произойти отъ тренія языка замка, тѣмъ болѣе что она совершенно равна ширинѣ языка.

Затѣмъ приступлено было къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ прокурора А. М. Покатилло. Въ настоящемъ дѣлѣ, гг. присяжные засѣдатели, заключаются двѣ кражи, за совершеніе которыхъ передъ вами сидятъ четыре женщины. Осипова находится передъ вашимъ судомъ потому, что въ дѣлѣ этомъ замѣшаны дворяне. Сперва я обращусь къ кражѣ у Яцевичъ. Перебираясь съ одной квартиры на другую, она замѣтила, что у нея похищены нѣкоторыя вещи, но не рѣшилась объявить объ этой кражѣ, такъ какъ положительнаго подозрѣнія на какое-либо лицо не имѣла. Переѣхавши на новую квартиру, Надежда Святолуцкая продолжала у нея жить и затѣмъ ввела къ ней Маргариту. Та дѣлаетъ похищеніе, которое г-жа Яцевичъ замѣчаетъ, собираясь ѣхать въ этотъ вечеръ на балъ. Но и тутъ г. Яцевичъ дѣйствуетъ осторожно. Она заявила только надзирателю, что не находятся ли вещи у Святолуцкихъ, гдѣ впрочемъ онѣ затѣмъ и были найдены. Марг. Осипова при самомъ началѣ допроса созналась во всемъ, и я долженъ сказать, что показаніе ея нахожу совершенно согласнымъ съ обстоятельствами дѣла—она съ подробностями разсказала обстоятельства кражи. Оказывается, что прежде она не знала Яцевичъ и была рекомендована ей Святолуцкими, у которыхъ была принята какъ пріемышъ. Святолуцкія и въ особенности Надежда уговорили ее совершить кражу и подставили ее къ Яцевичъ. Вѣроятно она не могла отказаться отъ просьбы тѣхъ лицъ, которыя ей дали пріютъ. И вотъ совершается кража, и эта кража раскрываетъ другое преступленіе—кражу у Силичъ. Я не могу признать, чтобы Надежда Святолуцкая только подговаривала Осипову на кражу у Яцевичъ, нѣтъ — она участвовала въ ней сама. Осипова не знала Яцевичъ, не знала и впослѣдствіи даже, гдѣ у нея лежатъ вещи, и понятное дѣло не украла бы ихъ, еслибы Надежда Святолуцкая не дала ей къ тому всѣхъ средствъ. Она ввела Осипову въ прислуги къ Яцевичъ, она подговорила ее и указала что гдѣ лежитъ. Такое лицо должно быть названо участникомъ, хотя она постоянно старается быть въ сторонѣ, но вы, гг. присяжные, разсудите, кто изъ нихъ болѣе виноватъ. Теперь должно указать какое участіе принимали въ настоящемъ дѣлѣ другія лица. Къ этой же кражѣ причастны мать и Софья, которыя были укрывательницами покраденнаго. Вопервыхъ, это доказывается тѣмъ поличнымъ, которое найдено было у нихъ въ квартирѣ. Объя-

сненія матери Святолуцкихъ, что она не знаетъ, какъ попали эти вещи къ ней на квартиру и въ комодъ, очевидно не заслуживаютъ никакого уваженія. Какъ ей было этого не знать, когда ключи отъ комода находились у нея. Вы припомните теперь показаніе Яцевичъ, какъ Святолуцкія старались выносить вещи изъ квартиры, какъ ей наносили оскорбленія. Затѣмъ въ укрывательствѣ этой кражи виновна также и Надежда Святолуцкая—она помогала матери скрывать эти вещи. Вы помните, что она пригласила надзирателя отыскать Осипову. Безъ сомнѣнія она этимъ хотѣла отвести надзирателя отъ вещей и чтобы въ его отсутствіе они были скрыты. Полагаю, что кража эта и укрывательство вполнѣ доказаны.

Теперь обращаюсь къ другому преступленію—къ кражѣ у г. Силичъ.

Изъ слѣдственныхъ дѣйствій видно было, что комната Силичъ была заперта, здѣсь же на судѣ г-жа Силичъ говоритъ, что она не можетъ сказать навѣрное, въ какое время у нея похищены деньги. Можетъ быть, говоритъ она, похищены они въ то время, какъ я была у Яцевичъ въ комнатахъ. Поэтому я отказываюсь въ настоящее время отъ обвиненія Надежды Святолуцкой въ кражѣ съ подобраннымъ ключемъ, такъ какъ это было бы бездоказательно. Но я поддерживаю обвиненіе ее въ простой кражѣ. Исторія этого дѣла такова: Надежда Святолуцкая, войдя въ комнату къ Силичъ, увидала ключъ отъ шкатулки и сдѣлала похищеніе. Кража эта совершенно доказывается тѣмъ, что у Святолуцкихъ въ квартирѣ найденъ былъ кошелекъ Силичъ. Онъ не могъ къ нимъ попасть другимъ путемъ, какъ не черезъ кражу. Такимъ образомъ, гг. присяжные, вы видите здѣсь семейство Святолуцкихъ и несчастную дѣвочку, которая постоянно подготовлялась этимъ семействомъ къ настоящему преступленію, и я думаю, что Святолуцкія болѣе ея виновны въ этомъ дѣлѣ. Осипова вынуждена была сдѣлать эту кражу. Надежда Святолуцкая играла въ этомъ дѣлѣ самую большую роль—она и подговаривала и укрывала. Въ виновности укрывательства кражи, кажется, не можетъ встрѣтиться сомнѣній и затрудненій. Онѣ ѣздили въ баню съ вещами, мѣняли деньги, которыя, конечно, были изъ денегъ Силичъ, покупали на эти деньги ромъ, икру и пр. Софья же Святолуцкая безъ сомнѣнія дѣйствовала подъ полнымъ впечатлѣніемъ вліянія на нее старшей сестры и матери. Дѣйствовала она, конечно, безъ разумѣнія—ей было тогда менѣе 14 лѣтъ. Хотя она и укрывала покраденное, но вы, гг. присяжные, примете, вѣроятно, лѣта ея въ соображеніе.

Присяжный повѣренный Н. Я. Березницкій. Преступленіе, гг. присяжные засѣдатели, въ которомъ обвиняется подсудимая

Маргарита Осипова, принадлежитъ, къ несчастію, къ обыденнымъ явленіямъ нашей жизни. Но эта обыденность, вызывая въ васъ раздѣляемое всѣми негодованіе, я увѣренъ, не заглушитъ въ васъ ни чувства справедливости, ни состраданія къ участи несчастной дѣвочки, которая является передъ вами не въ силу своей испорченной натуры, а по обстоятельствамъ, неблагопріятно для нея сложившимся.—Преступленіе, гг. присяжные, возмущаетъ нравственное чувство, когда преступникомъ руководитъ сознательная злая воля. Что же мы видимъ въ настоящемъ дѣлѣ? Осипова дѣйствительно совершила преступленіе, она украла вещи и деньги у Яцевичъ. Это — несомнѣнно. Но участвовала ли при этомъ ея злая воля, виновна ли она въ томъ, что она сдѣлала—подлежитъ сомнѣнію. Въ первый моментъ, когда обнаружилась кража, потерпѣвшая отъ преступленія г-жа Яцевичъ тотчасъ изъявляетъ подозрѣніе на Осипову и вмѣстѣ съ тѣмъ питаетъ глубокую увѣренность, что Осипова не могла сдѣлать этого сама, что ее подучили и указываетъ на Надежду Святолуцкую, какъ на источникъ и корень зла. Это мнѣніе Яцевичъ, явившееся, такъ сказать, инстинктивно, впослѣдствіи подтвердилось тѣмъ, что Осипова не знала и не могла знать, гдѣ у Яцевичъ хранятся вещи, тогда какъ Надеждѣ Святолуцкой это было досконально извѣстно. Обыскъ, произведенный въ квартирѣ Святолуцкихъ, обнаружилъ не только кражу Осиповой, но и соучастіе Святолуцкихъ, ихъ стремленіе скрыть преступленіе. Вы помните, гг. присяжные, какъ онѣ прятали вещи, связывали ихъ въ узлы и уносили. Неужели не ясно, гг. присяжные, что все это значитъ, гдѣ дѣйствующія лица и гдѣ орудіе, машина, которыми распоряжаются. Вы слышали, гг. присяжные засѣдатели, безъискуственные и многозначительные отвѣты Осиповой, что она родилась въ домѣ Святолуцкихъ, что она взросла и вскормилась подъ ихъ вліяніемъ, что онѣ посылали ее съ рукою просить Христа-ради и отбирали отъ нея все добытое этимъ путемъ; вы слышали какъ Осипова вмѣстѣ съ Святолуцкими пѣшкомъ путешествовала изъ Вологды въ Москву искать счастія, и здѣсь, какъ земляки, соединенные узами давняго знакомства и вмѣстѣ пережитыхъ бѣдствій и страданій, онѣ сталкиваются всякій разъ при первомъ удобномъ случаѣ. Однажды Осипова осталась безъ мѣста и спѣшитъ къ Святолуцкимъ, онѣ оказали ей свое дворянское покровительство, пристроили ее, но какъ? Ободренныя тѣмъ, что Яцевичъ не заявила о пропажѣ у нея вещей во время переѣздки на квартиру въ домъ Страховыхъ, Святолуцкія задумали попользоваться еще разъ; лично сдѣлать это было неудобно и опасно. Онѣ и выбрали Осипову. На что же еще лучшая, послушная, рабски покорная имъ машина, какъ Осипова. Онѣ ее соблазнили, уговорили, а та съ-дуру

и послушалась, взяла гдѣ ей было сказано, принесла и отдала все Святолуцкимъ. И такъ Осипова совершила преступленіе своими руками, но чья воля руководила ими и ею? Кто виноватъ въ совершенномъ ею преступленіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть.

Присяжный повѣренный Фальковскій. Обвинительная власть, гг. присяжные засѣдатели, изложила вамъ обстоятельства дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ заявила, что въ отношеніи Надежды Святолуцкой она не поддерживаетъ того обвиненія, которое заключается въ обвинительномъ актѣ. Она обвиняетъ теперь ее уже въ простыхъ кражахъ и въ укрывательствѣ. Обвинительная власть поступила въ этомъ отношеніи добросовѣстно, потому что въ дѣлѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ доказательствъ къ обвиненію Надежды Святолуцкой въ кражѣ съ подобраннымъ ключемъ. Изъ прочитаннаго на судѣ акта осмотра видно, что комодъ у Яцевичъ выдвигался свободно, и безъ употребленія даже ключа его возможно было выдвигать. Что же касается до кражи у Силичъ, то Силичъ сама здѣсь заявила, что не знаетъ, въ какое время у нея были похищены деньги—быть можетъ, говорила она, въ то время, какъ она была въ другихъ комнатахъ. Эти соображенія защиты, указывающія на причины, побудившія обвинителя измѣнить первоначальное обвиненіе, приводятся здѣсь, потому что, по закону, разрѣшенію вашему будетъ подлежать и вопросъ о виновности подсудимой по обвинительному акту и что отвѣтъ обвинителя васъ ни къ чему не обязываетъ.

Здѣсь вамъ какъ обвинитель, такъ и мой товарищъ по защитѣ старались представить картину отношенія и условій, при которыхъ невинная дѣвочка Осипова находилась въ семействѣ Святолуцкихъ. Они старались доказать вамъ, что Осипова лицо не виновное, вовлеченное въ преступленіе другими, болѣе взрослыми лицами. Я не буду говорить противъ Маргариты Осиповой, но, какъ защитникъ Святолуцкихъ, долженъ уяснить дѣйствительныя роли предстоящихъ здѣсь подсудимыхъ.

Фактъ преступленія не оспаривается, но нужно разрѣшить другой вопросъ: кто изъ подсудимыхъ совершилъ это дѣяніе, и третій вопросъ: должно ли быть дѣяніе это вмѣнено. Для этого нужно разсмотрѣть тѣ доводы, на которыхъ обвинительная власть построила обвиненіе и доказалъ ли обвинитель виновность подсудимыхъ. Первымъ доказательствомъ, выставленнымъ обвинительною властью, является *оговоръ* Осиповою Святолуцкихъ. Но, гг. присяжные, всѣ вообще законодательства никогда не придавали полнаго значенія *оговору*, не считали его полнымъ доказательствомъ. Даже и у насъ, въ прежнее время, когда еще существовала теорія формальныхъ доказательствъ, одинъ оговоръ не

имѣлъ силы полнаго доказательства. Для этого онъ долженъ быть подкрѣпленъ другими доказательствами. Что же мы видимъ въ настоящемъ дѣлѣ? Хотя мнѣ и было отказано въ ходатайствѣ моемъ о прочтеніи показанія Осиповой, даннаго ею судебному слѣдователю, но я имѣю право сказать, что слѣдователю Осипова говорила совершенно другое. Поэтому вы, гг. присяжные засѣдатели, должны чрезвычайно осторожно относиться къ ея показанію, какъ къ разнорѣчивому. Но здѣсь можетъ родиться вопросъ: почему же Осипова оговариваетъ Святолуцкихъ? Святолуцкія не разъясняютъ этого обстоятельства, но я нахожу данныя для его разрѣшенія. Осипова сознавала, конечно, что въ сознаніи все ея спасеніе и еще болѣе въ томъ, чтобы указать, что она вовлечена была въ преступленіе лицами совершеннолѣтними. И на самомъ дѣлѣ такъ, что если несовершеннолѣтній былъ вовлеченъ другими въ преступленіе, то онъ уже имѣетъ много шансовъ на оправданіе. Вотъ все значеніе и происхожденіе, по моему мнѣнію, этого *оговора*.

Другимъ доказательствомъ обвинительною властью выставлено *поличное*. Кострюли и кофейникъ дѣйствительно были найдены въ квартирѣ Святолуцкихъ, но вопросъ: принадлежали ли онѣ Яцевичъ? По показанію свидѣтеля Ларіонова со стороны Святолуцкихъ были возраженія *о принадлежности* этихъ вещей Яцевичъ. Затѣмъ кому изъ васъ неизвѣстна вся трудность отличать вещи такія, которыя находятся въ житейскомъ оборотѣ въ огромномъ числѣ экземпляровъ, вещи, приготовленныя во множествѣ по одному образцу, какъ-то всякая посуда, серебро и другіе предметы безъ клейма хозяина или особыхъ примѣтъ. Г-жа Яцевичъ, при всей своей добросовѣстности, могла ошибиться въ принадлежности найденныхъ вещей. Поэтому-то намъ въ настоящемъ случаѣ и очень важно показаніе надзирателя Ларіонова, который положительно говоритъ, что со стороны Святолуцкихъ были протесты объ этихъ вещахъ. Другое показаніе въ пользу Святолуцкихъ — это показаніе Тоблера. Онъ говоритъ, что впослѣдствіи болѣе не видалъ этихъ вещей у Яцевичъ, хотя изъ дѣла и видно, что ихъ Яцевичъ возвратили. Затѣмъ я напомню вамъ, что когда я спрашивалъ Осипову, какъ говорила ей Надежда Святолуцкая о вещахъ, то она отвѣчала, что та сказала ей: поди и возьми вещи. Что же, спрашивается, значатъ эти слова для другихъ членовъ семейства? Возможно ли изъ нихъ понять, что всѣ Святолуцкія должны были знать о намѣреніи произнесшей эти слова? Теперь я обращусь къ тому, что обвинитель и мой товарищъ по защитѣ старались обратить ваше вниманіе на нравственную сторону этого дѣла, выставляя Осипову жертвой. Но вы, господа, должны обращать осо-

бенное вниманіе на факты, а не на наши рѣчи—насказать можно много прекрасныхъ вещей, но факты всегда говорятъ сами за себя. Пойдемъ далѣе. Гдѣ же найдены главныя вещи? Найдены онѣ были у колодца. Но гдѣ же доказательства, что вещи эти снесли туда Святолуцкія? Доказательствъ этому никакихъ нѣтъ. Яцевичъ видимо увлекается въ этомъ дѣлѣ, за что, конечно, я не стану ее винить. Такъ напримѣръ, она говоритъ, что найденныя въ колодцѣ вещи указала ей Осипова, но та это положительно опровергаетъ. Вы, конечно, можете съ сочувствіемъ относиться къ Осиповой, но зачѣмъ же всю отвѣтственность сваливать на Святолуцкихъ? Вообще о нравственной сторонѣ всѣхъ предстоящихъ подсудимыхъ должно сказать, что мѣрить ихъ нужно однимъ аршиномъ. Что могли дать въ этомъ отношеніи Осиповой нищіе, пришедшіе пѣшкомъ въ Москву за нѣсколько сотъ верстъ. Понятіе обо всѣхъ ихъ вы, я думаю, уже составили сами. Затѣмъ я долженъ указать, что невѣроятно, какъ показываетъ Осипова, чтобы ее уговорили, послали украсть и принести вещи и за это ничего не обѣщали. Въ семилѣтнемъ возрастѣ, я допускаю, возможно было бы уговорить, но Осипова уже прошла извѣстную школу, протягивала уже давно руку, была знакома съ нищенскимъ развратомъ, слѣдовательно сомнительна правдивость ея показаній. Обращаясь снова къ показанію Яцевичъ, я долженъ указать на нѣкоторыя противорѣчія въ ея показаніи. Она говоритъ, что при ней завязывали въ узелъ вещи и выносили, а между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи говорила совсѣмъ другое, что завязывали и выносили только бѣлье. Что же сказать о степени вѣроятности ея объясненій, что будто бы въ ея присутствіи Святолуцкія выносили похищенныя вещи, чтобы скрыть ихъ? Затѣмъ г. прокуроръ противъ Надежды Святолуцкой приводитъ такое обстоятельство, которое по справедливости должно было быть поставлено ей въ оправданіе. Это то, что она уѣхала съ квартальнымъ надзирателемъ за Осиповой. Но вѣдь она поѣхала съ нимъ отыскивать Осипову, а г. прокуроръ между прочимъ говоритъ, что она нарочно увезла его отъ вещей, чтобы скрыть ихъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что обвинительная власть не представила достаточныхъ доказательствъ и по моему мнѣнію на такихъ шаткихъ основаніяхъ обвинять нельзя. Фактъ доказанъ въ настоящемъ дѣлѣ только одинъ—это то, что у Яцевичъ украдены вещи. Но гдѣ же доказательства, что воровала ихъ Надежда Святолуцкая? Вещи вѣдь не въ квартирѣ Святолуцкихъ были найдены, а у колодца, у котораго всякій могъ положить. Ужасное, гг. присяжные, положеніе быть привилегированнаго сословія и вмѣстѣ бѣднымъ человѣкомъ! Тяжело

ему обходится даже самое незначительное преступленіе, хотя бы оно было сдѣлано изъ крайности и бѣдности. Поэтому вамъ нужно будетъ внимательно остановиться на всѣхъ обстоятельствахъ настоящаго дѣла и взвѣсить ихъ, чтобы поспѣшно не обвинить цѣлое семейство, въ особенности же Софью и Павлу Святолуцкихъ, противъ которыхъ нѣтъ рѣшительно никакихъ уликъ.

Стороны еще разъ обмѣнялись рѣчами.

Затѣмъ присяжнымъ засѣдателямъ предложены были слѣдующіе 13 вопросовъ:

1) Виновна ли вологодская мѣщанка Маргарита Александрова Осипова въ томъ, что находясь въ услуженіи у дворянки Яцевичъ и, имѣя въ то время 17 лѣтъ, по предварительному соглашенію съ другимъ лицомъ, тайно похитила изъ незапертаго комода и изъ незапертаго сундука разныя вещи, бѣлье и деньги на сумму менѣе 300 р. сер.?

2) Виновна ли дочь кол. секр. Надежда Ларіонова Святолуцкая, имѣвшая въ то время 20 лѣтъ, въ томъ, что согласилась съ Осиповой сдѣлать тайное похищеніе у Яцевичъ, познакомила ее съ послѣднею и указала ей, гдѣ хранятся вещи Яцевичъ и тѣмъ доставила Осиповой возможность похитить означенныя вещи и деньги?

3) Виновна ли жена кол. секр. Павла Ѳедорова Святолуцкая, 44 лѣтъ, въ томъ, что по совершеніи Осиповой похищенія у Яцевичъ, приняла похищенныя ею вещи и деньги, зная, что оныя похищены?

4) Виновна ли дочь кол. секр. Софья Амфіонова Святолуцкая въ томъ же преступленіи, какое упомянуто въ 3 вопросѣ, имѣя въ то время менѣе 14 лѣтъ?

5) Если Надежда Святолуцкая невиновна по 2 вопросу, то виновна ли она въ преступленіи, упомянутомъ въ 3 вопросѣ?

6) Виновна ли она же, Надежда Святолуцкая, въ томъ, что тайно похитила у дворянки Силичъ изъ шкатулки портъ-моне съ 40 р.?

7) Если Надежда Святолуцкая по 6 вопросу виновна, то для совершенія того похищенія отпирала ли она дверь комнаты, въ которой находилась означенная шкатулка, подобраннымъ ключемъ?

8) Если она же по 6 вопросу виновна, то отперла ли она для похищенія запертую шкатулку похищеннымъ ключемъ?

9) Виновна ли Павла Святолуцкая въ томъ, что, не принимая участія въ похищеніи денегъ у Силичъ, она уже послѣ сего приняла тѣ деньги, зная, что онѣ похищены?

10) Если Павла Святолуцкая по 9 вопросу виновна, и если

похищеніе у Силичъ сопровождалось обстоятельствами, указанными въ 7 и 8 вопросахъ, то принимая похищенныя у Силичъ деньги, знала ли о тѣхъ обстоятельствахъ?

11) Виновна ли Софья Святолуцкая въ преступленіи, упомянутомъ въ 9 вопросѣ?

12) Если Софья Святолуцкая по 11 вопросу виновна и если похищеніе у Силичъ сопровождалось обстоятельствами, указанными въ 7 и 8 вопросахъ, то принимая похищенныя у Силичъ деньги, знала ли она о тѣхъ обстоятельствахъ?

13) Если Софья Святолуцкая виновна по 4 и 11 вопросу, или по одному изъ нихъ, то дѣйствовала ли она при совершеніи преступленія съ разумѣніемъ?

Присяжные вынесли слѣдующій вердиктъ: на 1 вопросъ отвѣчали: *невиновна*; на 2—*виновна*; на 3—*виновна, но заслуживаетъ снисхожденія*; на 4—*невиновна*; на 6—*невиновна*; на 9—*невиновна*; на 11—*невиновна*. Остальные вопросы остались безъ отвѣта.

Судъ постановилъ: дочь коллежскаго секретаря *Надежду Святолуцкую*, признанную виновною въ простой кражѣ на сумму менѣе 300 р., заключить въ тюрьму на *шесть мѣсяцевъ*. Жену коллежскаго секретаря *Павлу Святолуцкую*, 44 лѣтъ, признанную виновною въ укрывательствѣ означенной кражи, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на *полтора мѣсяца*. По прочимъ же предметамъ обвиненія ихъ, а равно и дочь коллежскаго секретаря *Софью Святолуцкую* и мѣщанку *Маргариту Осипову*, на осн. 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., считать по суду оправданными. Приговоръ сей по отношенію къ Павлѣ Святолуцкой по вступленіи въ законную силу, на осн. 1 п. 945 ст. уст. угол суд., представить черезъ министра юстиціи на Высочайшее Императорскаго Величества усмотрѣніе.

С. Лазаревъ.

II.

Признаніе, составляя доказательство дѣйствительности событія, не стѣсняетъ судъ въ юридической оцѣнкѣ акта, служащаго къ утвержденію правъ противной стороны, на немъ основанныхъ. Къ толкованію смысла духовнаго завѣщанія не могутъ быть примѣняемы правила, указанныя закономъ, при объясненіи сомнительности смысла договоровъ и обязательствъ, такъ какъ завѣщаніе есть актъ односторонній. (1480 ст. уст. гражд. судопр. и 1026 т. X ч. I).

1871 года іюня 17 дня, по указу Его Императорскаго Величества, московскій окружный судъ, по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ членовъ: И. Н. Голикова и А. А. Зилова, слушалъ прошеніе Мейера о признаніи права собственности на два выкупныхъ свидѣтельства за наслѣдницами Юліи Гернетъ. Обстоятельства дѣла: повѣренный душеприкащика умершей чиновницы 7 класса Юліи Гернетъ, инженеръ-полковника Августа Ивановича Мейеръ, присяжный повѣренный Шайкевичъ въ исковомъ прошеніи, поданномъ въ московскій окружный судъ 25 февраля 1871 года, объяснилъ, что умершая чиновница 7 класса Юлія Гернетъ составила въ 1862 году духовное завѣщаніе, коимъ движимое и недвижимое благопріобрѣтенное свое имущество, заключавшееся тогда, между прочимъ, и въ 2332 р. по двумъ векселямъ харьковскаго помѣщика Ивана Прокофьевича Харченко, на ея Гернетъ, имя, она отказала двумъ дочерямъ своимъ: полковницѣ Екатеринѣ Мейеръ и майоршѣ Александрѣ Гернетъ, и внучкѣ своей Ольгѣ Николаевнѣ Сергѣевой, а исполненіе завѣщанія поручила, въ качествѣ душеприкащика, отставному инженеръ-полковнику Августу Ивановичу Мейеру, его довѣрителю. Должникъ г-жи Гернетъ, штабсъ-капитанъ Иванъ Харченко, не имѣя наличныхъ денегъ для уплаты долга по векселямъ, упомянутымъ въ завѣщаніи, предложилъ г-жѣ Гернетъ принять въ уплату по этимъ документамъ два непрерывно-доходныхъ свидѣтельства Государственнаго Банка на сумму 1800 руб. Г-жа Гернетъ на это согласилась, и чтобы привести это событіе въ согласіе со смысломъ духовной, сдѣлала на послѣдней собственноручную приписку 4 августа 1864 г., въ силу которой всѣ наличныя деньги, равно какъ и денежныя ея документы послѣ смерти своей предоставляетъ въ пользу тѣхъ же дочерей своихъ: полковницы Екатерины Мейеръ и Александры Гернетъ и внучки своей дѣвицы Ольги Николаевны Сергѣевой. Приписка эта подписана

двумя свидѣтелями: генералъ-майоромъ Александромъ Карловичемъ фонъ-Эссенъ и барономъ Пиларъ-фонъ-Пильхау. Московскій окружный судъ, разсмотрѣвъ это завѣщаніе въ охранительномъ порядкѣ опредѣленіемъ отъ 11 октября 1869 г. постановилъ: духовное завѣщаніе Юліи Гернетъ, кромѣ распоряженій, сдѣланныхъ въ припискѣ къ тому завѣщанію, утвердить къ исполненію. Этимъ опредѣленіемъ московскаго окружнаго суда, коимъ наслѣдницы Гернетъ признаны собственниками денегъ по векселямъ, онѣ тѣмъ не менѣе поставлены въ невозможность осуществить свои права собственности на два выкупныя свидѣтельства, полученныя въ уплату отъ Харченко по векселямъ, имъ завѣщаннымъ, несмотря на то, что по волѣ завѣщательницы эти документы, находящіеся во владѣніи душеприкащика, несомнѣнно должны перейти въ собственность наслѣдницъ по завѣщанію. Имѣя въ виду, что отказъ въ утвержденіи въ частномъ порядкѣ извѣстной части завѣщательнаго акта, не лишаетъ наслѣдниковъ права предъявить судебнымъ порядкомъ искъ о признаніи за ними права собственности на завѣщанное имъ имущество, г. Шайкевичъ предъявилъ искъ къ оставшемуся послѣ умершей г-жи Гернетъ имуществу, состоящему въ двухъ свидѣтельствахъ Государственнаго Банка за № 1935 въ 800 руб. и № 30584 въ 1000 руб. и просилъ окружный судъ постановить опредѣленіе о признаніи этихъ документовъ собственностью наслѣдницъ г-жи Гернетъ, по духовному ея завѣщанію. Основаніемъ этого исковаго требованія служатъ слѣдующія соображенія: 1) По смыслу духовнаго завѣщанія покойной Гернетъ деньги, долженствовавшія получиться по векселямъ Харченко, принадлежатъ поименованнымъ въ завѣщаніи лицамъ. По дѣлу же представляется вполнѣ доказаннымъ, что указываемое имущество— два свидѣтельства Банка въ 1800 руб. получены отъ Харченко именно въ уплату долга по векселямъ. Обстоятельство это подтверждается самими свидѣтельствами Банка, выданными первоначально на имя Харченко, свидѣтельствомъ Харченко и собственноручнымъ письмомъ его. 2) Собственноручная приписка на духовномъ завѣщаніи Гернетъ, которою она предоставляетъ въ пользу тѣхъ же дочерей и внучки наличныя деньги и денежные документы, хотя и не признана въ силѣ завѣщательнаго распоряженія, но тѣмъ не менѣе служитъ доказательствомъ въ пользу признанія за наслѣдницами по завѣщанію отыскиваемаго ими имущества, ибо изъ смысла этой приписки несомнѣнно видны желаніе и воля завѣщательницы передать въ пользу дочерей и внучки документы, замѣнившіе собою векселя Харченко. 3) Наконецъ весь смыслъ завѣщанія и приписки г-жи Гернетъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что свидѣтельства

эти должны принадлежать ея дочерямъ и внукѣ, такъ какъ въ этихъ документахъ всѣ распоряженія и обо всемъ ея имуществѣ касаются только помянутыхъ выше лицъ. При прошеніи представлено: 1) Духовное завѣщаніе Юліи Ивановны Гернетъ, которымъ она между прочимъ завѣщала своимъ дочерямъ Екатеринѣ Мейеръ, Александрѣ Гернетъ и внучкѣ Ольгѣ Николаевнѣ Сергѣевой 2332 руб. 80 коп. по двумъ векселямъ харьковскаго помѣщика Ивана Прокофьевича Харченко на имя ея; на этомъ завѣщаніи имѣется надпись московскаго окружнаго суда отъ 11 октября 1869 г. объ утвержденіи его къ исполненію кромѣ распоряженій, сдѣланныхъ въ припискѣ къ тому завѣщанію. Въ припискѣ же на завѣщаніи значится: „всѣ наличныя деньги, равно какъ и денежные мои документы, послѣ смерти моей, предоставляю въ пользу дочерей моихъ Екатерины Мейеръ, Александры Гернетъ и внучки моей Ольги Николаевны Сергѣевой. 2) Удостовѣреніе Харченко въ томъ, что два выкупныхъ свидѣтельства на сумму 1800 руб. переданы на удовлетвореніе долга по векселямъ Гернетъ, о которыхъ она упоминаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Въ засѣданіи окружнаго суда по этому дѣлу 20 марта 1871 года состоялась слѣдующая резолюція: предоставить повѣренному Мейера, на основаніи 960 ст. Уст. Гражд. Суд., исходатайствовать назначеніе опекуна къ имѣнію, оставшемуся послѣ Юліи Гернетъ и не вошедшему въ составъ завѣщанія послѣдней. Въ прошеніи отъ 5 іюня повѣренный Мейера объясняетъ, что опекуномъ назначенъ коллежскій ассессоръ Мишель и проситъ назначить дѣло къ слушанію. Въ засѣданіе суда явились гг. Шайкевичъ и Мишель, представившій указъ сиротскаго суда о назначеніи его опекуномъ къ имуществу умершей Гернетъ. Повѣренный душеприкащика Гернетъ г. Мейеръ ходатайствуетъ о признаніи двухъ непрерывно-доходныхъ билетовъ Государственнаго Банка, принадлежавшихъ умершей Гернетъ вошедшими въ составъ духовнаго завѣщанія и завѣщанными Гернетъ дочерямъ ея Екатеринѣ Мейеръ, Александрѣ Гернетъ, и внучкѣ Ольгѣ Сергѣевой. Въ семъ отношеніи изъ духовнаго завѣщанія, писаннаго 4 марта 1862 г. видно, что г-жа Гернетъ завѣщала означеннымъ лицамъ два векселя, данные ей г. Харченко на сумму 2332 руб. 80 коп., затѣмъ въ уплату по симъ векселямъ г. Харченко 28 февраля 1864 года и 3 мая 1867 г. передалъ два непрерывно-доходныя выкупныя свидѣтельства (5½ % рента). Вслѣдствіе чего Гернетъ на означенномъ духовномъ завѣщаніи сдѣлала 4 августа 1864 года добавленіе, по которому тѣмъ лицамъ завѣщала всѣ свои наличныя деньги и денежные документы. Духовное завѣщаніе Гернетъ утверждено къ исполненію, но въ утвержденіи распоряженія ея по сему добавленію

судомъ отказано. Г. Шайкевичъ искъ свой основываетъ на томъ: 1) что завѣщанные векселя при жизни завѣщательницы обращены въ непрерывно-доходные билеты; 2) что воля завѣщательницы о предоставленіи ихъ назначеннымъ ею наслѣдницамъ ясно выражается въ припискѣ къ завѣщанію, которая хотя не утверждена судомъ, но должна служить доказательствомъ воли завѣщательницы и 3) что смыслъ всего завѣщанія и приписки не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти билеты должны принадлежать дочерямъ и внучкѣ завѣщательницы. Эти объясненія г. Мишель призналъ на судѣ правильными. Разсматривая вопросъ о томъ, насколько сознаніе отвѣтчика можетъ имѣть вліяніе на разрѣшеніе сего дѣла, окружный судъ находитъ, что въ силу 480 ст. уст. гражд. суд. всѣ фактическія обстоятельства сего дѣла должны быть признаны истцемъ доказанными; на опредѣленіе же законной силы документа сознаніе г. Мишеля вліянія имѣть не можетъ, ибо оцѣнка такого акта, какъ духовное завѣщаніе, опредѣляется закономъ. Въ силу сихъ соображеній слѣдуетъ признать, что заявленіе г. Шайкевича объ обращеніи векселей Харченко въ непрерывно-доходные билеты при жизни завѣщательницы, какъ обстоятельство признанное отвѣтчикомъ, представляется вполнѣ доказаннымъ. На второе объясненіе г. Шайкевича, что собственноручная приписка на духовномъ завѣщаніи, хотя и не признана въ силѣ завѣщательнаго распоряженія, но должна служить доказательствомъ желанія и воли завѣщательницы передать дочерямъ и внукѣ документы, замѣнившіе векселя г. Харченко, сознаніе г. Мишеля имѣетъ мало вліянія. Если признать, согласно 480 ст. уст. гражд. суд., что приписка Гернетъ должна служить доказательствомъ ея воли, въ сей припискѣ выраженной, то возникаетъ болѣе важный не фактическій, а юридическій вопросъ: какую силу по закону можетъ имѣть эта приписка? По закону (ст. 1010) духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца на случай его смерти; всякая же отмѣна, измѣненіе и перемѣна въ завѣщаніи подлежатъ въ составленіи тѣмъ же правиламъ, какъ и самое завѣщаніе (ст. 1031 т. X, ч. 1). Изъ сего слѣдуетъ, что только то желаніе и та воля завѣщателя подлежитъ исполненію и обязательна, которая выражена въ законномъ порядкѣ, будетъ ли это въ духовномъ завѣщаніи, или дополненіи къ оному. Признавать эту волю законною можетъ только судъ или по 1042 ст. въ охранительномъ порядкѣ, или согласно Высочайше утвержденному 5 апрѣля 1869 г. мнѣнію государственнаго совѣта, п. 34, въ исковомъ порядкѣ. Приписка Гернетъ въ охранительномъ порядкѣ судомъ не признана законнымъ выраженіемъ воли завѣщательницы; иска же объ утвержденіи сей приписки г. Шай-

кевичемъ не предъявлено нынѣ, а потому приписка эта предъ закономъ и судомъ ничтожна и никакой силы и значенія имѣть не можетъ. Наконецъ третье основаніе иска г. Шайкевича, что смыслъ завѣщанія и приписки Гернетъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что свидѣтельства должны принадлежать дочерямъ и внукѣ завѣщательницы, приводитъ къ вопросу о возможности толкованія духовныхъ завѣщаній. Если признать, что духовныя завѣщанія могутъ быть разъясняемы подобно договорамъ (ст. 1539 т. X ч. 1), то ясно, что признаніе отвѣтчика должно имѣть при этомъ значеніе. По закону (ст. 1026 и 1027) имущества завѣщаемыя и лица, коимъ оныя завѣщаются, должны быть означены въ завѣщаніи точно. Этотъ законъ ясно указываетъ на невозможность допущенія толкованія и разъясненія воли завѣщателя, когда она касается лица назначеннаго наслѣдникомъ, или завѣщаннаго имущества; въ этомъ случаѣ нужно признать, что все то имущество, на которое не выражено законной воли завѣщателя, остается внѣ завѣщанія и переходитъ по праву законнаго наслѣдованія. Вообще толковать завѣщанія, подобно договорамъ, невозможно, ибо правила для истолкованія договоровъ постановлены въ виду акта обоюдной воли, существенно несходнаго съ завѣщаніемъ. Въ нашей практикѣ особенно опасно примѣненіе къ завѣщаніямъ 1539 ст. т. X ч. 1, которая и въ примѣненіи къ договорамъ весьма сомнительна. Признавая по симъ основаніямъ невозможность допустить толкованіе духовнаго завѣщанія г-жи Гернетъ и усматривая, что добавленіе, сдѣланное ею судомъ не утверждено, что въ духовномъ завѣщаніи о выкупныхъ свидѣтельствахъ ничего не упомянуто и что ихъ посему слѣдуетъ считать не вошедшими въ составъ духовнаго завѣщанія,—Окружный Судъ опредѣляетъ: въ искѣ душеприкащику г. Мейеръ отказать, возложивъ на него отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ издержекъ.

Судебной палаты.

I.

Раздѣлъ наслѣдства принадлежитъ къ способамъ пріобрѣтенія правъ на имущества безмезднымъ. Право стороны, при раздѣлѣ, учинить денежную выдачу другимъ и въ особенности при раздѣлѣ нераздробляемаго имущества, въ уравненіе наслѣдственныхъ частей, въ осуществленіи своемъ не составляетъ акта отчужденія, почему существующее запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей на имѣніе одного изъ дѣлящихся въ наслѣдствѣ, а равно и 1097 ст. устав. гражд. судопр., въ данномъ случаѣ, не служатъ законнымъ препятствіемъ къ раздѣлу (Том. X ч. I ст. 550, примѣч. 1 къ ст. 699, ст. 1315, 1324 и ч. II, ст. 1813).

1871 года апрѣля 6 дня, по указу Его Императорскаго Величества Московская Судебная Палата по 2 гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента Е. Е. Люминарскаго, въ составѣ членовъ: Б. А. Миллера, Ф. В. Вишнякова, Д. С. Охлябинина и М. Н. Лопатина, разсматривала дѣло по аппелляціонной жалобѣ повѣреннаго отставнаго майора Владиміра Александровича Поливанова присяжнаго повѣреннаго А. А. Герике, на рѣшеніе московскаго окружнаго суда о признаніи за дочерьми поручика, княжнами Анною, Марьею и Надеждою Петровыми Вадбольскими права собственности на домъ, состоящій въ Москвѣ, Тверской части, 4 квартала подъ № 269—290, описанный за долгъ князя Сергѣя Петрова Вадбольскаго майору Поливанову. Обстоятельства дѣла: Повѣренный дочерей поручика, княженъ Анны, Марьи и Надежды Вадбольскихъ, присяжный повѣренный Фальковскій въ исковомъ прошеніи, поданномъ московскому окружному суду 16 ноября 1870 года, объяснилъ, что въ томъ же судѣ, на удовлетвореніе претензіи отставнаго майора Владиміра Александрова Поливанова, назначенъ между прочимъ къ продажѣ съ публичныхъ торговъ, на 28 ноября 1870 года принадлежащій довѣрительницамъ его, княжнамъ Вадбольскимъ домъ, состоящій въ Москвѣ, Тверской части, 4 квартала подъ № 269—290, доставшійся имъ по духовному завѣщанію матери ихъ, княгини Александры Антоновой Вадбольской, а должникомъ по претензіи Поливанова суммою въ 5000 р. состоитъ родной братъ ихъ

отставной поручикъ князь Сергѣй Петровичъ Вадбольскій; но какъ описанный за его долгъ означенный домъ ему, Сергѣю Вадбольскому не принадлежитъ, а достался по раздѣльной записи, совершонной 11 іюля 1870 года, его довѣрительницамъ княжнамъ Вадбольскимъ (т. X ч. I. ст. 707 и 925), которыя по исполнительному листу московскаго окружнаго суда, отъ 9 августа 1870 года, и введены имъ во владѣніе, то предъявивъ къ князю Сергѣю Вадбольскому и майору Владиміру Поливанову искъ въ 8000 р., г. Фальковскій ходатайствовалъ о признаніи описаннаго за долгъ князя Сергѣя Вадбольскаго майору Поливанову сказаннаго дома собственностью его довѣрительницъ. При чемъ въ доказательство правъ довѣрительницъ своихъ на тотъ долгъ онъ представилъ засвидѣтельствованную копію съ выписи раздѣльнаго акта, совершеннаго 11 іюля 1870 года въ конторѣ нотаріуса Поль и утвержденнаго исправляющимъ должность старшаго нотаріуса московскаго окружнаго суда 23 того іюля, учиненнаго между княжнами Анной, Марьею и Надеждою Вадбольскими и братомъ ихъ поручикомъ княземъ Сергѣемъ Вадбольскимъ, изъ коей видно, что князьямъ Вадбольскимъ досталось по духовному завѣщанію ихъ матери два дома въ равныхъ частяхъ. Состоящій въ Москвѣ Хамовнической части, взялъ на свою долю князь Сергѣй Вадбольскій, а другой, Тверской части 4 квартала подъ № 269—290, въ цѣломъ его составѣ, получили въ собственность княжны Анна, Марья и Надежда Вадбольскія, безъ всякаго въ немъ участія князя Сергѣя Вадбольскаго, и распредѣливъ между собою долги какъ своей матери, такъ и отца, обязались, для уравненія частей, заплатить Сергѣю Вадбольскому 11761 р. въ продолженіи одного года. Послѣ подписи князя Сергѣя Вадбольскаго значится, что послѣдній деньги сіи получилъ. Въ засѣданіи окружнаго суда повѣренный истицъ Фальковскій повторилъ исковыя требованія, основываясь на 707 и 925 ст. т. X ч. I, и просилъ окружный судъ признать объясненный домъ принадлежащимъ на правѣ полной собственности довѣрительницамъ его, а судебныя издержки и расходы за веденіе дѣла возложить на Вадбольскаго и Поливанова поровну. Противъ этого повѣренный князя Вадбольскаго Зерцаловъ объяснилъ, что довѣритель его князь Сергѣй Вадбольскій уполномочилъ его признать предъявленный къ нему искъ Вадбольскихъ правильнымъ, но что онъ не признаетъ довѣрителя своего обязаннымъ вознаградить противную сторону за судебныя издержки. Взыскатель же Поливановъ на судъ не явился. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, окружный судъ нашелъ: 1) что представленный повѣреннымъ истицъ Вадбольскихъ раздѣльный актъ долженъ быть принятъ судомъ за доказательство собственности Вадбольскихъ на домъ,

состоящій въ Москвѣ, такъ какъ по закону онъ считается актомъ укрѣпленія на недвижимыя имущества (ст. 707 и 925 т. X ч. I св. зак. гражд.). 2) Что въ виду сознанія однимъ изъ отвѣтчиковъ княземъ Сергѣемъ Вадбольскимъ правильности сего иска, послѣдній можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ (ст. 480 уст. граж. суд.), а потому окружный судъ, на основаніи изложеннаго въ 867, 868 и 737 ст. уст. гражд. суд., опредѣлилъ: спорный домъ, находящійся въ Москвѣ, Тверской части, 4 квартала подъ № 269—290, признать собственностью княженъ Анны, Марьи и Надежды Петровыхъ Вадбольскихъ, возложивъ судебныя по дѣлу издержки на майора Владиміра Александрова Поливанова. На рѣшеніе это повѣренный Поливанова присяжный повѣренный Герике принесъ судебной палатѣ апелляціонную жалобу, въ коей объясняетъ, что 1) раздѣльная запись, составляя по закону (т. X ч. I, ст. 925) актъ укрѣпленія, тѣмъ не менѣе по спеціальному характеру своему служитъ лишь актомъ опредѣленія паевъ въ имуществѣ, на которое право собственности уже существуетъ. По настоящему дѣлу запрещеніе наложено было на все имущество Вадбольскаго, а слѣдовательно и на ту часть, какую онъ имѣлъ въ доставшемся ему обще съ сестрами послѣ матери домѣ. Часть эту онъ могъ выдѣлить, такъ какъ запрещеніе этимъ не уничтожалось, но не долженъ былъ подвергать отчужденію, и потому ни старшій нотаріусъ не имѣлъ права утвердить составленнаго на такихъ основаніяхъ раздѣла, ни для суда не было основанія признавать оный правильнымъ. Это прямо вытекаетъ изъ 1388 и 1406 ст. X т. ч. I. 2) На основаніи 1097 ст. уст. гражд. суд. со времени полученія повѣстки объ исполненіи рѣшенія, должнику воспрещается отчуждать указанное въ ней имущество, за исключеніемъ случая, указаннаго въ 1098 ст. того же устава. Повѣстка вручена была Вадбольскому 12 мая, раздѣлъ же состоялся 11 іюля 1870 года; слѣдовательно и по этой статьѣ отчужденіе не могло имѣть мѣста. 3) По 366 и 772 ст. уст. гражд. суд. истецъ долженъ доказать свой искъ, поэтому окружный судъ долженъ былъ потребовать доказательства, какъ о времени врученія Вадбольскому повѣстки объ исполненіи рѣшенія, такъ и о правильности составленія раздѣльнаго акта; кромѣ того какова бы ни была форма акта, необходимо разсмотрѣть его въ существѣ, повѣрить согласна ли сдѣлка, въ немъ заключающаяся, съ закономъ (457 ст. уст. гражд. суд.). На основаніи изложеннаго г. Герике проситъ судебную палату рѣшеніе окружнаго суда отмѣнить *и слѣдующій князю Сергѣю Вадбольскому въ наслѣдственномъ домѣ пай признать подлежащимъ продажѣ на погашеніе взысканія Поливанова*, судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла присудить съ княженъ Вадбольскихъ. На эту жа-

лобу повѣренный истицъ Вадбольскихъ Фальковскій подалъ объясненіе, въ которомъ изложилъ, что по закону (ст. 1313 т. X ч. I) права на раздѣлъ наслѣдственнаго имѣнія принадлежатъ наслѣдникамъ безъ указанія по сему предмету какихъ-либо ограниченій; что право при раздѣлѣ одной стороны учинить денежную выдачу другимъ основано на 1328 ст. зак. гр., а ст. 1388 относится до продажи имущества, и по закону (ст. 1813 т. X ч. II) запрещеніе налагается *въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей*, а не на раздѣлъ наслѣдства, которое по ст. 699 т. X ч. I принадлежитъ *къ способамъ дарственнымъ и безмезднымъ пріобрѣтенія правъ на имущества*; что на денежную выдачу, слѣдовавшую по раздѣлу князю Сергѣю Вадбольскому, *ареста не было наложено* и что засимъ не представляется законнаго основанія ни старшему нотаріусу въ отказѣ утвердить раздѣльную запись, ни окружному суду въ признаніи оной неправильною. Затѣмъ, такъ какъ раздѣлъ наслѣдства, по существу наслѣдственнаго права, не составляетъ отчужденія имущества, то и ссылка аппеллятора на 1097 и 1098 ст. уст. граж. суд. не можетъ имѣть мѣста. Посему на основаніи вышеизложеннаго г. Фальковскій проситъ судебную палату апелляціонную жалобу Поливанова оставить безъ послѣдствій, а рѣшеніе окружнаго суда утвердить, судебныя издержки и расходы за веденіе апелляціоннаго дѣла возложить на Поливанова. Въ засѣданіи палаты повѣренный аппеллятора, представивъ 102 № сенатскихъ объявленій, напечатанныхъ въ декабрѣ 1869 года, въ коемъ напечатано общее запрещеніе *на недвижимое имѣніе Сергѣя Вадбольскаго*, гдѣ бы какое ни оказалось за неплатежъ Поливанову 5000 р. сер. съ %, и удостовѣреніе судебнаго пристава о томъ, что повѣстка его объ описи, въ случаѣ неуплаты княземъ Вадбольскимъ долга Поливанову, обоихъ принадлежащихъ Вадбольскому домовъ, получена послѣднимъ 12 мая, доказывалъ, что имѣніе князя Сергѣя Вадбольскаго при совершеніи раздѣла состояло подъ запрещеніемъ, и что на домъ, поступившій по раздѣлу къ истицамъ еще ранѣе того раздѣла было обращено взысканіе кредиторомъ князя Вадбольскаго Поливановымъ, о чемъ и была вручена князю Вадбольскому повѣстка. Повѣренный истицъ, по обозрѣніи представленныхъ г. Герике документовъ, объяснилъ, что онъ не отрицаетъ ни того, что на имѣніе князя Вадбольскаго было наложено запрещеніе, ни того, что прежде составленія раздѣла имъ была получена повѣстка объ обращеніи взысканія съ него Поливановымъ на домъ, доставшійся по раздѣлу истицамъ. Затѣмъ повѣренный аппеллятора объяснялъ далѣе, что раздѣльный актъ между князьями Вадбольскими совершенъ неправильно, а затѣмъ неправиленъ и тотъ выводъ окружнаго суда, что означенный

домъ принадлежитъ истицамъ въ силу раздѣльнаго акта и совершоннаго по оному ввода во владѣніе, потому что всякій актъ крѣпостной или явочный имѣетъ по закону силу доказательства только тогда, когда существо заключающейся въ немъ сдѣлки непротивно закону (ст. 457 уст. граж. суд.), а потому проситъ судебную палату признать, что принадлежавшій князю Сергѣю Вадбольскому пай въ наслѣдственномъ домѣ отчужденъ имъ вопреки 1097 ст. уст. граж. суд. неправильно и долженъ быть обращенъ на удовлетвореніе претензіи къ нему г. Поливанова. Повѣренный истицъ въ возраженіи своемъ доказывалъ, что актъ раздѣла не есть актъ отчужденія имущества и что полученная княземъ Вадбольскимъ отъ его сестеръ при раздѣлѣ денежная приплата не измѣняетъ характера ихъ сдѣлки, почему проситъ судебную палату утвердить состоявшееся по этому дѣлу рѣшеніе московскаго окружнаго суда, а жалобу отвѣтчика оставить безъ послѣдствій. Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ апелляціонною жалобою отвѣтчика Поливанова, московская судебная палата находитъ, что повѣренный послѣдняго отрицаетъ дѣйствительность раздѣльнаго акта между князьями Вадбольскими на томъ основаніи, что актомъ симъ князь Сергѣй Вадбольскій совершилъ отчужденіе наслѣдственной части ихъ имѣнія, доставшагося ему вмѣстѣ съ сестрами по духовному завѣщанію отъ матери, въ равныхъ частяхъ, вопреки лежащаго на всемъ имѣніи самого Сергѣя Вадбольскаго запрещенія и въ нарушеніе 1097 ст. уст. гражд. суд. Принявъ во вниманіе, что по означенному раздѣльному акту изъ двухъ завѣщанныхъ въ равныхъ частяхъ всѣмъ сонаслѣдникамъ домовъ князь Сергѣй Вадбольскій получилъ на свою часть цѣлый отдѣльный домъ въ Хамовнической части и затѣмъ, предоставивъ другой домъ въ цѣломъ составѣ своимъ тремъ сестрамъ, *взялъ отъ нихъ денежную приплату лишь въ уравненіе наслѣдственныхъ частей въ нераздробляемомъ имѣніи*, согласно 1324 ст. ч. I т. X, судебная палата съ своей стороны не усматриваетъ въ раздѣльномъ актѣ князей Вадбольскихъ не только какого-либо произвольнаго, или противозаконнаго, но и вообще никакого отчужденія княземъ Сергѣемъ Вадбольскимъ своей наслѣдственной части другимъ сонаслѣдникамъ, а за симъ всѣ ссылки апеллятора на запрещеніе, наложенное *въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей* для обезпеченія иска Поливанова на все недвижимое имѣніе князя Вадбольскаго, а равнымъ образомъ указаніе на правило 1097 ст. уст. гражд. суд., воспрещающее должнику со времени повѣстки объ исполненіи рѣшенія отчуждать имѣніе подъ опасеніемъ личной и имущественной отвѣтственности, оказываются неимѣющими отношенія къ настоящему дѣлу и ни въ чемъ не опровергающими

исковыхъ требованій самихъ княженъ Вадбольскихъ. Имѣя кромѣ сего въ виду, что какъ означенное запрещеніе, такъ равно и полученная отъ судебнаго пристава княземъ Сергѣемъ Вадбольскимъ *повѣстка препятствіемъ къ раздѣлу завѣщанныхъ ему вмѣстѣ съ сестрами двухъ домовъ служить не могли, а самихъ княженъ Вадбольскихъ во всякомъ случаѣ оставаться въ общемъ владѣніи съ братомъ ни по какому закону не обязывали* (ст. 534 и 550 зак. гражд.), московская судебная палата признаетъ обжалованное рѣшеніе окружнаго суда, присудившаго на основаніи раздѣльнаго акта спорный нынѣ домъ въ собственность княженъ Анны, Марьи и Надежды Вадбольскихъ, правильнымъ и съ приведенными въ немъ узаконеніями согласнымъ, а аппелляціонную жалобу взыскателя Поливанова не заслуживающею уваженія. Вслѣдствіе сего и на основаніи 868 ст. уст. гражд. суд., Судебная Палата постановила: утвердить рѣшеніе московскаго окружнаго суда, возложивъ отвѣтственность въ судебныхъ издержкахъ и заведеніе аппелляціоннаго дѣла на аппеллятора.

II.

Наказаніе розгами, сопровождавшееся мученіемъ и жестокостью, должно быть отнесено къ истязаніямъ, предусмотрѣннымъ 1489 ст. ул. о нак., хотя бы истязанія эти были легкія, потому что для наличности сего преступленія тяжесть ударовъ или опасность ихъ для жизни не должны считаться необходимымъ условіемъ.

1871 года апрѣля 24 дня, Московская Судебная Палата, по общему собранію департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя, слушала: докладъ о пререканіи, возникшемъ между каширскимъ съѣздомъ мировыхъ судей и тульскимъ окружнымъ судомъ о подсудности дѣла о женѣ коллежскаго регистратора П—вой и работникахъ ея, обвиняемыхъ въ задержаніи и наказаніи розгами жены бывшаго двороваго человѣка М—вой. По существу возникшаго между каширскимъ съѣздомъ мировыхъ судей и тульскимъ окружнымъ судомъ пререканія о подсудности настоящаго дѣла, разрѣшенію судебной палаты подлежитъ вопросъ о томъ, къ какому роду преступленій относится приписываемое женѣ коллежскаго регистратора П—вой дѣяніе? Подсудность уголовнаго дѣла по роду преступленій опредѣляется свойствомъ предъявленнаго судебной власти обвиненія, независимо отъ представляющейся большей или меньшей достовѣрности обвинительныхъ фактовъ.—Предъявленное же противъ П—вой обвиненіе состоитъ въ томъ, что, зазвавъ къ себѣ въ домъ быв-

шую дворовую женщину, она приказала своимъ работникамъ запереть дверь на крючокъ и высѣчь ее розгами. Изъ сего видно, что противозаконное задержаніе употреблено было относительно М—вой лишь какъ средство для наказанія ее розгами, а потому, со стороны задержавшей ее П—вой, дѣяніе это не можетъ составлять самостоятельнаго преступленія, предусмотрѣннаго 1540—1542 ст. улож. о наказ., тѣмъ болѣе что М—ва находилась задержанною къ комнатѣ не одна, а вмѣстѣ съ П—вой и другими лицами, имѣвшими главною своею цѣлью наказать М—ву розгами. Дѣяніе это должно быть отнесено къ истязаніямъ, съ которыми оно имѣетъ то общее сходство, что какъ истязанія, такъ и наказаніе розгами есть посягательство на личную неприкосновенность, сопровождающееся мученіями и жестокостью. По закону истязанія являются или особо увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, или преступленіемъ самостоятельнымъ. Въ первомъ случаѣ о нихъ упоминается въ 378, 1453, 1526, 1542 и друг. ст. улож. о наказ., а во второмъ—только въ 1489 ст. Что касается вопроса о томъ, необходимо ли для примѣненія 1489 ст. чтобы истязанія, причиненныя извѣстному лицу, подвергали жизнь истязуемаго опасности, разрѣшается точнымъ содержаніемъ этой же статьи. Въ рѣшеніи сената по этому предмету сказано (рѣш. 1869 г. № 552), что употребляемое въ 1489 ст. выраженіе „*подвергающихъ жизнь опасности*,“ относится только къ побоямъ и не распространяется на предусмотрѣнныя въ этой ст. истязанія или мученія. Это видно также и изъ употребленнаго въ ней слова „*иныхъ*,“ доказывающаго, что подвергающіе жизнь опасности побои приравниваются съ истязаніями. Поэтому хотя М—вой во время истязанія удары розгами, по мнѣнію врачей, нанесены были легкіе, но обстоятельство это нисколько не устраняетъ примѣненія къ данному случаю 1489 ст., потому что для наличности предусмотрѣннаго ею преступленія тяжесть ударовъ или опасность для жизни не должны считаться необходимымъ условіемъ, иначе пришлось бы заключить, что законъ признаетъ непреступнымъ причиненіе истязаній легкихъ, неподвергающихъ жизнь опасности, ибо въ семъ видѣ о преступленіи этомъ нигдѣ въ законѣ не говорится. Признавая затѣмъ дѣло это, какъ имѣющее предметомъ своимъ преступленіе въ 1489 ст. улож. о наказ. указанное, подсуднымъ окружному суду, Судебная Палата, по общему собранію, опредѣляетъ: препроводить настоящее дѣло при указѣ въ тульскій окружный судъ для направленія въ указанномъ закономъ порядкѣ.

III.

На опредѣленіе окружныхъ судовъ о приводѣ ко дню засѣданія неявившихся подсудимыхъ жалобы приносимы быть не могутъ *).

1871 года іюля 28 дня, Московская Судебная Палата, по уголовному департаменту подъ предсѣдательствомъ члена палаты А. И. Котляревскаго, при товарищѣ прокурора В. И. Петровѣ, слушала: докладъ члена палаты Д. П. Тихомирова по дѣлу отставнаго *генералъ-майора Сергѣя Мальцова.* Изъ дѣла видно: въ калужскомъ окружномъ судѣ производится дѣло объ отставномъ генералъ-майорѣ Сергѣѣ Ивановѣ Мальцовѣ, обвиняемомъ въ приплавленіи на нижегородскую гребневскую пристань судовъ, неимѣющихъ надлежащихъ клеймъ и билетовъ. По открытіи судебнаго засѣданія 1 іюня 1870 г., оказалось, что подсудимый Мальцовъ на судъ не явился. Окружный судъ, не уваживъ представленныя Мальцовымъ причины его неявки, постановилъ: на основаніи 389 ст. уст. угол. суд. (приведенной, вѣроятно, вмѣсто 592 ст.) подвергнуть Мальцова приводу ко дню, на который вновь будетъ назначено къ слушанію о немъ дѣло. На это опредѣленіе суда Мальцовъ принесъ частную жалобу, которую калужскій окружный судъ представилъ въ судебную палату на разсмотрѣніе. Сообразивъ изложенное, судебная палата находитъ, что по закону частныя жалобы допускаются на опредѣленія окружнаго суда по предметамъ, исчисленнымъ въ 893 ст. уст. уг. суд., и что поводомъ къ подачѣ Мальцовымъ жалобы послужилъ 3 п. этой статьи, по силѣ котораго оная можетъ быть принесена на принятыя окружнымъ судомъ мѣры для воспрепятствованія подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда. Мѣры же эти перечислены всѣ въ 416 ст. уст. уг. суд., въ которой однако не упоминается въ числѣ ихъ *„привода“* подсудимаго въ судъ. Эта послѣдняя мѣра употребляется не противъ *уклоненія* подсудимаго отъ слѣдствія, а въ случаѣ *неявки* въ судъ состоящаго на свободѣ подсудимаго безъ законныхъ на то причинъ (592 ст. уст. угол. суд.). Изъ сего явствуетъ, что на опредѣленіе окружнаго суда, распорядившагося о приводѣ въ судъ подсудимаго, частная жалоба приносима быть не можетъ. Этотъ выводъ подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что окружный судъ

---

*) Прежде судебная палата принимала такія жалобы, примѣняясь къ 893 ст. уст. угол. суд., но теперь, по докладу члена Д. П. Тихомирова, палата измѣнила свой взглядъ. Ред.

можетъ распорядиться приводомъ подсудимаго, по 592 ст., *тотчасъ же по постановленіи о томъ опредѣленія*, и тогда подсудимый фактически лишенъ будетъ возможности обжалованія опредѣленія окружнаго суда. Еслибы закономъ допускались жалобы на подобныя опредѣленія, то безъ сомнѣнія былъ бы установленъ и порядокъ обжалованія ихъ, а также и срокъ, по миновавіи котораго опредѣленія тѣ входили бы въ законную силу, чего однако въ судебныхъ уставахъ не встрѣчается. Признавая по сему, что частная жалоба подсудимаго Мальцова не должна подлежать обсужденію и что калужскому окружному суду не предстояло правильнаго основанія представлять оной на разсмотрѣніе, по неимѣнію на то указанія въ законѣ, Судебная Палата опредѣляетъ: оную оставить безъ послѣдствій.

IV.

*На подлоги, предусмотрѣнные 300 ст. ул. о нак., дѣйствіе 296 ст. распространяться не можетъ, по исключительному положенію 300 ст. въ нашемъ законодательствѣ *).*

1871 года августа 4 дня, Московская Судебная Палата, по уголовному департаменту, въ распорядительномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ члена палаты А. И. Котляревскаго, при товарищѣ прокура В. Н. Петровѣ, слушала: докладъ члена палаты Д. П. Тихомирова по дѣлу о крестьянинѣ Сурковѣ, обвиняемомъ въ кражѣ. Изъ дѣла видно: у заподозрѣннаго въ кражѣ лошади крестьянина Суркова отобрано было свидѣтельство на сборъ въ пользу погорѣлыхъ, выданное на имя крестьянина Василія Иванова изъ кириловскаго волостнаго правленія, при чемъ свидѣтельство это и приложенныя въ оному печати волостнаго правленія и церковная оказались фальшивыми. На оборотѣ свидѣтельства значатся надписи жертвователей въ пользу погорѣлыхъ. Московскимъ прокурорскимъ надзоромъ означенный Сурковъ обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 300 и 296 ст. улож. о нак., а посему составленный о немъ обвинительный актъ предложенъ разсмотрѣнію палаты. Въ виду 523 и 529 ст. уст. угол. суд., отъ опредѣленія свойства и характера приписываемаго Суркову дѣянія зависитъ принятіе или непринятіе судебною палатою къ своему разсмотрѣнію обвинительнаго акта, смотря

---

*) До сего времени, нѣкоторые окружные суды и прокурорскій надзоръ, на сколько это извѣстно, признавали возможнымъ совмѣстное примѣненіе 300 и 296 ст. Ред.

потому, относится ли дѣяніе подсудимаго къ преступленію, не подлежащему лишенію и ограниченію правъ состоянія, или оно имѣетъ предметомъ преступленіе болѣе важное (200 и 201 ст. уст. угол. суд.). Нѣтъ сомнѣнія, что преступленіе, въ которомъ обвиняется Сурковъ, по признакамъ своимъ, относится (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 117) къ предусмотрѣнному 300 ст. улож. о нак. Но главный вопросъ, отъ разрѣшенія коего зависитъ направленіе настоящаго дѣла состоитъ въ томъ, представляется ли основательнымъ на означенное преступленіе распространять дѣйствіе 296 ст. ул. о нак., преслѣдующей поддѣлку и употребленіе завѣдомо фальшивыхъ печатей? Статья 294 улож. о наказ. предусматриваетъ вообще всѣ случаи подложнаго составленія для какихъ-либо дѣлъ или видовъ оффиціальныхъ документовъ отъ имени судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ или начальствъ. Хотя въ законѣ этомъ не исчисляется всѣхъ видовъ подложнаго составленія документовъ, но при примѣненіи 294 ст. слѣдуетъ принимать за исходную точку важность поддѣльнаго документа и степень опасности угрожавшей цѣлому обществу, или отдѣльнымъ лицамъ отъ употребленія его (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 117). Поэтому изъ общаго правила о подлогахъ законъ выдѣляетъ случаи подложнаго составленія такихъ незначительныхъ документовъ, употребленіе коихъ можетъ принести пользу только виновному, но не угрожаетъ опасностью имуществу или личности другихъ.—Эти исключительные случаи предусмотрѣны 300 ст. и по своей незначительности влекутъ за собою наказанія менѣе строгія. При такомъ взглядѣ на 300 ст. ул. о нак. не представляется уже основательнымъ на предусмотрѣнные ею подлоги распространять 296 ст. ул. о нак., потому что въ противномъ случаѣ виновные въ составленіи или представленіи оныхъ подвергались бы по совокупности преступленій болѣе тяжкому наказанію (152 ст.), чрезъ что утратилось бы всякое значеніе 300 ст., имѣющей въ виду обложеніе виновныхъ менѣе строгими наказаніями, по незначительности преступленій. Выведенное заключеніе находитъ себѣ отчасти подтвержденіе въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 11 октября 1848 года.—Изъ мнѣнія этого видно, что 296 ст. примѣняется ко всѣмъ дѣламъ, имѣющимъ предметомъ обвиненіе по 975, 976 и 977 ст., а не по 300 ст. ул. о наказ. (сбор. мнѣній, стр. 132—133). Руководствуясь затѣмъ, на осн. 933 ст. уст. угол. суд., рѣшеніемъ кас. деп. сената 1869 г. № 117, судебная палата находитъ, что поставленный выше вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что обвинительный актъ о Сурковѣ утвержденію подлежать не долженъ, ибо приписываемое подсудимому преступленіе относится къ 300 ст., которая по наказанію

не выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей (200 ст. уст. уг. суд.). Что же касается до обвиненія Суркова въ кражѣ лошади, то сопровождавшія похищеніе это обстоятельства также не подлежатъ разсмотрѣнію судебной палаты въ качествѣ высшей обвинительной камеры (169 ст. уст. о наказ., 33 ст. уст, уг. суд.).—По симъ соображеніямъ Судебная Палата опредѣляетъ: дѣло о крестьянинѣ Сурковѣ съ составленнымъ московскимъ прокурорскимъ надзоромъ обвинительнымъ актомъ возвратить прокурору палаты при копіи съ сего опредѣленія.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ТАКЪ ЛИ ЭТО?

I.

Въ московской судебной палатѣ по моимъ докладамъ разсматривались два дѣла объ арестантахъ Зарубинѣ и Лощагиныхъ.— Существо ихъ состоитъ въ томъ, что арестанты эти признаны были виновными въ кражахъ и приговоромъ окружнаго суда, согласно вердикта присяжныхъ, присуждены къ опредѣленному по закону наказанію, съ тѣмъ чтобы по предъявленному на нихъ гражданскому иску сдѣланъ былъ особый расчетъ (785 ст. уст. угол. суд.).—По сдѣланіи расчета, онъ былъ предъявленъ подсудимымъ, которые имъ остались недовольны и въ поданныхъ въ судебную палату жалобахъ просили расчетъ тотъ, какъ неправильный, отмѣнить.—Возникшій отсюда вопросъ о томъ, подлежатъ ли подобныя жалобы разсмотрѣнію, разрѣшенъ былъ палатою отрицательно. — Для правильнаго разрѣшенія прежде всего предстояла надобность опредѣлить, на какой приговоръ приносились означенныя жалобы—на окончательный, неокончательный или частное опредѣленіе?—По закону всѣ приговоры, постановленные судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, почитаются окончательными (854 ст. уст. угол. суд.), а постановленные безъ ихъ участія неокончательными (853 ст.). Принимая во вниманіе, что подсудимыми принесены были жалобы на неправильный расчетъ по такому дѣлу, по которому окружнымъ судомъ постановленъ приговоръ съ участіемъ присяжныхъ засѣдатетей, оказывается, что жалобы ихъ должны быть признаны кассаціонными, какъ принесенныя на окончательные приговоры, а потому не подлежащими разсмотрѣнію палаты въ порядкѣ апелляціоннаго производства. — Выводъ этотъ подтверждается еще тѣмъ соображеніемъ, что въ законѣ

(гл. II разд. V уст. уг. суд.), установляющемъ правила подачи апелляціонныхъ отзывовъ, нѣтъ ниодного указанія на порядокъ разсмотрѣнія подобнаго рода жалобъ, принесенныхъ подсудимыми, признанными виновными окончательными приговорами.—Такое молчаніе со стороны закона достаточно указываетъ, что опредѣленія окружныхъ судовъ о расчетѣ по гражданскому иску, какъ основанныя на окончательномъ судебномъ приговорѣ, не могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ судебной палатѣ, обсужденію которой подлежатъ лишь неокончательные приговоры (856 ст.).—Равнымъ образомъ жалобы названныхъ арестантовъ не могутъ быть разсмотрѣны и въ порядкѣ, для частныхъ жалобъ установленномъ (893 ст. уст. уг. суд.), По закону частныя жалобы допускаются лишь по тѣмъ дѣламъ, по которымъ дѣйствія суда первой степени могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ (рѣш. кас. деп. 1867 г. № 140 и др.); дѣло же просителей по существу своему апелляціонному разсмотрѣнію палаты не подлежало. Такимъ образомъ судебная палата не усматриваетъ правильнаго основанія къ разсмотрѣнію жалобъ на произведенный окружнымъ судомъ расчетъ по гражданскому иску.

II.

Обвиняемая въ простой кражѣ крестьянка А... во время слѣдствія вышла замужъ за губернскаго секретаря изъ дворянъ К....—Вопросъ о томъ: признавать ли обвиняемую принадлежащею къ привиллегированному сословію, или нѣтъ, т.-е. подвергать ли ее наказанію, соединенному съ лишеніемъ правъ состоянія, разрѣшается на практикѣ различно; въ сенатскихъ же рѣшеніяхъ не встрѣчается никакихъ разъясненій по сему предмету.—Постановленныя въ статьѣ 169 уст. о наказ., налаг. мир. суд., наказанія, по мнѣнію редакторовъ этого закона, достаточны только для людей низшихъ сословій, но неудобно распространять силу этихъ статей на дворянъ и лицъ другихъ привиллегированныхъ классовъ, которые, запятнавъ себя преступленіемъ, совершенно несогласнымъ съ чувствомъ чести, необходимо должны быть лишаемы принадлежащихъ имъ по состоянію особыхъ правъ и преимуществъ (суд. уст., изд. госуд. канц., стр. 79 часть IV).—Изъ сего видно, что главною причиною отягченія наказанія для привиллегированныхъ классовъ за кражу служитъ то, что преступленіе это считается разрушающимъ, по словамъ жалованной грамоты, достоинство дворянина, запятнавшаго честь свою низкимъ поступкомъ.—Разумѣется, только тотъ можетъ запятнать дворянскую честь и ока-

заться недостойнымъ ея представителемъ, кто въ моментъ совершенія преступленія имѣлъ ее по своему происхожденію или по другимъ законнымъ основаніямъ.—Поэтому нельзя допустить, чтобы крестьянка А..., совершившая кражу въ этомъ званіи, была лишена пріобрѣтенной ею впослѣдствіи по браку дворянской чести.—Не имѣя ея во время совершенія преступленія, она не могла и запятнать ее.—Поэтому я думаю, что А... должна быть наказана по 169 ст. уст. о наказ. и что подсудность дѣла о ней слѣдуетъ опредѣлить по происхожденію обвиняемой въ моментъ кражи.—Опорою этого мнѣнія служитъ отчасти рѣшеніе сената по дѣлу Карелина, который, совершивъ кражу когда принадлежалъ къ привиллегированному классу, перешелъ затѣмъ въ мѣщанство. — Подсудимый просилъ опредѣлить ему наказаніе по послѣднему его званію, но сенатъ сказалъ, что оное должно быть назначено ему, какъ лицу, которое *во время совершенія преступленія*, а *не во время суда надъ нимъ*, принадлежало къ привиллегированному сословію (сборн. рѣш. 1869 г. № 644). Практика же судебной палаты не раздѣляетъ моего взгляда.

Д. Тихомировъ.

(Продолженіе будетъ.)

III.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢТКУ

„О замѣнѣ неустойкой взысканія убытковъ."

Во второй книжкѣ Юридическаго Вѣстника помѣщена замѣтка г. Любавскаго „о замѣнѣ неустойкой взысканія убытковъ". По соображеніи 574, 1573—1575, 1583 и 1585 ст. X т. 1 ч. г. Любавскій приходитъ къ заключенію, что вознагражденіе за вредъ и убытки, понесенные отъ неисполненія договоровъ, имѣетъ очевидно такое значеніе какъ и неустойка; вся разница, по мнѣнію его, состоитъ лишь въ томъ, что количество убытковъ должно быть съ точностію доказано въ судѣ, и лишь затѣмъ убытки могутъ быть присуждены судомъ. Поэтому неустойка по добровольному условію, собственно говоря, есть не что иное, какъ опредѣленіе заранѣе сторонами по добровольному соглашенію той суммы вознагражденія за вредъ и убытки, которую должна заплатить сторона, оказавшая неисправность въ исполненіи договора. „Изъ сего очевидно, говоритъ г. Любавскій, что постановленіе неустойки тѣмъ самымъ дѣлаетъ невозможнымъ отыскиваніе потерпѣвшею стороною вознагражденія за вредъ и убытки, ибо отъ нея зависитъ назначить бо́льшую неустойку; если же она довольствовалась на случай неисполненія договора извѣстною суммою неустойки, то она затѣмъ уже не можетъ предъявлять дальнѣйшихъ по сему предмету претензій". Наконецъ, по мнѣнію г. Любавскаго, „и при законной неустойкѣ по обязательствамъ между частными лицами также не можетъ быть допущено взысканіе убытковъ, ибо сія неустойка по ст. 1575 установлена только по заемнымъ обязательствамъ между частными лицами; неуплата же должниками въ срокъ денегъ сверхъ взысканія неустойки, очевидно, не даетъ кредитору права требовать вознагражденія за тѣ потери, которыя постигли его, вслѣдствіе неаккуратной уплаты ему денегъ. Съ этимъ взглядомъ, говоритъ г. Любавскій, согласны всѣ безъ исключенія судебныя мѣста."

Не отвергая того, что въ нашей судебной практикѣ встрѣчаются рѣшенія судебныхъ мѣстъ, по взысканію неустойки и убытковъ за нарушеніе договора, согласныя съ замѣткой г.

Любавскаго, мы однако не можемъ сказать, чтобы всѣ безъ исключенія судебныя мѣста такъ толковали законы о неустойкѣ, какъ объясняетъ ихъ г. Любавскій; мы же полагаемъ, что взысканіе неустойки не исключаетъ права требовать вознагражденія за убытки, причиненные неисполненіемъ договора, развѣ бы въ немъ было именно постановлено, что платежемъ неустойки договоръ прекращается. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведемъ рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента сената 1869 года № 310, въ которомъ вѣрно выраженъ точный смыслъ статей закона о неустойкѣ и убыткахъ. Въ рѣшеніи этомъ правительствующій сенатъ признаетъ „что условіе неустойки служитъ укрѣпленіемъ и обезпеченіемъ договора или обязательства т.-е. ручательствомъ въ точномъ исполненіи онаго; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы законъ смотрѣлъ на неустойку какъ на вознагражденіе за убытки, причиненные неисполненіемъ договора; право на взысканіе неустойки открывается съ самаго того момента, въ который неисполненный договоръ долженъ быть исполненъ, хотя въ этотъ моментъ собственно не могло еще послѣдовать никакихъ убытковъ, такъ какъ они могутъ произойти лишь при дальнѣйшемъ неисполненіи договора, а какъ на основаніи 1585 ст. X т. 1 ч. взысканіе неустойки не прекращаетъ силы договора, въ обезпеченіе котораго она условлена, если о томъ не постановлено въ самомъ договорѣ; а по 569, 370 и 372 ст. того же тома и части всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, должны быть исполняемы, въ случаѣ же неисполненіи производятъ право требовать отъ лица обязавшагося удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ договорѣ или обязательствѣ; наконецъ по силѣ 684 ст. всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ и упущеніемъ,—то очевидно, что по смыслу этихъ законовъ, взысканіе неустойки за неисполненіе договора въ назначенное въ ономъ время не освобождаетъ контрагента отъ исполненія самаго договора, если въ немъ не постановлено противное; въ случаѣ же дальнѣйшаго неисполненія онаго виновный въ томъ обязанъ вознаградить другую сторону за причиненные ей этимъ своимъ упущеніемъ убытки. Подтвержденіемъ сему служитъ буквальный смыслъ приведенной 1585 ст., въ которой сказано, что неустойка взыскивается независимо отъ взысканія по неисполненію самаго договора, такъ какъ слова „взысканіе по неисполненію договора“ ясно указываютъ не на одно только право требовать исполненія договора, но и на право производить взысканіе за послѣдствія неисполненія онаго“.

М. Л.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ВѢСТНИКА.

По поводу двухъ вопросовъ Юридическаго Общества о передачѣ векселей по бланковымъ надписямъ.

Въ майской книжкѣ Юридическаго Вѣстника за текущій годъ напечатано извлеченіе изъ протоколовъ Московскаго Юридическаго Общества и между прочимъ затронуты слѣдующіе вопросы вексельнаго права: 1) возможна ли передача по бланковой надписи векселя, потерявшаго силу вексельнаго права и 2) возможна ли передача по бланковой надписи векселя, послѣ протеста его въ неплатежѣ.

По первому вопросу большинство членовъ согласилось съ мнѣніемъ предложившаго вопросъ члена, что бланковыя передаточныя надписи допускаются *въ векселяхъ*, почему и нѣтъ основанія распространять право подобныхъ передачъ на обязательства, утратившія силу вексельнаго права, тѣмъ болѣе, что въ зак. гражд. т. X ч. I ст. 2058—2063 установленъ особый способъ передачи заемныхъ писемъ. Но членъ А. М. Фальковскій высказался за допущеніе подобныхъ передачъ. По второму вопросу большинство членовъ разрѣшило его также отрицательно, а г. Фальковскій остался при томъ мнѣніи, что 625 ст. вексельнаго устава относится до переводныхъ векселей, требующихъ предварительнаго принятія, а не до простыхъ.

Достойно замѣчанія, что особое мнѣніе г. Фальковскаго вполнѣ согласуется съ разъяснѣніемъ гражд. кассац. деп. въ сборникѣ рѣшеній за 1869 г. № 889, хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что во время засѣданія Юридическаго Общества, происходившаго 19 ноября 1869 г., не было еще отпечатано означенное кассаціонное рѣшеніе. При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ рѣшеніи за № 175 за тотъ же годъ сенатъ утвердительно разрѣшилъ вопросъ о возможности передачи заемныхъ обязательствъ посредствомъ бланковой передаточной надписи и сдѣлалъ притомъ ссылку на 2059 ст. X т. I ч. При такомъ расширеніи уступки заемныхъ обязательствъ посредствомъ бланковыхъ передаточныхъ надписей конечно допускается по таковой же надписи и передача протестованнаго векселя. Такимъ образомъ и по второму вопросу Юридическое Общество расходится

съ кассаціоннымъ сенатомъ. Однако и практика судебнаго сената не согласна съ мнѣніемъ кассаціоннаго департамента по этому предмету, такъ въ Судебномъ Вѣстникѣ 1868 г. № 183 напечатано одно сенатское рѣшеніе, утвердившее опредѣленіе петербургскаго коммерческаго суда, что вексель, потерявшій силу вексельнаго права по причинѣ, предусмотрѣнной во 2 п. 636 ст. уст. о векселяхъ, не можетъ быть передаваемъ по бланковой передаточной надписи. Притомъ, по мнѣнію сената, ничто не прерываетъ теченія этой двухлѣтней вексельной давности, такъ что если вексель былъ представленъ ко взысканію въ теченіи двухъ лѣтъ со дня протеста и по желанію взыскателя было затѣмъ пріостановлено взысканіе, то если вторичное возобновленіе ходатайства о взысканіи послѣдовало спустя два года со времени протеста, вексель теряетъ свою силу.

Нѣтъ сомнѣнія, что потеря вексельнаго права въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 636 и 637 ст. уст. о векселяхъ, при порядкѣ взысканія, установленномъ по уст. гражд. суд., собственно по отношенію къ векселедателю, почти не имѣетъ никакого значенія, потому что взыскатель, получившій исполнительный листъ по иску, основанному на векселѣ, потерявшемъ свою силу, ничего не теряетъ и можетъ обратить взысканіе на всякое достояніе и личность должника, а сохраненіе или потеря векселемъ своего права дѣлаются замѣтными лишь при столкновеніи того и другаго рода векселей и при недостаточности имущества должника на покрытіе обоихъ долговъ. Тогда потерявшій силу вексельнаго права отодвигается на задній планъ, а сохранившій такое право пользуется своимъ преимуществомъ и то при признаніи его несостоятельнымъ (1214—1222 ст. уст. гражд. суд., 5 и 6 п. положенія 1 іюля 1868 г. о несостоятельности и 1960 и 1961 ст. т. XI уст. торг.). Но сохраненіе векселемъ своего права, или потеря его имѣетъ существенное значеніе для третьяго лица, въ немъ участвовавшаго, т. е. для прежняго векселепріобрѣтателя, уступившаго свой вексель другому лицу (конечно безъ прибавленія словъ „безъ оборота на меня,“ ст. 568 уст. о векс.). Здѣсь играетъ весьма важную роль сохраненіе или несохраненіе векселемъ своей силы. Вотъ что говоритъ кассац. департ. въ рѣшеніи 1868 г. № 123: „Исключительная принадлежность векселя состоитъ въ правѣ векселедержателя производить взысканіе не только съ векселедателя, но и съ того, отъ кого онъ дошелъ. Напротивъ того, по всѣмъ долговымъ обязательствамъ, неимѣющимъ силы вексельнаго права, лицо, передавши долговой документъ, вслѣдствіе этой передачи, никакому уже взысканію не подвергается. Согласно сему, вексель, „утратившій силу вексельнаго права, вслѣдствіе какихъ бы то

„ни было упущеній, но сохранившій силу долговаго обязатель-„ства (уст. торг. ст. 637), не можетъ быть предъявленъ ко взы-„сканію, какъ и всякое иное обязательство, къ другому лицу, кро-„мѣ того, которое обязалось платежемъ.“ И на этомъ основаніи сенатъ кассировалъ рѣшеніе московскаго мироваго съѣзда, присудившаго съ Алексѣева въ пользу Дефоржа 450 р., невзысканныхъ симъ послѣднимъ съ векселедателя Болочанъ по двумъ векселямъ его, выданнымъ Алексѣеву и перешедшимъ отъ него по бланковымъ надписямъ къ Дефоржу.

Но отсюда раждается слѣдующій вопросъ: сохраняется ли солидарная отвѣтственность нѣсколькихъ лицъ, сообща выдавшихъ вексель, при потерѣ имъ своей силы по причинамъ, усмотрѣннымъ въ 636 и 637 ст. уст. о вексел., или она распадается на участниковъ по соразмѣрности частей? Вопросъ этотъ вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Въ ст. 634 уст. о векс. постановлено: „Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ многими лицами вмѣстѣ „выданъ, надписанъ или принятъ вексель, они отвѣтствуютъ „другъ за друга въ платежѣ сполна всей долговой суммы, но „они отвѣтствуютъ каждый за себя отдѣльно и по соразмѣрно-„сти частей, когда части каждаго именно означены будутъ на „векселѣ.“ Круговая же порука или солидарная отвѣтственность участвующихъ въ гражданскомъ договорѣ, кромѣ векселя, должна быть положительно выговорена, въ противномъ случаѣ каждый изъ участвующихъ отвѣчаетъ только за себя. Это видно изъ буквальнаго смысла 1548 ст. т. X ч. I, въ которой сказано: „Если нѣсколько лицъ приняли на себя обязательство по одному „и тому же договору, но не постановивъ, что, при неисполне-„ніи договора отвѣтствуетъ каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго, „и если одни изъ нихъ исполнили, а другіе не исполнили своего „обязательства, то имѣющій право требовать исполненія по до-„говору долженъ за симъ обратиться не ко всѣмъ, вступившимъ „въ обязательство, а къ тѣмъ только, которые не исполнили „его.“ Слѣдовательно при отсутствіи условія въ обязательствѣ, выданномъ нѣсколькими лицами, о солидарной отвѣтственности участниковъ, таковая не подразумѣвается, между тѣмъ какъ нѣсколько лицъ, вмѣстѣ подписавшихъ вексель, несутъ солидарную отвѣтственность во всякомъ случаѣ. Спрашивается, продолжается ли эта отвѣтственность и при потерѣ векселемъ своей силы и переходѣ его вслѣдствіе этого въ разрядъ общихъ гражданскихъ обязательствъ, когда онъ не представляетъ больше торговой сдѣлки?

Нужно къ этому добавить, что кассаціонная практика уменьшила отвѣтственность цедента предъ цессіонаріемъ по векселю еще однимъ случаемъ, именно *когда передача послѣдовала послѣ*

представленія векселя ко взысканію. Вотъ какъ выражается объ этомъ кассац. департ. 1870 г. № 40: „При соображеніи статей „вексельнаго устава оказывается, что вексель, выражая обяза-„тельство извѣстнаго лица заплатить другому въ опредѣленный „срокъ извѣстную сумму денегъ, представляетъ особую торго-„вую, кредитную сдѣлку. При такомъ значеніи этого рода обя-„зательствъ законъ установилъ особый порядокъ передачи век-„селей по надписямъ, опредѣляя съ точностью тѣ послѣдствія, „ту отвѣтственность, которымъ, въ силу вексельнаго права, „подлежитъ векселедатель и надписатель предъ векселедержате-„лемъ *дотолѣ, пока вексель переходитъ изъ рукъ въ руки*; но иное „значеніе сдѣлка о передачѣ претензіи по векселю получаетъ „уже тогда, когда вексель представленъ ко взысканію; онъ не „служитъ болѣе выраженіемъ торговой сдѣлки, а является толь-„ко обыкновенною денежною претензіею, которая можетъ быть „передаваема лишь въ силу общаго гражданскаго права, какъ „всякое движимое имущество. Это положительно подтверждается „и 625 ст. т. XI уст. торг. Отсюда ясно, что *вексель, предъяв-„ленный ко взысканію, не можетъ имѣть никакихъ другихъ по-„слѣдствій кромѣ права взысканія денегъ съ того лица, противъ „котораго искъ предъявленъ*, или другими словами, не можетъ „имѣть для уступившаго тѣхъ послѣдствій, какимъ въ силу век-„сельнаго права подвергаются надписатели, доколѣ вексель пе-„реходитъ изъ рукъ въ руки, какъ представитель торговой сдѣл-„ки.“ Но петербургская судебная палата (Суд. Вѣстн. 1870 г. № 11) толкуетъ приведенную 625 ст. совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, что переводный вексель, *послѣ принятія его плательщикомъ* и представленія его въ срокъ къ платежу, не можетъ быть передаваемъ какъ только для полученія или взысканія денегъ, т. е. не можетъ быть переуступленъ въ собственность, и выводъ свой, что рѣчь идетъ о переводныхъ, а не о простыхъ векселяхъ, палата подтверждаетъ тѣмъ, что здѣсь сказано „принятый вексель,“ между тѣмъ, какъ по 571 ст. простые векселя не требуютъ никакого предварительнаго принятія, а по ст. 578 только по предъявленіи плательщику переводнаго векселя онъ обязанъ объявить принимаетъ ли оный къ платежу или нѣтъ. Такимъ образомъ и по второму вопросу особое мнѣніе г. Фальковскаго о смыслѣ 625 ст. согласно съ толкованіемъ судебной палаты. Но относительно передачи переводныхъ векселей палата высказалась тоже отрицательно.

М. Градъ.

Смоленскъ.
29 іюля 1871 г.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

26 августа г. Жюль-Фавръ послѣ многотрудныхъ обязанностей государственнаго человѣка, выпавшихъ на долю его въ страшно-тяжкую годину истытанія французскаго народа, началъ свое адвокатское поприще: онъ защищалъ небольшое дѣло въ 1-й палатѣ сенскаго гражданскаго трибунала.

— Въ нѣмецкихъ газетахъ сообщаютъ, что изъ прежняго личнаго судебнаго состава въ Эльзасъ-Лотарингіи въ новыя судебныя учрежденія вступили только четверо: изъ остальныхъ вновь назначенныхъ судей считается 41 Прусакъ, 28 Баварцевъ, 9 Гессенцевъ, 5 Баденцевъ, 1 Саксонецъ, 1 Саксенъ Кобуржецъ и 1 Альтенбуржецъ.

— *Indépendance Belge* извѣщаетъ, что всѣ газеты парижской уніи рѣшили протестовать противъ преслѣдованій, которымъ подвергается печать, и воспроизвести замѣтку *Constitutionnel*, оспаривающую законность этихъ преслѣдованій. Кромѣ *Patrie, Paris-Journal* и *Univers*, которыя подверглись преслѣдованію за распространеніе будто бы ложныхъ извѣстій, та же участь постигла и газету *Gaulois*. Сверхъ того, сообщаетъ парижская телеграмма отъ 2 сентября, пріостановлено изданіе *Vérité*. Позднѣе *Gasette des Tribunaux* сообщаетъ отчетъ о засѣданіи сенскаго ассизнаго суда, разсматривавшаго 12 сентября дѣла выше названныхъ газетъ, результатомъ котораго было оправданіе присяжными всѣхъ подсудимыхъ.

— Въ *Бюллетенѣ законовъ для Эльзасъ-Лотарингіи* напечатанъ декретъ о введеніи въ этой провинціи съ 1 октября германскаго уголовнаго кодекса съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями сообразно съ мѣстными условіями края.

— Въ засѣданіи парижскаго ассизнаго суда 7 сентября рѣшено было дѣло по иску г. Жюля-Фавра противъ газетъ *Avenir liberal* и *Vérité*, напечатавшихъ статью, сообщавшую извѣстія оскорбительныя для его чести. Вслѣдствіе обвинительнаго вердикта

присяжныхъ, судъ приговорилъ г. Лалюэ, автора статьи, къ тюремному заключенію на одинъ годъ и къ уплатѣ 1000 фр. пени, а редакторовъ *Avenir libéral* и *Vérité* къ мѣсячному заключенію и пенѣ въ 500 фр.

— Въ нѣмецкихъ газетахъ сообщаютъ, что 7 сентября открылись засѣданія особой коммиссіи юристовъ, созванной союзнымъ совѣтомъ для окончательнаго обсужденія проекта устава судопроизводства. Предсѣдаетъ въ этой коммиссіи прусскій министръ юстиціи г. Леонгардтъ.

— *Голосъ* говоритъ, что на разсмотрѣніе правительства поступило ходатайство одного изъ земскихъ собраній о разрѣшеніи законодательнымъ порядкомъ вопроса о совершеніи купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущества до 500 руб. окончательно у мировыхъ участковыхъ судей въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ нотаріусовъ, съ тѣмъ чтобы та часть нотаріальныхъ сборовъ, какая опредѣляется по закону въ пользу городовъ, гдѣ совершается крѣпостной актъ, была опредѣляема въ пользу земствъ тѣхъ уѣздовъ, въ предѣлахъ коихъ состоятъ продаваемыя имущества, или распредѣлялась бы между городомъ и уѣзднымъ земствомъ равномѣрно.

— *Петербургская газета* передаетъ слухъ будто въ непродолжительномъ времени будетъ уничтожена въ Петербургѣ формальность прописки паспортовъ въ участкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ введено правило, по которому каждый домовладѣлецъ обязанъ будетъ вести списки своимъ жильцамъ и доставлять эти списки въ адресный столъ.

— *Одесскій Вѣстникъ* разсказываетъ, что главные зачинщики бывшей недавно въ Одессѣ стачки извощиковъ, въ числѣ четверыхъ хозяевъ, высланы 17 августа изъ Одессы, по желѣзной дорогѣ.

— *Донскія вѣдомости* сообщаютъ, что образованный въ настоящемъ году въ Новочеркаскѣ особый временный комитетъ выработалъ соображенія по тѣмъ статьямъ, какими найдено было необходимымъ пополнить или измѣнить судебные уставы 20 ноября 1864 г. въ примѣненіи ихъ къ Области Войска Донскаго, а также и по вопросамъ, касающимся самаго введенія въ Области сихъ уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ. Соображенія эти вмѣстѣ съ предположеніемъ наказнаго атамана объ образованіи въ Донской Области двухъ третьяго разряда окружныхъ судовъ Новочеркаскаго и Усть-Медвѣдицкаго представлены были генералъ-адъютантомъ Чертковымъ въ военное министерство съ ходатайствомъ о введеніи судебной реформы въ полномъ ея объемѣ въ Донской Области въ будущемъ 1872 г. На это министръ юстиціи отвѣчалъ, признавая вполнѣ правильными помянутыя

предположенія, что введеніе судебныхъ уставовъ въ Донской Области, едва ли будетъ возможно ранѣе 15 іюля 1872 года, такъ какъ совершенно необходимъ цѣлый годъ для совершенія всѣхъ предварительныхъ дѣйствій по открытію новыхъ судебныхъ установленій.

— *Московскія Вѣдомости* извѣщаютъ, что сообщенный ими слухъ о томъ, что проектъ новаго закона о печати будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ въ сентябрѣ, не подтверждается, а что по всей вѣроятности проектъ этотъ будетъ окончательно изготовленъ къ октябрю. По свѣдѣніямъ газеты, проектъ предполагаетъ залоги для безцензурныхъ изданій оставить въ прежнемъ размѣрѣ, а также сохранить административныя предостереженія съ тѣмъ однако, что если періодическое изданіе, получившее уже предостереженіе въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, не получитъ новаго, то слѣдующее за этимъ срокомъ предостереженіе будетъ считаться первымъ. Вопросъ о судопроизводствѣ по дѣламъ печати кажется еще окончательно не рѣшенъ, а положено только, въ видахъ ускоренія дѣлъ по нарушеніямъ законовъ о печати, передавать ихъ непосредствено въ судебную палату. Говорятъ, прибавляютъ *Московскія Вѣдомости*, что было предположеніе учредить для процессовъ по дѣламъ печати особый департаментъ судебной палаты, но, какъ кажется, преобразованіе ограничится назначеніемъ для этихъ дѣлъ усиленнаго присутствія палаты, какъ это установлено нынѣ для нѣкотораго рода преступленій. Преобразованіе судопроизводства по дѣламъ печати составитъ, повидимому, коренное измѣненіе нынѣшнихъ законовъ о печати, которые вообще будутъ приведены въ большую ясность и полноту.

— *Голосъ* передаетъ слухъ, что государственному банку будетъ разрѣшено, при предъявленіи исковъ, основанныхъ на векселяхъ, просить судъ о производствѣ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ.

— *Русскій Міръ* говоритъ, что носятся слухи, что въ непродолжительномъ времени будетъ объявлено помилованіе бывшему владимірскому предводителю дворянства Огареву, присужденному, какъ извѣстно, кассаціоннымъ департаментомъ сената къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію.

— *Биржевыя Вѣдомости* сообщаютъ, что засѣданія комитета о духовно-судебной реформѣ возобновятся по возвращеніи архіепископа литовскаго Макарія, котораго ожидаютъ не позже половины сентября. Первымъ очереднымъ вопросомъ, какъ говорятъ, будетъ въ комитетѣ вопросъ о духовной прокуратурѣ. Между нѣсколькими заявленными мнѣніями членовъ, одно тре-

буетъ организаціи прокуратуры совершенно самостоятельной, другія два оставляютъ обязанности прокурора или на архіереѣ непосредственно, или на его уполномоченномъ представителѣ; но полагаютъ, что эти противоположные взгляды удобно будетъ примирить, принявъ среднее положеніе, именно зависимость прокуратуры отъ архіерейской власти по вопросамъ обвиненія и самостоятельность по всѣмъ остальнымъ дѣйствіямъ преобразуемаго судебно-консисторскаго порядка.

— По свѣдѣніямъ *Русскаго Міра* въ текущемъ году будутъ упразднены по одному изъ отдѣленій третьяго и пятаго департаменовъ сената.

— Въ *Московскія Вѣдомости* пишутъ, что въ этомъ году, богатомъ замѣчательными судебными процессами, будутъ разбираться въ Петербургѣ дѣла по извѣстному подложному завѣщанію Бѣляевой (Мясниковское дѣло) и по не менѣе извѣстному обвиненію князя Гокчайскаго въ самозванствѣ и двоеженствѣ. Кромѣ того, въ кассаціонномъ департаментѣ сената будетъ разбираться дѣло по обвиненію одного значительнаго чиновника въ растратѣ казенныхъ суммъ.

— *Биржевыя Вѣдомости* сообщаютъ слѣдующія, извлеченныя изъ оффиціальвыхъ данныхъ свѣдѣнія о размѣрахъ содержанія получаемаго высшими чинами въ Россіи:

Изъ министровъ, наименьшее содержаніе получаетъ военный 15.000 р., а самое большое (27.150 р.) министръ Императорскаго двора. С.-Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ получаетъ больше военнаго министра—15.750 р. Генералъ-губернаторы получаютъ слѣдующее содержаніе: московскій 36.000 р., новороссійскій 24.840 р., Восточной Сибири 23.953 р. и кіевскій 20.000 р. Содержаніе намѣстника Царства Польскаго 63.574 р.

— Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ свѣдѣніямъ заимствуемъ изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* подобныя же данныя о содержаніи, получаемомъ высшими гражданскими чинами:

Въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса состоятъ только два лица: государственный канцлеръ князь А. М. Горчаковъ и князь П. П. Гагаринъ. Содержаніе перваго изъ нихъ 40.800 р. при казенной квартирѣ, а втораго 17.168 р. Изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ втораго класса самое большое содержаніе получаетъ нашъ посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ—57.540 р., затѣмъ М. А. Корфъ—21.720 р. 10 к., Я. А. Дашковъ—20.066 р., М. Х. Рейтернъ—20.000 р., П. А. Мухановъ 17.933 р. 57 к., А. Г. Армфельдтъ—17.400 р., Д. Н. Замятнинъ, А. М. Княжевичъ и П. А. Валуевъ по 17.000 р., О. П. Тымовскій 15.800 р. Къ 15 мая прошлаго года всѣхъ чиновъ втораго класса значилось по спискамъ—44, изъ коихъ четыре не полу-

чали никакого содержанія. Содержаніе получаемое всѣми остальными, въ общей сложности, составляетъ—464.511 р. 70 к.

Изъ чиновъ третьяго класса, т.-е. тайныхъ совѣтниковъ, самое большое содержаніе получаетъ нашъ посланникъ въ Берлинѣ, П. П. Убри—35.655 р. и на содержаніе дома—3.500 р., затѣмъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой—26.000 р. Далѣе болѣе значительныя цифры содержанія принадлежатъ слѣдующимъ лицамъ: посланникъ нашъ при Бельгійскомъ дворѣ получаетъ 21.000 р., посланники при Австрійскомъ, Баварскомъ и Нидерландскомъ дворахъ по 19.685 р., статсъ-секретарь Шторхъ—18.714 р., министръ юстиціи—18.000 р., посланникъ при Швейцарскомъ дворѣ—17.248 р., при Виртембергскомъ—16.762 р., при Португальскомъ—16.256 р., членъ государственнаго совѣта Ленскій—16.550 р., лейбъ-медикъ Карель—16.062 р. 85 к., гофмейстеръ Набоковъ—15.200 р., баронъ А. П. Николаи—15.000 р., лейбъ-медикъ Цыцуринъ—13.791 р. 94 к. и пр. Всѣхъ чиновъ третьяго класса по 15 мая прошлаго года было 364; изъ нихъ служили безъ содержанія—44, остальные получали содержанія въ общей сложности 2.400.000 р.

Гражданскіе чины первыхъ трехъ классовъ владѣютъ поземельною собственностью, составляющею въ общей сложности до 2.400.000 десятинъ, съ 400.000 временно-обязанныхъ крестьянъ, исключая дома, заводы, рудники, фабрики и т. п. Самою большою поземельною собственностью располагаютъ: графъ Орловъ-Давыдовъ (221.273 дес.), дѣйствительный тайный совѣтникъ А. М. Потемкинъ (205.767 дес. и въ общемъ владѣніи съ княземъ Юсуповымъ и графомъ Кушелевымъ-Безбородко—250.000 дес.), И. С. Мальцовъ (111.327 дес.). Родовое имѣніе графа Шереметева составляютъ 139.436 временно-обязанныхъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ, сверхъ того въ Лифляндской губерніи 6.190 дес. населенія земли, а пріобрѣтено 3.486 дес. съ 263 временно-обязанныхъ крестьянъ.

— *Русскій Міръ* передаетъ слухъ, что введеніе судебной реформы въ западномъ краѣ и ревизія тамошнихъ судебныхъ учрежденій будутъ поручены предсѣдателю петербургскаго окружнаго суда И. И. Шамшину, а въ Царствѣ Польскомъ — сенатору уголовнаго кассаціоннаго департамента М. Е. Ковалевскому.

— Въ *Голосѣ* пишутъ, что вслѣдствіе разсмотрѣнія петербургскою судебною палатою Нечаевскаго процесса, въ палатѣ произошло громадное накопленіе дѣлъ. Такъ съ половины мая по 1 сентября въ палату поступило болѣе 800 дѣлъ; изъ нихъ болѣе 250 арестантскихъ, по которымъ болѣе 300 арестантовъ содержатся въ предварительномъ заключеніи. Сверхъ того, изъ дѣлъ поступившихъ ранѣе половины мая, многія остались нерѣ-

шенными; по нимъ также не мало арестантовъ, содержащихся подъ стражей.

— *Московскія Вѣдомости* извѣщаютъ, что въ будущемъ ноябрѣ ожидается закрытіе 6 и 7 департаментовъ правительствующаго сената въ Москвѣ и передаютъ слухъ, что помѣщеніе, занимаемое этими департаментами, предназначается отдать для новыхъ судебныхъ учрежденій въ Москвѣ. Въ настоящее время высшему прокурорскому надзору и судебнымъ властямъ въ Москвѣ поручено заняться предположеніями относительно приспособленія этого помѣщенія для предназначенной цѣли и составленіемъ по этому поводу смѣты.

— Въ ту же газету пишутъ, что на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть внесенъ составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ исправительныхъ тюремъ, имѣющій въ виду замѣнить названными тюрьмами—заключеніе въ рабочихъ и смирительныхъ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ. По этому проекту, какъ слышно, все управленіе тюрьмами перейдетъ изъ вѣдѣнія тюремныхъ комитетовъ въ распоряженіе особаго тюремнаго правленія, состоящаго изъ начальника тюрьмы, священника, врача, учителя и попечителя, доставляющаго арестантамъ работы. Исправительныя тюрьмы будутъ строиться вновь и приспособляться подъ помѣщеніе арестантовъ такимъ образомъ, чтобы въ каждой изъ нихъ арестанты содержались въ теченіе ночи въ отдѣльныхъ кельяхъ, днемъ же работали въ общихъ камерахъ. Затѣмъ всѣ нынѣ существующія тюрьмы имѣютъ быть обращены въ тюрьмы слѣдственныя для содержанія лицъ, подвергнутыхъ заключенію въ предупрежденіе возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, и для пересыльныхъ арестантовъ.

— Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатано Высочайшее повелѣніе о введеніи въ войскахъ бывшаго Рижскаго военнаго округа военно-судебнаго устава.

— По свѣдѣніямъ *Русскаго Міра*, въ уголовный кассаціонный департаментъ сената начали въ послѣднее время поступать въ большомъ количествѣ дѣла о скопцахъ. Число обвиненій по этимъ дѣламъ весьма значительно и между прочимъ по одному дѣлу жалоба поступила отъ 44 подсудимыхъ.

— Въ нѣмецкихъ газетахъ сообщаютъ, что 28 августа въ Штутгартѣ открытъ съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ, въ которомъ приняли участіе 600 человѣкъ изъ Германіи и Австріи. Предсѣдателемъ избранъ профессоръ Гнейстъ. Виртембергскій министръ юстиціи, присутствовавшій въ засѣданіи 29 августа и привѣтствовавшій съѣздъ отъ имени короля Карла, избранъ почетнымъ президентомъ.

Вообще въ послѣднее время замѣчается на различныхъ пунктахъ движеніе въ юридическомъ мірѣ.

— Въ берлинской *Volks-Zeitung* сообщаютъ, что законопроектъ о гражданскомъ бракѣ уже разработанъ и будетъ внесенъ въ рейхстагъ въ предстоящую сессію. При этомъ газета обращаетъ вниманіе на то, что законопроектъ разрабатывался въ министерствѣ юстиціи, а не вѣроисповѣданій, какъ сообщалось прежде.

— Французскія газеты извѣщаютъ, что 10 ноября бывшій министръ юстиціи и премьеръ послѣднихъ дней имперіи Эмиль Оливье будетъ принятъ въ члены Французской Академіи.

— 24 сентября въ Пештѣ открытъ конгрессъ венгерскихъ юристовъ; президентомъ избранъ г. Бальтазаръ Горватъ, бывшій министръ юстиціи.

— Въ англійскія газеты телеграфируютъ изъ Нью-Йорка, что судебная власть Соединенныхъ Штатовъ готовится принять мѣры въ Утахѣ противъ многоженства. Утверждаютъ, что окружной прокуроръ уже началъ преслѣдованіе за незаконное сожитіе противъ многихъ мормоновъ и что самъ Брайгамъ Юнгъ съ его 14 женами будетъ вызванъ въ судъ къ допросу. Неизвѣстно еще какъ отнесутся мормоны къ такому вмѣшательству въ ихъ обычаи, но утверждаютъ, что они закупаютъ въ большомъ количествѣ оружіе и снаряды.

— Петербургскія газеты разсказываютъ, говорятъ *Современныя Извѣстія*, что г. Спасовичъ оставляетъ свою адвокатскую дѣятельность, выходитъ изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ и готовитъ изданіе всѣхъ своихъ юридическихъ статей и публичныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ судебныхъ учрежденіяхъ съ самаго начала открытія гласнаго судопроизводства.

— Адвокаты, слава Богу, начинаютъ выходить изъ замкнутаго круга своей спеціальности и обнаруживать интересъ и къ другимъ сферамъ общественной дѣятельности. Такъ мы читаемъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что на обѣдѣ по поводу освященія церкви при Комисаровской технической школѣ въ Москвѣ московскій присяжный повѣренный К. А. Рихтеръ произнесъ обратившую на себя общее вниманіе рѣчь, въ которой сдѣлалъ сжатый историческій очеркъ учрежденія и развитія комисаровской школы, и указалъ на результаты, достигнутые ею въ такое короткое время, благодаря лишь энергіи и иниціативѣ частныхъ лицъ.

II.

Учрежденія адвокатуры.

Часто приходится слышать, какъ говорятъ, слѣдуя словамъ одного знаменитаго судьи, что адвокатъ занимаетъ весьма скромное въ ряду общественной іерархіи положеніе, чтобы кому-либо покровительствовать, и слишкомъ гордъ, чтобы принимать покровительство отъ другихъ. Но въ этомъ замѣчаніи, изъ котораго сдѣлали нѣчто въ родѣ правила, упоминаніе о гордости совершенно излишне, потому что если у адвоката нѣтъ покровителей, такъ это оттого, что никто и не могъ бы ему покровительствовать. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ обязанность адвоката? Отвѣтъ ясный, въ обязанности защищать. Въ какомъ же покровительствѣ можетъ нуждаться онъ при отправленіи этой обязанности? Единственное, что необходимо ему при защитѣ, это — независимость. Гдѣ же можетъ почерпнуть онъ эту независимость? Въ учрежденіи *сословія* адвокатовъ, которому д'Агессо приписываетъ происхожденіе столь же древнее, какъ и судебному сословію, что, какъ мы выше видѣли, не вполнѣ вѣрно, и которое онъ считаетъ столь же необходимымъ, какъ необходимо правосудіе, чего нельзя опровергать. Мы называемъ адвокатуру *сословіемъ*, а не *корпораціей*, потому что всякая корпорація есть созданіе закона, дающаго ей жизнь, но который также можетъ и лишить ее послѣдней. Дѣйствительно, всевозможныя конгрегаціи, коллегіи, различныя общественныя учрежденія, каковы больницы, церковныя заведенія и т. п., образовываются исключительно вслѣдствіе разрѣшенія закона, который и утверждаетъ существованіе ихъ въ государствѣ. Но адвокатура, имѣя источникомъ своимъ естественное право, стоящее выше самого за-

кона, никогда не могла бы примириться съ такимъ временнымъ, подчиненнымъ и непрочнымъ положеніемъ. Это не значитъ, что адвокатура не можетъ быть подавлена, или уничтожена закономъ: закону, — справедливъ онъ, или не справедливъ, — нельзя не повиноваться. Наполеонъ, напр., стѣснялъ это сословіе. Фридрихъ Великій счелъ за лучшее совсѣмъ упразднить его. Но мы хотимъ этимъ сказать, что какъ бы тяжело ни было пораженіе, нанесенное естественному праву въ лицѣ этого учрежденія, оно никогда не бываетъ смертельно: законъ теряетъ силу, и адвокатура снова возрождается къ жизни силою самыхъ вещей. Въ этомъ-то и состоитъ тайна ея долговѣчности. Что же касается тайны ея независимости, то она лежитъ въ учрежденіи сословія, которое требуетъ себѣ свободы дѣйствій и положило эту послѣднюю въ основаніе своей внутренней дисциплины, своего самостоятельнаго распоряженія списками. Посредствомъ внутренней дисциплины адвокатура охраняетъ собственное достоинство, посредствомъ независимаго распоряженія списками она отвергаетъ или принимаетъ въ свою среду кого сама знаетъ и такимъ образомъ вполнѣ изучаетъ составъ свой. Вотъ одинъ изъ примѣровъ того, къ чему служитъ эта внутренняя дисциплина. Судебныя пренія, благодаря Бога, не представляютъ изъ себя чего-то вродѣ партизанской войны, допускающей засады и неожиданныя нападенія. Это— честная борьба равнымъ оружіемъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ адвокаты обмѣниваютъ между собою дѣла, не требуя другъ отъ друга росписокъ, каково бы ни было количество и важность заключающихся въ нихъ документовъ. Въ уголовныхъ адвокатъ имѣетъ подъ руками всѣ бумаги слѣдственнаго производства. Иногда одинъ какой-нибудь клочекъ можетъ рѣшить вопросъ о собственности тяжущагося, о чести или жизни обвиняемаго. И что же! не бывало еще примѣра въ адвокатурѣ, чтобы хотя одинъ малѣйшій отрывокъ исчезъ когда-нибудь изъ дѣла среди этого безпрерывнаго передвиженія его. Вотъ въ этомъ-то и заключается результатъ постояннаго наблюденія адвокатуры за собою и независимаго управленія этого сословія, представляемаго совѣтомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ членовъ и предсѣдателя, которые всѣ свободно избираются самими адвокатами. Д'Агессо дѣйствительно имѣлъ право сказать, что адвокатское со-

словіе „отличается характеромъ, ему одному свойственнымъ.“ Но когда затѣмъ онъ прибавляетъ, что „единственное изъ всѣхъ учрежденій, оно не перестаетъ спокойно и счастливо пользоваться своею независимостью,“ тогда знаменитый канцлеръ переносится въ міръ воображенія. То не были слова прошедшаго, имъ не суждено было сбыться и въ будущемъ: адвокатурѣ не дано было жить въ столь блаженномъ состояніи. Новѣйшія сочиненія позволяютъ намъ возстановить факты прошедшаго и возобновить въ памяти людей печальное странствіе, которое совершала адвокатура посреди вѣковъ и народовъ.

Въ настоящее время нѣтъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что римская адвокатура имѣла свою собственную организацію и что организація эта въ продолженіи долгаго времени не была регулируема никакимъ закономъ. Гораздо ранѣе VII вѣка римской эры адвокатура въ Римѣ была коллективно подчинена извѣстнымъ общимъ правиламъ и статутамъ, о которыхъ говоритъ Цицеронъ. Но эти правила и статуты не были актомъ государственной власти. „Были-ли облечены правила эти въ письменную форму? спрашиваетъ Грелье-Дюмазо. Имѣло-ли общество адвокатовъ характеръ организованнаго учрежденія, подобно напримѣръ коллегіи авгуровъ? Мы не думаемъ этого, отвѣчаетъ Дюмазо. По всей вѣроятности, въ продолженіи долгаго періода, въ необходимыхъ случаяхъ ссылались исключительно на преданіе и принимали его какъ законъ, такъ что единство, какое замѣчалось, вытекало скорѣе изъ духа сословія, чѣмъ изъ факта существованія самого учрежденія, признаннаго закономъ. Обязанности родились изъ чувства приличія и затѣмъ поддерживались посредствомъ обычая, который имѣлъ такой сильный авторитетъ въ римскомъ обществѣ.“ Эта внутренняя дисциплина, ускользающая отъ закона и регламентацій общественной власти, но которая въ тоже время управляетъ коллегіей адвокатовъ, есть лучшее доказательство независимости римской адвокатуры. Отсутствіе всякаго закона, утверждающаго существованіе этой коллегіи,—тогда какъ корпораціи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, учреждались только силою формальныхъ законовъ, — ясно показываетъ какъ могущество этого учрежденія, такъ и неразрывную связь его съ

естественнымъ правомъ, которое, для того чтобы проявить себя въ жизни, не нуждается ни въ какомъ актѣ законодательства.

Впрочемъ римская адвокатура и никогда не была подчинена полной и всеобщей регламентаціи. Различныя распоряженія, разбросанныя тамъ и сямъ, только послѣдовательно стѣсняли свободный ходъ ея развитія. Въ началѣ, правда, они ни въ чемъ не касались права защиты. Напротивъ казалось, что скорѣе цѣлью ихъ было поставить послѣднюю подъ благосклонное покровительство закона. Таковъ напримѣръ законъ, установляющій оффиціальную защиту. Впослѣдствіи-же, по мѣрѣ того какъ росла абсолютная власть, право защиты съуживалось посредствомъ различныхъ мѣръ все болѣе и болѣе. Такъ напримѣръ никто не имѣлъ болѣе права защищать, не будучи уполномоченъ на то эдиктомъ судьи. Адвокаты стали вноситься въ списокъ по старшинству, при чемъ число ихъ было ограничено. Кромѣ адвокатовъ по праву были еще, подобно какъ теперь въ Германіи, адвокаты сверхштатные или кандидаты, занимавшіе мѣста въ спискахъ по мѣрѣ открытія вакансій. Дѣйствительныхъ адвокатовъ было по сту пятидесяти въ префектурахъ Рима и Константинополя, Іустинъ уменьшилъ это число до восьмидесяти. Пятьдесятъ представляли это сословіе въ Александріи, тридцать въ Сиріи, по шестнадцати было назначено для провинцій. Отправленіе защиты было низведено такимъ образомъ до степени настоящаго чиновничества, и на этомъ пути дошли наконецъ до того, что адвокатъ допускался къ защитѣ не иначе,—что совершенно логично вытекало изъ предшествующаго,—какъ по спеціальному разрѣшенію государя. Регламентирующая власть всегда дѣйствуетъ такъ, что захватъ идетъ за захватомъ, присвоеніе за присвоеніемъ и наконецъ колеса машины поглощаютъ все. Что-же осталось ко временамъ Восточной имперіи отъ этой адвокатуры, которая считала въ рядахъ своихъ имена Гортензія и Цицерона? *) Да почти ничего. Самая коллегія адвокатовъ

---

*) Характеристику Гортензія, какъ и вообще всего, что касается римской адвокатуры см. у Grellet-Dumazeau: „Le barreau romain depuis son origine jusqu'à Justinien."

Зам. Пер.

почти смѣшалась съ организованными и узаконенными правительствомъ корпораціями. Говоря о привилегіяхъ, которыми пользовалась римская адвокатура, Грелье-Дюмазо дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „Самыя прекраснѣйшія привилегіи адвокатовъ никогда не были писаными, и онѣ существовали въ ту эпоху, когда профессія эта или вовсе не была регламентирована, или только въ весьма неполномъ видѣ. Въ продолженіи долгаго періода все судебное сословіе Рима и провинцій выходило изъ среды адвокатуры. Собственно такъ называемыя привилегіи, которыя обыкновенно ничто иное, какъ плата порабощенію, возникли только тогда, когда адвокатура, переставъ быть доступною для всѣхъ, была ограничена въ числѣ призванныхъ трудиться на этомъ поприщѣ и сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ должности, которую государь жаловалъ извѣстному лицу.“ Да, адвокатура не можетъ не унизиться съ утратою своей независимости. Это—роковой ея законъ. Не слѣдуетъ-ли намъ поэтому воздать полную честь тѣмъ усиліямъ, которыя она всегда употребляла, чтобы избѣгать вліянія правительства и противиться въ равной мѣрѣ какъ насиліямъ, такъ и соблазнамъ его.

Судьбы адвокатуры во Франціи были до чрезвычайности разнообразны. Если Галлія, по словамъ Ювенала, была разсадникомъ адвокатовъ, если она научила краснорѣчію только что появившійся народъ Англіи,

Gallia causidicos docuit facunda Britannos,

то краснорѣчіе ея, еще болѣе возвысившееся вслѣдствіе римскаго вліянія, должно было прійти въ чрезвычайный упадокъ, послѣ вторженія сѣверныхъ народовъ съ одной стороны, подъ гнетомъ феодализма съ другой. Нѣсколько лѣтъ уже производятся дѣятельныя розысканія съ цѣлью разсѣять тьму, покрывающую первые вѣка нашей исторіи, но, сколько намъ извѣстно, не было еще открыто ничего достойнаго вниманія относительно французской адвокатуры. Да и какое значеніе могла имѣть адвокатура тамъ, гдѣ правосудіе считалось ни во что? Откуда она могла почерпнуть свое цивилизующее вліяніе, въ чемъ могла заключаться тайна ея могущества въ тѣ времена, когда, какъ остро-

умно было сказано, право силы замѣняло собою силу права! Однако и во времена феодализма существовали адвокаты. Объ этомъ говорятъ многіе документы, не давая впрочемъ никакого понятія о роли, какую предназначено было занимать имъ въ средѣ того, что могло въ тѣ времена походить на суды. Право защиты снова пробудилось только тогда, когда Людовикъ Святой сдѣлался верховнымъ судьею въ своемъ небольшомъ королевствѣ. Въ XV вѣкѣ, вмѣстѣ съ парламентами, адвокатура вновь пріобрѣла свое обаяніе и вліяніе ея сказывается уже во всемъ, что касается общественныхъ правъ. Мы видимъ нѣкоторое число адвокатовъ, засѣдающихъ въ штатахъ 1484 г., и они-то большею частью и намѣтили первые пути реформъ, волновавшихъ уже страну, реформъ, которыя тетрадямъ 1789 г. суждено было повторить почти буквально. Можно было-бы думать, что абсолютная монархія была не менѣе гибельна для адвокатуры, какъ и для другихъ свободныхъ учрежденій въ странѣ, но такой взглядъ былъ-бы не вѣренъ. Конечно положеніе защиты въ тѣ времена было не изъ лучшихъ. Еще и теперь чувствуется невольное содроганіе при мысли, что, для того чтобы быть осужденнымъ, достаточно было подвергнуться сильному подозрѣнію, и что эти ужасныя подозрѣнія вытекали для судьи единственно изъ тайнаго судопроизводства и допросовъ подъ пыткой. Тѣмъ не менѣе было-бы несправедливо сказать, что адвокатура не пользовалась уже и въ тѣ времена нѣкоторою независимостью. Въ сферѣ, гдѣ предоставлено было дѣйствовать ей, именно въ преніяхъ по гражданскимъ дѣламъ, ей данъ былъ широкій просторъ. И она воспользовалась этимъ благопріятнымъ условіемъ, чтобы возстановить свою внутреннюю дисциплину.

Начиная съ XVII вѣка французская адвокатура стала пользоваться принадлежащею ей свободой и зависѣть исключительно отъ себя самой. Какимъ-же образомъ могло произойти это чудо въ то время, когда все склонялось подъ давленіемъ власти, какому счастливому стеченію обстоятельствъ адвокатура обязана была сохраненіемъ своей свободы? Причиной такого положенія ея была очевидно борьба, завязавшаяся между парламентами и королевскою властью.*)

*) Парламенты — это, вообще говоря, верховныя судилища въ старой французской монархіи. Происхожденіе ихъ теряется въ глубокой древности.

Дѣло въ томъ, что адвокатура образовала изъ себя общества при каждомъ изъ главнѣйшихъ мѣстъ отправленія правосудія, и это было такое прибавленіе къ послѣднему, что обѣ спорящія стороны, каждая въ свою очередь, заинтересованы были охранять его. Сама адвокатура однако принимала весьма незначительное участіе въ борьбѣ и,—странное дѣло,—она принуждена была защищаться скорѣе противъ властолюбивыхъ притязаній парламентовъ, чѣмъ противъ всемогущества королевской власти. Когда взаимное раздраженіе между парламентомъ и адвокатурой заходило слишкомъ далеко, правительство считало нужнымъ вступиться, чтобы успокоить умы, при чемъ рѣдко случалось, чтобы оно не воспользовалось такимъ удобнымъ случаемъ возвысить голосъ свой противъ юридическихъ собраній. Такъ напримѣръ, когда въ 1704 году адвокатура при парламентѣ въ Эксѣ (Aix), считая оскорбленнымъ свое достоинство, отказалась присутствовать на засѣданіяхъ, то канцлеръ Пон-

---

Сначала, по свидѣтельству Зибеля, ихъ было 9, потомъ число это увеличилось до 15. Они образовались, въ теченіи вѣковъ, изъ совѣтовъ, состоявшихъ при королѣ, безъ которыхъ послѣдній не предпринималъ ничего, сколько-нибудь рѣшительнаго. Въ эпоху Людовика Святаго, въ срединѣ XIII столѣтія, совѣтъ короля, на обязанности котораго лежало завѣдывать дѣлами и творить судъ, раздѣлялся на два отдѣленія—административное и судебное. Первое называлось совѣтомъ короля въ собственномъ смыслѣ, второе—парламентомъ. Это образованіе въ составѣ королевскаго совѣта особаго отдѣленія—судебнаго и „пробужденіе защиты при Людовикѣ Святомъ,“ о чемъ говоритъ г. Беркье нѣсколько строкъ выше, вытекало изъ неустанной заботливости Людовика о правосудіи. Онъ первый въ Европѣ, какъ извѣстно, началъ обуздывать кулачное право и среди всеобщаго феодальнаго гнета представлялъ въ своемъ лицѣ короля справедливѣйшаго судью и могущественнаго покровителя бѣдныхъ и слабыхъ противъ притѣсненій со стороны богатыхъ и сильныхъ. Извѣстенъ его столь прославленный старинный венсеннскій дубъ (plaids de la porte).— Главнымъ изъ парламентовъ былъ Парижскій, какъ по пространству своей дѣятельности, такъ и по своему политическому значенію. Вмѣшиваясь въ большей части случаевъ въ судебное законодательство страны, парламенты мало по малу простерли свою власть и на самое управленіе государствомъ. Въ особенности они дорожили и постоянно отстаивали свое старинное право, по которому ниодинъ королевскій указъ не могъ имѣть силы, не будучи занесенъ въ парламентскіе списки. Отсюда знаменитая борьба, „завязавшаяся между парламентами и королевскою властью“, наполнявшая собою почти всю исторію Франціи XVII и XVIII столѣтій, борьба, о которой говоритъ г. Беркье, и которая, по объясненію его, послужила однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ упроченію положенія адвокатуры во Франціи.

Зам. Пер.

шартренъ убѣждалъ парламентъ положить конецъ этимъ раздорамъ и постараться возвратить адвокатуру на принадлежащее ей мѣсто „посредствомъ какого-либо знака благосклонности къ этому сословію, которое само по себѣ заслуживаетъ всякаго уваженія.“*) Адвокатура дѣйствительно снова стала являться на засѣданія, но когда президентъ парламента вздумалъ сказать, что дѣла шли нисколько не хуже и безъ адвокатовъ, то онъ тотчасъ же получилъ отъ канцлера слѣдующій довольно рѣзкій отвѣтъ: „Поздравляю васъ съ счастливымъ успѣхомъ тѣхъ мѣръ, которыя вы приняли относительно адвокатовъ, но если я душевно радуюсь тому, что они приступили вновь къ исполненію своихъ обязанностей, то радость моя скорѣе вызывается желаніемъ блага для дѣла правосудія, чѣмъ какою-либо другою причиною, потому что, чтобы вы ни говорили, я не могу раздѣлять вашего мнѣнія о безполезности адвокатовъ, служеніе которыхъ всегда было признаваемо за одну изъ существенныхъ и необходимыхъ частей въ отправленіи правосудія, и такое понятіе о немъ высказано не однимъ ордонансомъ. Признаюсь, я не мало удивленъ, что вы, особенно занимая то мѣсто, на которомъ находитесь теперь, думаете и говорите объ этомъ предметѣ иначе и хотите убѣдить меня, что въ отсутствіи адвокатовъ правосудіе отправлялось у васъ съ неменьшимъ приличіемъ и достоинствомъ.“ Благодаря этому антагонизму адвокатура и могла

*) Канцлеръ — олицетвореніе юстиціи въ старой французской монархіи, былъ органомъ королевской воли при всѣхъ судебныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ. Великій коронный чиновникъ, онъ занималъ послѣ короля первое мѣсто въ государствѣ. Въ совѣтѣ короля канцлеръ засѣдалъ выше герцоговъ и перовъ. Ни по комъ, говоритъ Э. Лабуле, не носилъ онъ траура и никогда не писалъ въ концѣ своихъ писемъ общепринятую формулу „вашъ слуга.“ Его нельзя было ни уволить, ни замѣстить — онъ былъ несмѣняемъ. И потому король, желая почему нибудь избавиться онъ него, оставлялъ неприкосновенною несмѣняемость самой должности, канцлера же ссылалъ обыкновенно въ деревню посредствомъ секретнаго письма. Такъ д'Агессо былъ изгнанъ въ 1718 г., возвращенъ въ 1720 г., снова изгнанъ въ 1722 и снова возвращенъ въ 1731 г. На обязанности канцлера лежало также составленіе законовъ и д'Агессо напр. ознаменовалъ свое вступленіе въ эту должность изданіемъ ордонансовъ, еще и до сихъ поръ составляющихъ часть французскаго законодательства.

Зам. Пер.

ускользнуть отъ всеобщаго давленія. Она осталась свободною, но сфера дѣятельности ея была ограничена какъ самою организаціею уголовнаго правосудія, такъ и политическимъ устройствомъ страны. Она могла дѣйствовать только на почвѣ гражданскихъ дѣлъ и нигдѣ болѣе. Антуанъ Леметръ, Кошенъ и Жербье, олицетворяющіе собою адвокатуру XVII и XVIII вѣковъ, защищали только въ гражданскихъ процессахъ. Уголовныя и политическія дѣла приберегались для новѣйшей адвокатуры.

Занимаясь пересмотромъ старыхъ учрежденій, учредительное собраніе сдѣлало ошибку, смѣшавъ сословіе адвокатовъ, съ различными корпораціями и юридическими обществами, уничтоженіе которыхъ было необходимо. Отмѣняя корпораціи въ области ремесла и механическаго искусства, оно несомнѣнно сдѣлало болѣе свободными отправленія промышленности и торговли; уничтожая сословіе адвокатовъ, оно вычеркнуло изъ своего кодекса право защиты. Желало-ли этого само учредительное собраніе? Разумѣется, нѣтъ. Оно напротивъ хотѣло сдѣлать болѣе свободнымъ служеніе адвоката. Ошибка эта ярко выступаетъ въ проектѣ учредительнаго комитета судебной организаціи, представленномъ Бергассомъ. „Каждая сторона, говоритъ проектъ, будетъ имѣть право защищать сама свое дѣло, если найдетъ это удобнымъ для себя. Для того-же чтобы профессія адвоката сдѣлалась вполнѣ свободною, какою она должна быть, адвокаты не будутъ болѣе составлять изъ себя корпорацію или отдѣльное сословіе. Каждый гражданинъ, при достаточномъ знаніи, будетъ имѣть право, выдержавъ необходимый для того экзаменъ, заниматься профессіей адвоката, при чемъ онъ будетъ обязанъ отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи только закону.“ До сихъ поръ на этотъ проектъ, въ которомъ раскрывается настоящая первоначальная мысль учредительнаго собранія, обращалось довольно мало вниманія. Гораздо охотнѣе останавливались на краткихъ распоряженіяхъ декрета 2 сентября 1790 года, уничтожающаго адвокатскій костюмъ, потому что, какъ говоритъ декретъ, адвокатура не должна болѣе составлять корпораціи или сословія. Изъ этого выводили, что учредительное собраніе рѣшительнымъ образомъ принесло въ жертву право защиты. Но это не вѣрно. Не надо забывать,

что однимъ изъ наиболѣе занимающихъ собраніе вопросовъ былъ вопросъ о личной свободѣ и что эту свободу оно стремилось обезпечить всевозможными способами. Но, къ сожалѣнію, учредительное собраніе не видѣло вполнѣ ясно того, что мы видимъ такъ хорошо теперь. Среди обломковъ разрушенныхъ имъ учрежденій, въ то время какъ оно старалось найти тамъ матеріалы для новаго зданія, адвокатура казалась ему безъ сомнѣнія не болѣе какъ учрежденіемъ второстепеннымъ, имѣющимъ свои недостатки, которое должно было кромѣ того искупить собою грѣхи парламентовъ. Прикованная къ гражданскимъ дѣламъ стараго порядка вещей, адвокатура почти неслышна была въ тѣ времена, ее не видали еще на почвѣ уголовной защиты и, установляя судъ присяжныхъ, учредительное собраніе не поняло важности новой роли, какую адвокатура должна была играть на ряду съ этимъ институтомъ. А можетъ быть и то, что учредительное собраніе составило себѣ слишкомъ высокое понятіе объ эманципаціи народа, которая, правда, была написана въ законахъ, но не успѣла перейти еще въ живую дѣйствительность. Одного удара волшебнаго жезла было еще мало для того, чтобы старое общество превратилось вдругъ въ собраніе просвѣщенныхъ и образованныхъ гражданъ, способныхъ защищать себя и языкомъ науки говорить о своихъ интересахъ и общественныхъ дѣлахъ. А между тѣмъ преимущественно самому гражданину, новому афинянину этихъ новыхъ Афинъ, учредительное собраніе и предоставило заботу личной защиты. Въ самомъ дѣлѣ воспоминанія о Греціи слышались въ преніяхъ каждую минуту, но при этомъ забывали о тяжущемся Аристофана. Въ результатѣ оказалось, что простодушный гражданинъ былъ вооруженъ и закованъ въ латы для защиты себя, не зная употребленія оружія, которое дали ему въ руки. Профессія адвоката, правда, не была запрещена, но, желая сдѣлать ее болѣе свободною, учредительное собраніе лишило адвокатуру одного изъ главнѣйшихъ условій силы ея.

Одно остается непонятнымъ въ преніяхъ учредительнаго собранія. Это—молчаніе со стороны Туре, Мерлена, Тронше, Дюпора и Трельяра объ учрежденіи адвокатуры, которые всѣ были однако адвокаты или юристы. Думали-ли они, что адвокатура сдѣлалась-бы помѣхой для дѣла правосудія, или

быть можетъ боялись они, чтобы ихъ не обвинили, что говоря о ней, они защищаютъ свое собственное дѣло? Не менѣе удивительно и то, что только одинъ ораторъ, казалось, прозрѣвалъ всю важность служенія адвоката. И этотъ ораторъ былъ Робеспьеръ, тотъ самый Робеспьеръ, которому въ скорости суждено было показать, какъ мало цѣнитъ онъ личную свободу и право защиты, а между тѣмъ онъ говоритъ за адвокатуру горячо, съ энтузіазмомъ, доходящимъ до краснорѣчія. Заходитъ-ли рѣчь о томъ, чтобы предоставить защиту лицамъ, уполномоченнымъ на то судами, ограничивъ при томъ число ихъ, онъ тотчасъ восклицаетъ: „Одна эта профессія ускользаетъ отъ фискальныхъ захватовъ и абсолютной власти монарха. Законъ всегда смотрѣлъ на нее, какъ на поприще, свободное для всѣхъ гражданъ, по крайней мѣрѣ онъ требовалъ только, чтобы они прошли открытый для всѣхъ курсъ знаній, пріобрѣтаемыхъ безъ труда,—вотъ до чего право естественной защиты казалось священнымъ въ тѣ времена! Такимъ образомъ, если я не затрудняясь выскажу здѣсь, что и эта профессія не была изъята отъ злоупотребленій, которыя всегда будутъ губить народы тамъ, гдѣ не царитъ свобода, то не слѣдуетъ-ли мнѣ по крайней мѣрѣ согласиться съ тѣмъ, что адвокатура кажется одна еще обнаруживала послѣдніе слѣды свободы, изгнанной изъ общества отвсюду. Только въ ней одной еще встрѣчалось мужество, заявлявшее смѣло права слабаго въ отпоръ преступленій тѣхъ, кто, пользуясь могуществомъ своимъ, такъ жестоко тѣснилъ его. Исключительное право защищать своихъ согражданъ отнынѣ будутъ даровать намъ трое судей и два законника! Если такъ, не видѣть вамъ болѣе въ святилищѣ правосудія этихъ пламенныхъ людей, которые способны глубоко проникаться дѣломъ несчастныхъ и потому достойны ихъ защищать. Слабость, бездарность, несправедливость, вѣроломство изженутъ этихъ неустрашимыхъ въ краснорѣчіи, эту опору невинности, этого бича преступленія. И вы увидите, какъ вмѣсто нихъ станутъ встрѣчать людей грубыхъ, безъ энтузіазма къ своему долгу, буквоѣдовъ, которыхъ влечетъ на благородную карьеру одинъ низкій интересъ. Вы извращаете, вы унижаете отправленія, драгоцѣнныя для человѣчества, необходимыя для прогресса общественнаго духа.

Вы закрываете эту школу гражданскихъ добродѣтелей, гдѣ талантъ и достоинство, защищая дѣло гражданина передъ судьею, стали-бы учиться—придетъ день!—защищать дѣло народа среди законодателей.“ Слова эти были пророчествомъ. Прокуроры были уполномочены говорить передъ судами, и хотя стороны сохранили право избирать себѣ *оффиціальныхъ защитниковъ*,—названіе, которое дано было адвокатамъ,—тѣмъ не менѣе служеніе защиты вскорѣ потеряло всякое обаяніе и авторитетъ въ совмѣстничествѣ, среди котораго оно не могло быть отправляемо съ должною благопристойностью. Напрасно адвокаты добровольно возстановили свою дисциплину посредствомъ статутовъ, исполненныхъ твердости, напрасно они сформировали подъ названіемъ *общества людей закона* ассоціацію, посвященную защитѣ и представляющую правосудію всѣ гарантіи знаній и личнаго достоинства, — они были смѣшаны у рѣшетки суда съ „интрусами,“ самозванными адвокатами, которые тамъ присутствовали и могли, вслѣдствіе простого полномочія, говорить отъ имени сторонъ. Отъ поприща, такимъ образомъ извращеннаго, какъ сказалъ это Робеспьеръ, стали мало по малу удаляться, такъ что начиная съ 1792 г. списки стариннаго юридическаго факультета въ Парижѣ закрылись надолго. Вотъ до чего должно было довести заблужденіе учредительнаго собранія, и когда конвентъ, дѣлая шагъ впередъ, — но одинъ изъ тѣхъ шаговъ, которые онъ одинъ умѣлъ дѣлать,—провозгласилъ, что „если законъ давалъ въ защиту оклеветаннымъ патріотамъ патріотическій судъ присяжныхъ, то онъ еще не даровалъ его заговорщикамъ“, тогда революціонному суду не оставалось ничего болѣе, какъ отправлять свободно свое назначеніе, а гражданамъ, объявленнымъ подозрительными, покорно нести голову свою на плаху.

Ошибка учредительнаго собранія слишкомъ жестоко дала себя почувствовать, чтобы тѣмъ, которые допустили ее, снова не пришло на мысль постараться возвратить адвокатурѣ ея устройство и ея древнія прерогативы. Къ несчастію, деспотизму конвента наслѣдовала абсолютная власть имперіи. Время не благопріятствовало тому, чтобы дать адвокатурѣ силу и блескъ, несмотря на то что это было самымъ горячимъ стремленіемъ замѣчательнѣйшихъ людей въ

государственномъ совѣтѣ. Магистратура, суды, гражданское и уголовное судопроизводство—все было организовано, но для адвокатуры пока еще не было сдѣлано ничего. Но наконецъ проектъ устава былъ приготовленъ и для нея. Редакція проекта поручена была Трельяру, старинному члену учредительнаго собранія, который воспользовался случаемъ поправить допущенное имъ прежде зло, послѣдствія котораго онъ могъ теперь измѣрить. Предисловіе проекта было написано твердымъ и возвышеннымъ слогомъ. Оно воздавало честь „свободѣ, независимости и благородству профессіи адвоката“ и заявляло, что „возобновляя правила спасительной дисциплины, которую адвокаты столь ревниво оберегали въ лучшіе дни адвокатуры“, авторъ закона намѣренъ былъ въ тоже время поставить границы, которыя должны отдѣлять эту профессію „отъ низости, своеволія и растлѣнія.“ Хотя послѣднія слова были направлены противъ стряпчихъ, завладѣвшихъ со времени революціи трибунами въ судахъ, тѣмъ не менѣе они показались слишкомъ сильными, и въ новой редакціи слово „растлѣніе“ было вычеркнуто. Этотъ проектъ открывалъ путь самымъ существеннымъ прерогативамъ адвокатуры. Онъ предоставлялъ назначеніе дисциплинарнаго совѣта и предсѣдателя цѣлому сословію адвокатовъ, предсѣдателю давалъ право созывать совѣтъ и наконецъ возвращалъ сословію распоряженіе его списками. Проектъ этотъ посланъ былъ Наполеону, который нашелъ его въ высшей степени дурнымъ. Онъ не понималъ, какимъ образомъ адвокатурѣ предоставлено исключительное попеченіе о собственной дисциплинѣ и какъ ей было позволено избирать равныхъ себѣ для управленія, тогда какъ избирательный принципъ прекратилъ свое дѣйствіе во Франціи повсемѣстно. По мнѣнію его въ такомъ порядкѣ вещей заключалось какъ-бы постоянное гнѣздо возмущенія. Объ этомъ онъ написалъ Камбасересу. Послѣ смерти великаго канцлера въ бумагахъ его было найдено это письмо Наполеона, изъ котораго Дюпенъ сдѣлалъ довольно замѣчательное извлеченіе. „Декретъ безсмысленъ, говорилъ императоръ. Онъ исключаетъ всякое вліяніе, всякое дѣйствіе противъ нихъ (адвокатовъ). Это—мятежники, изобрѣтатели всякаго преступленія и измѣны. И пока я ношу шпагу, я никогда не подпишу подобнаго декрета. Я желалъ-бы, чтобы можно было отрѣзать языкъ тому адвокату, ко-

торый воспользуется имъ противъ правительства.“ Вотъ взглядъ, по крайней мѣрѣ ясно высказанный. Проектъ нѣсколько разъ подвергался передѣлкѣ. Мы имѣли передъ глазами различныя редакціи его, изъ которыхъ можно видѣть, какъ Трельяръ отстаивалъ шагъ за шагомъ свое дѣло и не иначе допускалъ искаженія въ немъ, какъ защищая, такъ сказать грудью, каждое слово проекта. Можно прослѣдить какъ первоначальный проектъ разрушался съ каждымъ оттискомъ все болѣе и болѣе и наконецъ отъ проекта почти не осталось ничего. Право избранія было уничтожено; назначеніе предсѣдателя и совѣта сословія ввѣрено генеральному прокурору, которому также предоставлено было право созывать собранія по собственному благоусмотрѣнію, и главный судья, министръ юстиціи могъ „собственною властью и смотря по обстоятельствамъ“ подвергнуть адвоката дисциплинарному взысканію и даже исключить его изъ списка. Такова была окончательная редакція декрета 14 декабря 1810 г., которому тѣмъ не менѣе было предпослано предисловіе Трельяра, по исключеніи однако изъ него слова „независимость“, которое одно выражаетъ собою все. Но не смотря на эту ампутацію, предисловіе декрета не лишено все-таки своего рода либерализма, который дѣлаетъ изъ него настоящую загадку для тѣхъ, кто захотѣлъ-бы согласовать эту пышную апологію свободы адвоката и благородства профессіи съ слѣдующими за ней постановленіями, налагающими на адвокатуру столько оковъ. Однако, было-ли все это слѣдствіемъ сильной ненависти Наполеона къ адвокатамъ? Сказать такъ было-бы слишкомъ много. Что въ особенности ненавидѣлъ онъ, такъ это независимость ихъ, и ее-то онъ и хотѣлъ отнять у нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой противникъ можетъ быть безпокойнѣе этихъ людей, привыкшихъ все возводить къ принципамъ права и справедливости? Это—разсужденія Дюпена, который прибавляетъ, правда, что отвращеніе императора простиралось только на тѣхъ, которые хотѣли оставаться адвокатами на службѣ обществу; тѣ-же, которые соглашались вступить на государственную службу, могли быть увѣрены, что ихъ примутъ хорошо. Изученіе права и исторіи не всегда было вѣрнымъ убѣжищемъ отъ происковъ власти. Дюпенъ разсказываетъ, что въ 1809 г., когда онъ былъ еще молодымъ адвокатомъ, ему пришлось, въ историческомъ очеркѣ римскаго

права, разобрать узурпаціи Августа въ сферѣ законодательства. Полиція усмотрѣла въ этомъ намекъ на нескончаемые захваты императорскихъ декретовъ въ области законовъ и арестовала сочиненіе. Итакъ еслибы въ концѣ концовъ захотѣли узнать, въ чемъ состоитъ независимость адвокатуры и гдѣ настоящее мѣсто этой независимости, то достаточно былобы только разсмотрѣть съ какихъ сторонъ Наполеонъ спѣшилъ затронуть адвокатуру, съ тѣхъ поръ какъ возникъ вопросъ объ организаціи ея и дѣйствительно затронулъ настолько глубоко, что отнялъ у нея всякую тѣнь значенія во все продолженіе царствованія своего.

Только въ правленіе короля Людовика-Филиппа адвокатура возвратила себѣ права, избирательное управленіе и распоряженіе своими списками. Ордонансъ 27 августа 1830 г. самымъ высокимъ образомъ высказался о свободѣ и независимости ея. Онъ и до сихъ поръ большею частью составляетъ хартію французской адвокатуры. Мы говоримъ „большею частью", потому что съ тѣхъ поръ двѣ правительственныя мѣры коснулись адвокатуры. Революція 1848 г. обложила ее патентомъ, налогъ, касавшійся до тѣхъ поръ только торговли и промышленности и принципъ котораго трудно согласить съ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ свободномъ учрежденіи. Съ другой стороны декретъ 22 марта 1852 г. съузилъ право избранія предсѣдателя, ввѣривъ его однимъ членамъ совѣта сословія. Прежде право это принадлежало цѣлому сословію. Къ этому надо прибавить, что въ 1851 г. дѣла о печати были исключены изъ вѣдѣнія присяжныхъ и переданы судамъ исправительнымъ, публичность преній въ которыхъ ограничена самою залою засѣданій. Въ дѣлахъ подобнаго рода отчеты о преніяхъ строго запрещены. Одно изъ этихъ-то дѣлъ и дало поводъ къ тому случаю, о которомъ мы говорили въ началѣ этого сочиненія *) и породило вопросъ о прерагативахъ, къ которому мы хотѣли возвратиться не прежде какъ выяснивъ въ самомъ принципѣ организацію адвокатуры.

Посмотримъ теперь насколько простора оставлено защитѣ для выполненія дѣла ея предъ лицомъ правосудія.

---

*) Перерывъ защиты Эмиля Оливье, въ дѣлѣ Вашеро, въ шестой камерѣ Сенскаго трибунала.

III.

Свобода защиты.

Адвокатъ долженъ быть свободенъ, не для того чтобы въ свою очередь сдѣлаться орудіемъ притѣсненія, но для того, чтобы оказывать помощь притѣсняемому. Онъ долженъ быть свободенъ, потому что свобода и право защиты составляютъ нѣчто единое. Итакъ, кто говоритъ о свободѣ защиты, тотъ необходимымъ образомъ говоритъ и о свободѣ слова. До какихъ же предѣловъ можетъ простираться эта свобода? Границы ея никогда не были опредѣлены. Но нельзя ли ихъ однако опредѣлить? Долгое время господствовали двѣ школы или, лучше сказать, два мнѣнія: одно, которое требовало для защиты абсолютной свободы и другое, желавшее подчинить ее извѣстнымъ правиламъ и начертать ей болѣе или менѣе ограниченный путь. Эта послѣдняя была школа Филанджіери. Это та самая школа, которая въ древности ставила передъ адвокатомъ часы и стремилась размѣрить длину возраженія и продолжительность ораторскихъ движеній. Но мы ошибаемся, для этой школы не существуетъ ораторскихъ движеній — она караетъ краснорѣчіе, какъ преступленіе. „Не знаю за что, говоритъ Филанджіери, подвергаютъ наказанію защитника обвиняемаго, если онъ пытается подкупить судей деньгами, тогда какъ соблазнять ихъ всѣми ухищреніями патетическаго краснорѣчія считается позволительнымъ“ и онъ требуетъ строгихъ наказаній противъ подкуповъ такого рода.*) Роль адвоката тогда будетъ очень проста—

*) Гаэтано Филанджіери — дорогое имя въ области гуманныхъ идей, стоящее на ряду съ именами Монтескье, Беккаріи и др., знаменитъ своею книгою „La Scienza della Legislazione“ (1780—1788 г.). Только чуждымъ всякаго вдохновенія, прозаическимъ характеромъ политической экономіи, въ которой Филанджіери попреимуществу извѣстенъ, можно отчасти объяснить ту сухость взгляда, съ какою онъ смотритъ на краснорѣчіе адвоката. Зап. Пер.

